

Протоиерей
Александр Мень

От рабства к свободе

Протоиерей
Александр Мень

От рабства к свободе

Лекции по Ветхому Завету

Издательский дом «Жизнь с Богом»

Москва 2008

ISBN 978-5-903612-22-2

Протоиерей Александр Мень
ОТ РАБСТВА К СВОБОДЕ

Редакционная коллегия:
Роза Адамянц, Наталия Вторушина,
Павел Мень

Цикл лекций известного православного священника, современного писателя-богослова, протоиерея Александра Менья (1935-1990) был прочитан в 1989-1990 гг. для студентов, которые изучали историю и архивоведение в Московском Государственном историко-архивном институте (МГИАИ).

На обложке воспроизведена картина немецкого художника
Роберта Лейнвебера
«Огненное восхождение пророка Илии на Небо»

ББК 86
УД 2
М 51

© М. А. Мень, текст, 2008
© Издательский дом «Жизнь с Богом», 2008

Предисловие

«Всю жизнь он говорил о примирении людей. Всю жизнь его не слушали». Этими словами о пророке Иеремии из лекции отца Александра Меня, которую он прочел в Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ) 11 апреля 1990 года, можно сказать о его жизни, о нем самом, его судьбе и оставленном им следе в Истории.

Это был цикл лекций, условно названный в известном Московском гуманитарном институте МГИАИ «спецкурсом» для студентов, которые изучали историю и архивоведение в поистине исторический момент, то были годы знаменитой перестройки, которую сегодня одни забывают, другие толкуют как угодно, в зависимости от своих нынешних пристрастий и предпочтений. Я историк, и поэтому пытаюсь взглянуть на то время и встречи с отцом Александром в роли академического лектора по возможности объективно, хотя ни в коем случае не отстраненно. Ведь мне довелось быть активным участником духовных и культурных перемен той бурной эпохи. Среди этих перемен — беспрецедентный факт — православный священник отец Александр Мень читает спецкурс для студентов светского (еще вчера вполне советского) высшего учебного заведения. Приглашение столь необычного лектора именно в историко-архивный институт не было случайностью, поскольку тогдашний ректор МГИАИ историк Ю.Н. Афанасьев приложил немалые усилия к тому, чтобы сосредоточить в институте лучшие силы гуманитарной мысли страны, тех, кто сохранил себя в тисках сталинского догмати-

А. Мень. От рабства к свободе

ческого марксизма-ленинизма и не заках в тусклом безмыслии и безвременье брежневской поры. А такие люди, к счастью, были. Среди них — удивительный и уникальный отец Александр Мень.

Вспоминаю момент оформления его на работу. На мою просьбу заполнить полагающиеся бумаги, чтобы стать «почасовиком», отец Александр удивленно поднял брови: «Зачем это? Ведь никакой платы за лекции я не приму». Я объяснила, что нам хотелось бы создать и документально зафиксировать прецедент привлечения священнослужителя к преподаванию научной темы: Библия, о которой он собирался рассказать, принадлежит всей мировой культуре. Однако в советское время нельзя было и помыслить о подобном лекторе для студентов вуза. Священник в студенческой аудитории не с целью обращения в христианскую веру (по сей день убеждена, что это дело сугубо личное), а в качестве ученого специалиста по истории древности и исследователя путей становления мировой культуры.

В текстах лекций отца Александра раскрываются его обширные знания прежде всего о ранних страницах истории человеческого общества. При чтении записанных на магнитофон и теперь восстановленных лекций отца Александра не покидает ощущение, что Александр Мень — востоковед, специалист по истории Древнего Востока. Тем более, что он неоднократно упоминает авторов специальных научных исследований по древней истории, говоря о них легко и уверенно, как о добрых знакомых, которые видят проблемы библейской эпохи несколько односторонне (вне вопросов веры), однако по-своему интересно и достойно серьезной оценки.

Предисловие

Многочисленные литературные ассоциации и реминисценции, постоянно возникающие в лекциях отца Александра, говорят о его гуманитарной образованности как о чем-то совершенно органичном для лектора, служителя не только Православной Церкви, но и ответственного дела обучения и просвещения юношества. Таким и только таким должен быть тот, кто берется вести молодых в бесконечно прекрасный мир духовной культуры человечества. Не перечислить тех, кого легко и естественно включает в контекст своих раздумий о древности, о заре человеческой духовности отец Александр: Пушкин и Гёте, Достоевский и Чаадаев, Байрон и Андрей Белый... Эрудиция лектора вполне очевидна, но она не демонстрируется ради того, чтобы произвести впечатление на аудиторию. Нет, тональность разговора отца Александра с сидящей в зале молодежью — самая непринужденная и доверительная. Это как «разговор по душам». Лектор часто говорит: «Вы, конечно, знаете», «Вам наверняка известно». Скорее всего, не «наверняка». Но эти обороты речи — дань уважения к тем, кто еще так молод и вырос в советское время, абсолютно вне мира Библии, с туманным школьным представлением о древности как времени господства «рабовладельческой формации», чьи «производительные силы» были шагом вперед по сравнению с первобытностью.

Абсолютное большинство слушателей, собиравшихся на лекции отца Александра в актовом зале МГИАИ на Никольской улице, были обычными советскими людьми, которые после десятилетий официального государственного атеизма более чем смутно представляли себе содержание великой книги —

А. Мень. От рабства к свободе

Библии. И лектор нашел точный путь к своей аудитории — он говорил очень просто о сложном, вплетая в повествование тонкие ремарки от своего лица. Вот он рассказывает об исходе израильтян из египетского рабства: «...рабство людей было хотя и горькое, но спокойное, обеспеченное и сытное... Это было рабство скорее психологическое: люди работали, ели, но они становились как бы согнутыми нравственно, духовно». Как непривычно это звучало весной 1990 года в едва начинавшейся новой исторической эпохе, которая реально наступит еще через год. Это время начинают называть «постсоветским» на самом рубеже уходящего XX и наступающего XXI столетий.

А вот совсем ошеломительное: «Люди не любят свободы и никогда ее толком не любили. Свободу любят лишь избранные, и они сеют семена...». Теперь мне отчетливо видится, что эти слова не о неких сторонниках свободы «вообще», они могут очень точно быть отнесены к самому лектору. Духовная, внутренняя свобода человека, его осознанный нравственный выбор на пути к Богу — вот, в сущности, важнейшая тема лекций отца Александра и тема его жизни.

Была весна 1990 года, над Москвой светило яркое солнце, ветер духовной свободы набирал силы в будущей России. Отец Александр обещал продолжить чтение своего популярного спецкурса в МГИАИ в следующем учебном году. Но осенью 1990 года он трагически погиб. Его видение «Мира Библии», которое он приоткрыл своим неискушенным, но глубоко заинтересованным слушателям, так и осталось для нас неполным...

Н.И. Басовская, проф. д.и.н.

Книга Исхода

Сегодня мы будем говорить о Книге Исхода — второй книге Пятикнижия, которая относится к Моисеевой традиции. Первая, как вы знаете, — это Книга Бытия. Все пять книг Моисеевой религии впоследствии были зафиксированы, записаны и соединены воедино. Этому вопросу можно потом посвятить отдельный курс библейского источниковедения.

Те, кто собрал эти пять Книг воедино в той форме, в которой они существуют теперь, бережно отнеслись к разнообразным способам передачи устного предания и к его поэтическому звучанию. Об этом, например, говорит строгое, сдержанное, сухое изложение Книги Левит, которая является богослужебным уставом, своего рода Типиконом древней ветхозаветной Церкви, Церкви древнего Израиля. Вы знаете, что такое Типикон? Типикон — это устав богослужения Иерусалимского монастыря святого Саввы, сложившийся в VI—VII веках, который стал богослужебным церковным Уставом для Древней Руси, для современной Русской Православной Церкви и для большинства православных Церквей.

Так вот, таким богослужебным уставом для ветхозаветной Церкви является Книга Левит. Конечно,

А. Мень. От рабства к свободе

для христианского сознания она уже в значительной мере устарела, но все равно сохраняет свою ценность, потому что в ней есть важнейшие духовные положения, без которых Библию понять нельзя.

Затем следует Книга Чисел, которая рассказывает о пребывании израильтян в пустыне. Это книга об искушениях, книга о том, как человек воспринимает дарованную ему свободу и какие трудности из этого вытекают. И, наконец, Второзаконие — это книга-предупреждение, которая во многом напоминает проповеди пророков.

Итак, Книга Исхода. Вероятно, когда вы проходили историю Древнего Востока, слышали о гиксо-сах — таинственных завоевателях Востока. Египтяне называли их *хекау-хасут*, то есть «владыки чужеземных стран». До сих пор неизвестно, кто они по своему языку и происхождению; скорее всего, это была группа воинственных полугосударственных образований, в которую входили и амориты, говорившие на семитском языке.

Так или иначе, где-то около 1700 года гиксосы вторглись в Сирию, в Палестину, основали там несколько мощных военных крепостей и потом двинулись вниз, на Египет. Гиксосы уже владели конницей, у них были боевые колесницы, что исключительно влияло на ход военных действий. В Египте в то время еще не было колесниц; вместо коней использовались ослы — куланы или ананы. И вот впервые появляются быстрые и мощные животные, которые на страшной скорости несут

двух воинов: один правит, а другой непрерывно осыпает стрелами противника, и когда врезается уже в гущу боя, то рубит, разит топором или мечом направо и налево.

Египет в это время переживал тяжелый общественный и политический кризис. И поэтому, когда гиксосы вторглись в эту страну, он не сумел оказать сопротивление и совершенно неожиданно оказался подчиненным пришельцам из Азии. Но не следует думать, что гиксосы оккупировали Египет. Они составили лишь небольшую правящую военную элиту, сделав своим центром Хетварт, или Аварис, — крепость в восточной Дельте Нила; впоследствии у этого города было несколько названий, а в правление фараона Рамсеса II его переименовали в *Пи-Рамсес*, что означает Дом Рамсеса. В течение ста с небольшим лет эта азиатская династия правила в Египте подобно фараонам. Причем они очень быстро усвоили все традиционные для Египта понятия, принципы, моды, стиль одежды.

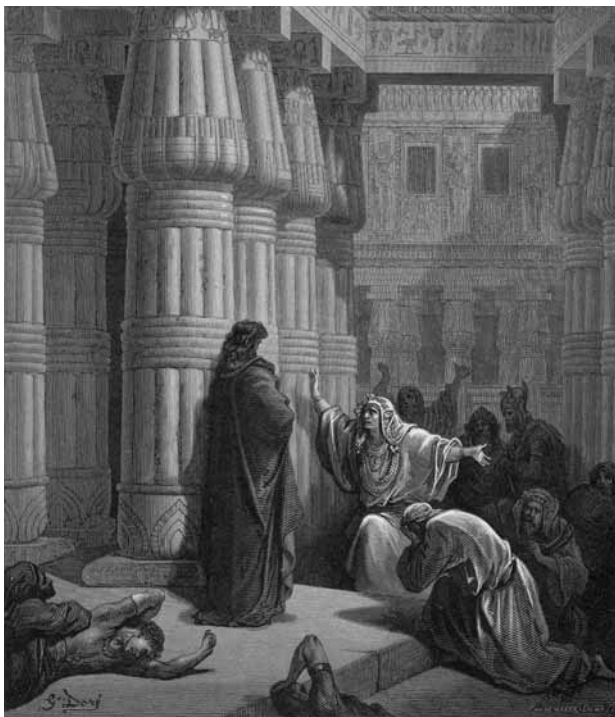
От гиксосов сохранились скарабеи — печати с именами царей, некоторые надписи, но их не очень много. И надо сказать, что для историков и сегодня восстановить это странное столетие в истории Египта подобно разгадке своего рода шарады или ребуса. Потому что связные описания событий мы находим только в цитатах Манефона*, сохра-

* Манефон — древнеегипетский историк и жрец, живший в конце IV — первой половине III в. до н. э. Его труд «История Египта» сохранился лишь в цитатах древних авторов.

А. Мень. От рабства к свободе

нившихся у Иосифа Флавия, то есть мы имеем их в двойной передаче. Сами египтяне не любили вспоминать о периоде гиксосского ига.

Именно в этот период, когда правили гиксосы, на границе Египта появилась семья (клан, род) Иа-

*Гюстав Доре.
Фараон просит Моисея покинуть Египет (Исход 12:30-38)*

кова-Израиля, потомка Авраама. В Сирии был голод, и они пришли в Египет, который обладал большими запасами хлеба. Я думаю, что вам не стоит рассказывать историю Иосифа, — по крайней мере многие из вас читали роман Томаса Манна «Иосиф и его братья», книгу занятную, но бесконечно растянутую. Иосиф оказался визирем фараона, то есть вторым лицом в государстве. И это совершенно понятно: именно в ту эпоху фараоны-гиксосы предпочитали окружать себя выходцами из Азии, потому что не доверяли местному населению. И не зря не доверяли, потому что князья или цари египетские (мы сейчас не знаем, как их тогда называли), подчиненные гиксосам, продолжали постоянную борьбу против них, стремясь свергнуть их владычество.

Все столетие шла эта глухая борьба, в чем-то отдаленно напоминающая подготовку к свержению татаро-монгольского ига. Во главе сопротивления (аналог Москве в египетской истории) стояла Фиваида — регион вокруг древней столицы Египта Фив. Около 1580 года фараон Яхмос возглавил очередную попытку изгнать гиксосов, и на этот раз она ему удалась. После тяжелой и кровопролитной битвы гиксосы отступили на северо-восток, и крепость их пала. Аварис был захвачен, и египетские фиванские войска преследовали противника далеко за пределами страны.

Началась эпоха, которую знаменитый американский египтолог Джеймс Брэстэд называл эпохой «египетской империи». Мы называем ее «периодом

А. Мень. От рабства к свободе

Нового Царства», но «империя» — слово подходящее, потому что Египет впервые начал экспансию за пределы своей исконной территории. И вот уже фараон Джехутимесу, или, как его принято называть, Тутмос III, идет войной на Ближний Восток, на север, доходя до областей Месопотамии.

В это время в истории Египта происходило много удивительных событий. Правила царица Хатшепсут. Правил великий Эхнатон, 17-летнее царствование которого было попыткой совершить духовный, религиозный переворот. Это была первая в истории человечества попытка заменить многобожие единым почитанием Солнца как высшего Бога (XIV век до н. э.).

Попытка Эхнатона кончилась крахом — после его смерти все было уничтожено: и древние боги, и древние традиции успешно заняли свои прежние места. Столица Эхнатона была заброшена, и в конце концов ее засыпало песком. Только в конце XIX столетия, около ста лет назад, археологи откопали там остатки великолепного дворца, живопись, скульптуру — то, что мы теперь называем искусством амарнской эпохи. Почему «амарнская» эпоха? Потому что среди арабов холм, который скрывал остатки столицы фараона Эхнатона, фараона-реформатора и еретика, назывался Тель-Амарна, или «Холм Амарны» (*тель* — это курган, холм).

Об амарнском периоде есть богатая литература: начиная с ранних книг уже советского периода, с написанной историком Авдиевым в 1924 году кни-

ги «Древнеегипетская реформация» и кончая последними исследованиями Юрия Яковлевича Перепелкина, нашего крупнейшего, ныне покойного египтолога, жившего в Ленинграде. К сожалению, этот могучий человек, с огромным охватом знаний по Востоку, по библеистике, по иероглифике, оставил мало трудов, да к тому же его исследования трудночитаемы. В его книге об эпохе Эхнатона, которая называется «Переворот Амен-Хотепа», очень скрупулезно собраны материалы по этой эпохе, доступные исключительно египтологам и востоковедам. Он пытался выйти на широкую публику с книгой «Тайна золотого гроба», но, несмотря на детективное название, она все-таки достаточно специальная.

Наконец, в XIII веке до нашей эры во главе империи оказывается Рамсес II — человек, о котором больше всего знают историки, потому что он оставил очень много памятников, и даже на чужих памятниках любил высекать свое имя; так что вначале археологи думали, что Рамсес построил все... Это был человек, который правил долго, почти 60 лет. Его мумия показывает, что он действительно был великаном двухметрового роста. Лицо его прекрасно сохранилось, видны очень характерные черты: вытянутый череп, нос с горбинкой. Он перенес свою столицу снова на север в Дельту и начал строить город Пи-Рамсес, который назвал в честь себя (что, собственно, для нас вполне привычно). С этого времени и начинается библейская история.

А. Мень. От рабства к свободе

Пока в Египте происходили эти драматические события, потомки Иакова вели однообразную, монотонную жизнь пастухов на восточной окраине Дельты и, вероятнее всего, судя по некоторым намекам в Библии, они утратили ту таинственную

Статуя фараона Рамсеса. Египет

Книга Исхода

веру, которую имел Авраам, веру в то, что ему и его семье принадлежит какая-то особая роль в истории. Они жили, как пастухи, и столетия пролетали над ними, как сон. Для пастуха все протекает однообразно, в соответствии с сезонами, временами года. Письменности не было, память народная сохраняла немного: какие-то сказания, среди которых, вероятно, были и те, которые затем составили начало Библии — о сотворении мира, о начале человеческого рода.

И вдруг в эту мирную, тихую и сытую жизнь (а Египет был богатой страной и в свое время умудрялся кормить половину Римской империи) вторгается грубая жестокая действительность. Рамсес нуждается в рабочей силе и начинает привлекать к строительству население окрестных регионов. В конце концов, израильтяне оказываются в положении государственных рабов, конечно, не в прямом смысле, потому что рабовладение с нашей точки зрения тогда было свободным. Но они должны были за пищу и кров непрерывно трудиться на этих бесконечных стройках.

И однажды там появился человек, носивший египетское имя *Месу*, или, как его называли иначе, *Мошэ* — это имя уже гебраизированное, или по-гречески *Моисеус* — отсюда Моисей. Он объявил рабам: «Бог ваших праотцев призывает вас на свободу. Вы должны покинуть дом рабства».

Для нас, читающих сегодня Библию, может показаться, что это была благая весть! Это была радо-

А. Мень. От рабства к свободе

стная вещь, которая звала людей из рабства на свободу. Но это иллюзия, потому что — и здесь вся завязка драмы — рабство людей было хотя и горькое, но спокойное, обеспеченное и сытое. Документы, которыми мы располагаем из египетских источников, показывают, насколько внимательно египетские власти относились к обеспечению рабочих пищей и всем необходимым. Люди, в общем, имели все. Условия были не такие, как при строительстве известного нам канала, где люди погибали. Это было рабство скорей психологическое: люди работали, ели, но они становились как бы согнутыми нравственно, духовно.

А что же предлагал им человек по имени Моисей? Он предлагал им уйти в пустыню, где некогда кочевали их предки, и совершить Богу жертвоприношение у Его святой горы. Он призывал их выйти из благословенной, богатой страны, где жили их отцы и деды, где хотя и трудно работается, но жить можно, где есть жилье и еда, и пойти навстречу неведомому. Здесь мы встречаем новую модель: вера требует смелости. Впоследствии Блез Паскаль в своих «Мыслях» назовет это прыжком через пропасть.

Библия повествует о том, что Моисей был воспитан в египетской среде. На этом основании Зигмунд Фрейд считал, что Моисей был просто египтянином, который усвоил определенные египетские монотеистические идеи и потом пытался ими вдохновить восставших рабов. Это совершенно фантастическое предположение, ни на чем не основанное.

Книга Исхода

Вильям Олбрайт, крупнейший археолог нашего столетия в области библейской археологии, писал, что все развитие египетской духовности того времени и вообще развитие духовности Ближнего Востока шло в направлении, ведущем к восприятию идеи высшего единого Бога. Этой теме посвящена знаменитая, ставшая уже классической книга Олбрайта «From the Stown Age to Christianity» — «От каменного века к христианству».

Олбрайт предполагает, что слова Библии «Моисей был научен всей мудрости египетской» означают, что он действительно впитал в себя какие-то идеи. Но Библия не расширяет эту тему, потому что для нее важно совсем иное (на это мы должны обратить внимание), для нее важно, что инициатором всей этой борьбы за Исход является Бог, властвующий и говорящий в истории.

Сначала действует человек. Моисея вырастили при дворе фараона, а его названной матерью была дочь фараона, которая дала ему египетское имя, и он, казалось бы, мог иметь блестящее будущее. Но он пошел к своим братьям (потому что его выкормила родная мать) — посмотреть, как они живут. И когда он увидел, что они унижены, угнетены, он решил искать для них спасения...

Однажды Моисей вступился за обиженного и, сам того не зная, убил египетского надсмотрщика. Это кончилось тем, что ему пришлось бежать из Египта, так как он стал мятежником против фараона.

А. Мень. От рабства к свободе

В Синайской пустыне, куда он скрылся, он нашел семью мадианитского шейха и, женившись на его дочери, остался жить в районе Мадяна.

Все кончено. Его попытки ни к чему не привели. Возможно, что от бессилия Моисей опускает руки. И только тогда Бог призывает его. Это один из важнейших мотивов Библии: когда человек уже думает, что все потеряно, в это время его призывает Бог.

Как повествует Библия, когда вместе со своими стадами Моисей оказывается у подножья священной горы Синай (древнее название, которое, вероятно, происходит от бога Луны Сина), там ему является Бог — без образа, без какого-либо человеческого лика. Бог является Моисею в образе неопалимой купины (это церковнославянское слово), то есть куста, который не сгорает. На голом склоне Моисей видит куст, один из немногих в этой местности, который объят пламенем, но не сгорает. И Моисей, видя этот свет, подходит ближе и слышит призывный голос Божий.

В чем смысл этого образа? Он говорит нам о том, что человеческое, соприкасаясь с Божественным, сохраняется и не гибнет. Поэтому всякое откровение есть своего рода неопалимая купина. Всякий пророк есть неопалимая купина, потому что его касается Божественный огонь и не опалает. Так же и Дева Мария становится Неопалимой Купиной, ибо она несет в себе Богомладенца. Вероятно, вы знаете, что в Москве есть Неопалимовский переулок, где была церковь в честь иконы Божией Матери

Книга Исхода

«Неопалимая купина». Существует такая икона, на которой в центре изображена Дева Мария, окруженная языками пламени, а вокруг различные символы (которых я не буду сейчас касаться). На том месте, где Моисею было видение, и сейчас стоит монастырь. Это место читится как встреча Божественного и человеческого, конечного и Бесконечного.

*Икона Божией Матери «Неопалимая купина».
Конец XVI века. Соловецкий монастырь*

А. Мень. От рабства к свободе

Моисей хочет знать: кто этот таинственный голос, который его призывает? Он спрашивает: «Кто ты?» И голос ему отвечает: «*Эхьé Ашёр Эхьé*», то есть «Я Тот, Кто Есть», «Я Тот, Кто Существует»!..

Что это означает? Что бытие принадлежит только Богу; Он есть, а мы — люди и все остальные творения — получаем бытие уже от Него. А по-настоящему существует только Он.

И лишь потом открывается Моисею Его таинственное имя, имя, которое в консонантном алфавите записывается с помощью четырех букв. В III веке до нашей эры оно было табуировано и его не произносили, поэтому это имя долгое время не знали как читать. Часто в беллетристике на эту тему можно встретить персонажей, скажем, I века до нашей эры, которые спокойно произносят имя Божие, — это нелепый анахронизм. Никто имя Божие не произносил. Предположительно оно произносится как *Ягвэ* или *Яхвэ*, но это только предположительно.

В древности это имя читали как Иегова, что неверно. Откуда оно появилось? В литературе вы будете не раз сталкиваться с этим словом. Как вы знаете, в консонантном алфавите есть только согласные буквы. И вот четыре буквы, так называемая тетраграмма святого имени Божия, впоследствии имели огласовки совсем другого слова, а именно слова «Господь» — *Адонáй*. Для читающего это означало, что написаны эти четыре буквы, а ты читай «Господь». Не называй имени Божия. Когда же в эпоху Возрождения стали обращаться к восточным

Книга Исхода

языкам, не зная этого правила, люди стали читать эти четыре согласные с гласными, относящимися к слову *Адонáй*, и получилось *Иегова*.

Впоследствии, в XIX веке ученые, обратившись к отцам Церкви, поняли, что это ошибочное чтение, и в настоящее время это имя условно читается как Ягве, или Яхве. И всюду, где вы в Библии, в Ветхом Завете читаете слово «Господь», на самом деле в оригинале стоят четыре буквы, определяющие священное имя Яхве.

Итак, во-первых, Бог открывается Моисею как носитель бытия. Во-вторых, Он открывается как действующий *в истории*. Он говорит, что «Я слышу вопль людей Моих, которые страдают в Египте, и посылаю тебя избавить их из дома рабства».

Но Моисей отказывается. Происходит то, что совершенно непостижимо, скажем, для индийской мистики, когда встреча человека с Божественным растворяет его душу и его сознание как бы исчезает и распадается космическими силами. Здесь воля человека противостоит воле Творца — встречаются два личностных начала: Божественное и человеческое. «Я непригоден! — говорит Моисей, — и еще я косноязычен!»

Некоторые комментаторы считают, что, выросший в египетской среде, он говорил только по-египетски и мог с трудом изъясняться со своими соплеменниками.

— Ничего, — говорит Бог, — у тебя есть брат, Аарон, он будет говорить за тебя.

А. Мень. От рабства к свободе

— Но чем я докажу ему, что Ты меня послал?

Идет как бы препирательство: Моисей сомневается! Он отказывается, он искренне чувствует свою неспособность совершить это. Он вовсе не приходит в восторг, как можно было бы легко предположить, от того, что на него возлагается какая-то особая миссия. И только после того как он понял, что все будет делать Бог, а не он, — он соглашается.

Далее события разворачиваются драматично. Моисей приходит к народу израильскому и говорит: «Бог ваших отцов призвал меня. Мы должны уйти из дома рабства». Они колеблются, они сомневаются. И когда, наконец, они готовы его слушать, администраторы фараона приходят в движение и не дают разрешения на уход в пустыню для совершения праздничного жертвоприношения (скотоводческого праздника). И тогда в Египте происходят какие-то стихийные бедствия, которые, очевидно, способствуют Исходу.

В позднейших сказаниях, записанных в Библии как праздничный рассказ, они описаны как «десять казней египетских». Подчеркнуто, что это были события, происходившие в лоне природы: поражается вода, поражается воздух, поражается скот. Почему? Потому что происходит схватка между Египтом, который религиозно почитает стихии и животных, и Богом, Который стоит над всем. «Кто этот Бог? — говорит фараон. — Я его не знаю». А Он и есть Тот, Кто властвует над всеми стихиями.

И накануне 14-го числа весеннего месяца нисана Моисей приказывает всем израильтянам совершить поспешную трапезу: быстро испечь пресные хлебы, как делают кочевники, когда некогда уже заквашивать, быть готовыми уходить, собрать все, что есть, что можно унести, взять даже посохи дорожные и стоя совершить трапезу, заколов агнца как жертву. Кровь этого агнца должна была символизировать новое рождающееся духовное родство.

В это время фараон соглашается отпустить израильтян, и ночью они покидают Египет. Они двигаются на восток и приближаются к месту, которое в Библии названо *Ям-суф*. *Ям-суф* значит «Тростниковое море». В русском переводе мы читаем «Красное море», или по-церковнославянски «Чермное море». Действительно, на том месте, где сейчас Суэцкий канал, Красное море переходило в цепь так называемых Горьких озер, или «Великой черноты», которые можно рассматривать как часть этого морского залива.

Египтяне приходят в себя и бросаются в погоню. И когда они приближаются, народ начинает кричать Моисею: «Ты нас погубил! Разве мало было гробов в Египте, что ты привел нас умирать в пустыню?» А он им отвечает: «Не бойтесь. Стойте и увидите спасение Господне». Он простирает над морем жезл, в который Бог вложил Свою силу: «И дул всю ночь ветер сильный и разогнал воду», — читаем мы в Библии*, и люди пошли среди

* Ср. Исх 14.21.

А. Мень. От рабства к свободе

моря по суше. А когда погоня настигла их, море снова двинулось, возвратилось в свое место и потопило египтян. Это событие настолько поразило всех, настолько врезалось в память народа, что стало неотъемлемой частью его поэзии, религиозных традиций и песнопений.

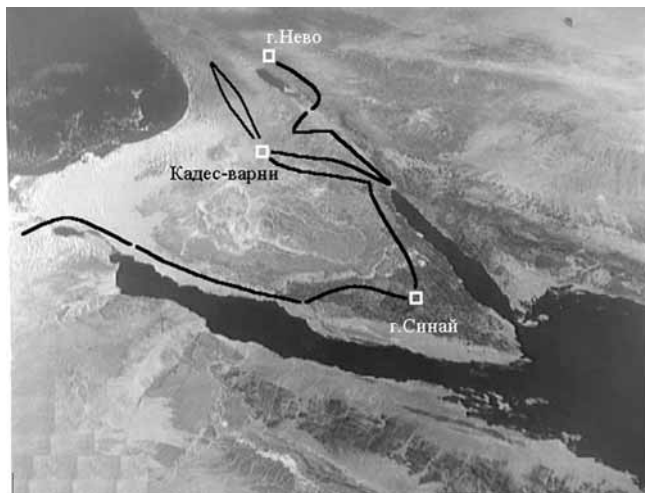
Апостол Павел говорит о том, что этот переход из рабства к свободе через море прообразует таинство Крещения. Перед нами религия, которая начинается с призыва к свободе, к свободе трудной, к свободе, к которой идут, преодолевая препятствия! Она постоянно испытывает людей, которые проявляют малодушие. Это не свобода титанов, гигантов, которые шагают навстречу победе. А это толпа, склонная к панике, к унынию, это обыкновенные люди, такие, какими они были во все времена. Толпа с неустойчивой психикой — только что они радовались и тут же говорят: мало нам было гробов в Египте.

Вот здесь для наглядности я повесил карту, на которой изображены египетская Дельта, Синайский полуостров и отмечен путь, которым Моисей вел израильтян. Он не повел их сразу на северо-восток, в Землю Обетованную, в землю, где жил некогда Авраам, а повел их на юг, к горе Синай. Вершина Синая (до сих пор не совсем ясно, какая из них была той Моисеевой горой) находилась на юге Синайского полуострова. Далее — трехмесячный путь на юг.

Книга Исхода описывает постоянное маловерие, малодушие и колебания людей. То нет воды,

Книга Исхода

то не хватает пищи, то кажется, что все люди погибают в этих диких, бесплодных, безжизненных местах. Но, наконец, они достигают Синайской горы. Голая, подобная лунному ландшафту, скалистая гора. Она колеблется! И громы над ней, и молнии! Описано нечто, подобное извержению вулкана. Советский астроном и историк Николай Морозов считал, что там действительно было извержение вулкана, и люди приняли его за явление Бога. Но в таком случае когда погибли Помпея и Геркуланум, должна была родиться еще одна религия, так же и во многих других случаях. Но почему-то ничего такого не произошло.

Карта исхода из Египта

А. Мень. От рабства к свободе

Бог говорит Моисею: «Поднимись ко Мне; но народ не должен восходить».

Моисей поднимается на гору, на ее уступы. Что там происходило, мы не знаем. Это, конечно, закрыто для нас. Мистиков всех времен как магнитом притягивало к этой тайне. Ибо сказано, что «Моисей вошел во мрак, туда, где Бог». Образ Божественного мрака присутствует и у Мейстера Экхарта, у Григория Паламы, и у многих других мистиков. Григорий Нисский, философ и писатель IV века, автор книги «Жизнь Моисея», особенно внимательно останавливается на этом священном «мраке». Мы никогда не сможем узнать, что происходило на этой горе. Это остается тайной. Но Моисей возвращается оттуда с заповедями, заповедями для людей, которые еще вчера были рабами!

Какие же это заповеди? Что он принес? Какие-то особые ритуалы, сложные обычаи, причудливые и странные знаки и церемонии? Ведь так было на всем Востоке, да и на Западе: древняя Энеида в то время была полна всем этим. Не забывайте, что описываемые события хронологически происходили одновременно с Троянской войной, во времена Ахилла и Гектора.

Так вот, Моисей приносит две каменных доски, на которых начертаны десять «слов» («слов» значит «речений»). Именно поэтому в научный обиход вошел термин «Декалог» — заповеди Моисея являются декалогом, по-церковнославянски

Книга Исхода

«десятословием». Конечно, вы все о них слышали или знаете.

Первое речение — «Я Господь, Бог твой (то есть Суший; Яхве — Суший), Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства», то есть Он Тот, Кому принадлежит бытие, и Он Тот, Кто действует в истории, Он — Освободитель.

Он дает свободу — подчеркиваю — не потому, что люди такие свободолюбивые (читайте об этом книгу Фромма «Бегство от свободы»). Люди не любят свободы и никогда ее толком не любили. Свободу любят лишь избранники, и они сеют семена — обратите внимание на стихотворение Пушкина:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

— мрачное стихотворение, оно как раз об этом*.

*И далее:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремучками да бич.

Эпиграф взят из Библии: «Изыде сеятель сеяти семена своя» (Лк 8.5).

А. Мень. От рабства к свободе

Итак, «Я вывел тебя из дома рабства. Да не будет у тебя других богов кроме Меня».

Значит, вера дает свободу — это первый пункт. Второй: Он есть Абсолют, и поэтому других богов быть не должно. Человек всегда изобретает других богов, даже тогда, когда теоретически приходит к единому Богу. «Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим. Не делай себе кумира». Тут все против идолопоклонства, против почитания природы, включая почитание стихий, молнии, культа личности и чего угодно.

Один богослов сказал: эти заповеди устарели, у нас есть Евангелие — этого достаточно. Конечно, Евангелие в себя все это включает. Но увы! До сих пор десять заповедей не устарели, потому что человечество еще не способно соблюсти даже эти элементарные заветы, данные почти дикарям три с чем-то тысячи лет тому назад.

Идем дальше. Я читаю основные пункты. Дело в том, что когда позднее записывался этот текст, он был расширен, поэтому он имеет две редакции: одна — в Книге Исхода, другая — в Книге Второзакония, в 6-й главе, но смысл совершенно тот же.

«Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно».

Это означает, что к тайне бытия *человек не может* приникнуть по-настоящему, если у него нет *благоговения*. Нельзя выманить истину из воды, как будто выманиваешь какую-то рыбу. Истина открывается как Личность! И она откроется только

Книга Исхода

тогда, когда есть благоговение (эта практика показала себя во всех поколениях). А природа — это другое дело. Когда мы говорим, что природа хранит свои тайны, мы выражаемся метафорически. Но когда мы говорим о личностной тайне, то здесь без благоговения невозможно — все двери захлопываются.

И, наконец, четвертая заповедь: «Помни день субботний, чтобы святить его» — чтобы он был священный.

Слово «суббота» происходит от вавилонского *сабаттуй*, что значит «праздник» (существуют и другие этимологии этого слова). Но здесь праздник вносится в *повседневную жизнь* года. Совершенно искусственно каждый седьмой день (семь — это священное число, означающее полноту) человек должен был остановиться. Это очень важный момент.

Мы, люди XX века, должны понять, насколько это священная и важная заповедь. Ведь Церковь не отменила ее, а просто перенесла на день воскресный. В потоке будничных дней человеку необходим момент покоя. Необходимо сосредоточиться, необходимо вернуться к себе самому. И вот на какой-то момент человек как бы освобождает себя не просто от труда, а от своей власти над жизнью. Он становится как бы бессильным и в это время может думать о Высшем.

Из десяти четыре заповеди касаются Бога. Остальные шесть относятся к человеческим отноше-

А. Мень. От рабства к свободе

ниям. Это значит, что для Творца важны не какие-то ритуальные формы поведения, а прежде всего *человечность*.

Дальше идут самые простые заповеди. Почитай отца и мать свою. Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего (то есть не клевети). Не желай дома ближнего твоего, ни жены его и так далее, то есть не завидуй.

Таким образом, Декалог проникает не только в сферу действий, но и мысли. Потому что зависть есть мысль. Вы можете удивиться, вы скажете: как, неужели рядом с такими фундаментальными вещами, как убийство и воровство, мы поставим зависть?! Невинная, казалось бы, вещь. Но это далеко не так. Зависть — это сильнейшая страсть! Это страсть, которая может двигать толпами. Это страсть, которая может ломать общество, она может ослепить тысячи и миллионы людей и вместо того чтобы созидать, трудиться, завистники будут стремиться отнять у тех, кто имеет, их достояние, чтобы быть одинаково нищими. Такова сила зависти.

Недаром у Юрия Олеши есть повесть, которая так и называется «Зависть». Он сумел проникнуть в психологию завистника. Но, я думаю, что если вы как следует задумаетесь, то поймете, что это колоссальное явление душевной патологии человека, в особенности в XX столетии.

Кроме того, Моисей призвал к двум вещам. «Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, Господь *един*

есть. И люби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всей душой твоей, всей крепостью твоей».

Любовь к Богу! Не просто страх, не просто почитание, а любовь. И другая заповедь: «Люби ближнего твоего, как самого себя». То есть выйди за пределы своего «я». Конечно, это было трудно понять, но осталось как твердая заповедь.

Но вот Моисей удаляется на молитву к Богу, а когда спускается вниз, слышит шум и видит пляску людей перед изваянием быка. Бык на Древнем Востоке и в Греции символизировал мощь природы. Люди, решив, что Моисей погиб в горах, потребовали от его брата, чтобы он поставил им алтарь с изображением Божества: «Нам нужно видеть Бога».

Это очень характерная вещь: видеть, ощущать. Хотя Моисей запретил изображать Божество, они требуют: сделай Его нам. И Аарон, испугавшись толпы, сделал им литого тельца. Увидев это, Моисей разбил скрижали! И тогда (опять знаменательный момент в Библии) Бог призывает его и говорит: «Я произведу от тебя народ святой и царство священников. А этих уничтожу». Но Моисей отвечает: «Лучше я погибну, но сохрани их». Поэтому Православная Церковь всегда считала Моисея прообразом Христа, ибо он был *гоэль* — заступник, утешитель народа, он за него ходатайствовал, он готов был за него *умереть*. Такая была в нем жертвенность — он любил ближнего, как самого себя. И это было принято Богом.

А. Мень. От рабства к свободе

Дальше Моисей повел народ на северо-восток, и они приблизились к границам Ханаана. На этих землях не было единого правительства, каждый город был автономным. Отправили лазутчиков, которые, вернувшись, сказали, что, действительно, царя нет, но крепости мощные, народ вооружен и не даст им поселиться там. И все опять закричали: вот, ты завел нас сюда, мы бросили Египет, а здесь жить нельзя, в пустыне есть нечего... пропадаем.

Тогда Моисей сказал: «Как были вы рабами, так и остались; пока не вырастет новое поколение, будете скитаться по пустыне». И началось скитание, которое длилось 40 лет. Конечно, едва ли речь идет об *исторически* точной цифре. «Сорок» — это символическое число, соответствующее некоей полноте подготовительного периода. 40 дней Христос молится в пустыне, 40 дней Моисей ожидает Закона, который даст ему Бог.

Как бы то ни было, эти люди не могли войти в Землю Обетованную. Поразительно, что и сам Моисей не мог войти! Он — гигант... тоже колебался! Один писатель говорил, что когда Моисей стоит на Синае, то Синай кажется маленьким. Вы помните, каким Моисея изваял Микеланджело? Он изваял его провидчески! Таким он изображен в Библии. Это пластическое воплощение того, что есть в книгах Священного Писания. Суровый и нежный; пронизательный, но иногда доверчивый. Прочтите в «Записках» Петра Яковлевича Чаадаева характеристику Моисея.

Книга Исхода

Моисей умер в горах Моавитских, поднявшись на вершину Фасги. Он лишь глядел на землю, в которую вел людей, но умер, так и не перейдя через Иордан. Смерть его скрыта за завесой тайны. Как говорит Библия, «никто не знает места погребения его». Это как бы знак жертвенности пророка, который даже лишился почитаемой гробницы.

Моисей — фигура трагическая. Если сравнить его с Мухаммедом (Магометом), то мы увидим, что разница здесь огромная. Хотя оба они были детьми пустыни, но Мухаммед очень быстро нашел настоящих приверженцев, помощников, целую армию и в прямом, и в переносном смысле сподвижников; он стал сразу, довольно быстро, менять политическую карту Аравии. А Моисей, который был воспитан в мудрости египетской, знал о Боге какие-то великие тайны, во всяком случае, имел высокие представления о Нем, должен был вести рабов...

Обратите внимание на тексты, переведенные в книге Франк-Каменецкого «Памятники египетской религии в фиванский период». Этот фиванский период был периодом жизни Моисея, который наверняка читал некоторые священные тексты из этих памятников. И он должен был вести рабов. Я еще раз подчеркиваю: рабов не юридических, а рабов по сознанию — людей, которые все время вспоминали, какое мясо было в Египте; естественно, что в пустыне они редко питались мясом, только

А. Мень. От рабства к свободе

когда пролетали перепелки — там пролегает путь перелетной птицы; иногда усталые, они падали прямо на землю... А люди, они ведь шли с женами, с детьми...

Конечно, это было необычайно трудно. Но в конечном итоге они все-таки пошли... Как говорится в одном стихотворении про Наполеона: они ворчали, но все-таки шли за ним. И израильтяне постоянно восставали против Моисея, но все-таки шли за ним.

Гете говорит: Библия потому имеет мировое значение, что на примере судьбы одного народа разыгрывается судьба всего человечества. Здесь действительно диалог между Творцом и творением достигает какой-то кульминации: люди и идут, и не хотят, и противятся, и все-таки, оказывается, имеют веру. Постоянная диалектика, которая всегда терзает человеческий род. И поэтому Христос, когда готовится к Своему выходу на проповедь, уходит в Иудейскую пустыню, чтобы там, олицетворяя новый народ Божий, то есть Вселенскую Церковь, сказать Богу «да» и пройти через испытания, искушения, через которые с таким трудом проходила древняя Ветхозаветная Церковь.

Любопытно, что на три искушения в пустыне (кто из вас Евангелие не читал об этих искушениях, должен помнить хотя бы по «Братьям Карамазовым» Достоевского) Христос три раза отвечает сатане цитатами из Библии. Это цитаты из Ветхого Завета, цитаты из Второзакония! Он мог цитировать

Книга Исхода

из других мест, но Он взял из того, что написано в Пятикнижии, потому что в обоих случаях это была битва в пустыне. Но пустыня обозначала смерть. А смерть — это царство дьявола, ибо дьявол — это смерть.

И именно туда приходит Бог и ведет Церковь, ее зачаток, такой же несовершенный, как несовершенны и мы. Ведет их в борьбе и страдании, в столкновении между верой и малодушием, и в

*Юлиус Шнорр фон Каросфельд.
Господь показывает Моисею Землю Обетованную
(Второзаконие 34:1-4)*

А. Мень. От рабства к свободе

конце концов приводит к спасению. Впереди страна Обетованная — как символ! Речь вовсе не идет о маленьком Ханаане — это лишь то, что связано с историей и географией; и никогда он не тек молоком и медом, это была довольно скудная, как и теперь, страна; может по сравнению с пустыней — да. Но Земля Обетованная была Божиим обетованием, обещанием того, что случится что-то великое. И это случилось.

Моисей, который является заступником народа, провозвестником воли Творца, проходит свой жертвенный путь до конца. Он не пользуется ничем, ничего не получает. Когда Моисей сам хотел спасти своих соплеменников — он не смог этого сделать. Но когда Бог послал его — он совершил невозможное. И теперь, когда он достиг цели, он лишается даже последнего утешения — ступить на эту землю. И только смотрит на нее издалека, с вершины горы, на которой умирает.

Итак, остаются десять заповедей. К ним, очевидно, в течение жизни Моисея были добавлены и другие законы. Но внимательное чтение показывает, что все остальные заповеди являются своего рода планетами, вращающимися вокруг солнца десяти заповедей. Они, включая уголовное право, есть конкретное раскрытие все тех же десяти заповедей.

Конечно, идея права появилась уже при Моисее, потому что было понимание того, что общество не должно жить в хаосе, что должен быть закон. И «око за око, зуб за зуб» — говорило о том, что нака-

Книга Исхода

зание не должно превосходить преступление. Были разработаны и казуистические законы, то есть законы, которые потом вошли в наши уголовные кодексы: если человек сделал то-то, то наказание такое-то. Здесь же впервые мы находим важнейшие нравственные принципы, касающиеся межличностных отношений.

А сейчас я прочту отрывок из Книги Исхода:

«Пришельца (то есть иноплеменника) не притесняй, не угнетай, ибо вы сами были пришельцами на земле Египетской. Ни вдовы, ни сироты не притесняй; если притеснишь их, то, когда они возопиют ко Мне, говорит Господь, Я услышу вопль их... Если дашь деньги взаймы бедному из народа Моего, то не притесняй его, не налагай на него роста... Судей не злословь; начальников народа твоего не поноси... Не внимай пустому слуху. Не давай руки твоей нечестивому. Не следуй за большинством на зло и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды».*

Вполне актуально, хоть и прошло почти три тысячи лет.

«Не следуй за большинством на зло и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды». То есть когда речь идет о каком-то спорном вопросе, не думай, что большинство всегда право.

Я не буду касаться тех ритуальных моментов, которые включала Моисеева религия. Для этого у

* Исх 22.21–28–23.2.

А. Мень. От рабства к свободе

нас, к сожалению, нет времени. Но Моисей навсегда оставил праздник Пасхи, чтобы люди поняли и помнили, что в основе действий Бога лежала свобода! И когда приносилась жертва, происходило таинственное общение с Богом за трапезой в воспоминание об освобождении от рабства.

Впоследствии из ритуалов Пасхи сложилась Божественная литургия, которая совершается во всей христианской Церкви на протяжении двух тысяч лет..

Христос говорит: «Всякий, кто находится в грехе, является рабом греха. Вы познаете истину, и истина сделает вас свободными»*. В пасхальные (ветхозаветные) дни Христос совершил Свою священную трапезу и заключил Новый Завет в сравнении с тем, который был при Моисее.

«К свободе призваны вы, братья», — говорит апостол Павел. На этом строится самая суть христианской веры, и поэтому существует прочная связь между тем, что совершалось некогда на пересечении трех материков, между Европой, Азией и Африкой, и тем, что совершилось потом на Тайной Вечере, откуда чаша Христова начала свой путь по земле.

3 марта 1990 года

* Ср. Ин 8.32-34.

Закон и этика Ветхого Завета

Сегодня, когда история разыгрывает одну из своих замечательных драм, мы коснемся и исторических, и *вечных* тем бытия.

Но я счастлив за вас и за всех, кто понимает, о чем идет речь, что мы являемся свидетелями не тех событий, которые видели наши отцы, когда все катилось в пропасть, а событий других. Правда, и сейчас часто говорят, что мы катимся в пропасть, и это справедливо, но на самом деле, мы видим, как возникают процессы поразительные, неожиданные и совершенно противоположные тем, что были. Я бы это сравнил с процессом сопротивления энтропийным, разрушительным, пагубным для мира силам.

Тому, кто прочно забыл физику, напомню, что, согласно второму закону термодинамики, всякая закрытая система рано или поздно приходит к так называемой тепловой смерти: энергия, обмениваясь, в конце концов уравнивается и приходит к состоянию, не способному к дальнейшим превращениям, то есть в закрытой системе происходит своего рода смерть энергии.

А. Мень. От рабства к свободе

Мы не знаем, в какой степени Вселенная является закрытой системой. Надо сказать, что значительная, подавляющая часть сегодняшних концепций все-таки рассматривает нашу Вселенную как систему закрытую и поэтому ставит очень важный вопрос. Этот вопрос в свое время поднимал Норберт Винер, а еще раньше Циолковский и Тейяр де Шарден и многие другие: почему развитие мира идет в противоположную сторону — не к дегенерации, а к усложнению и совершенству?

Мы с вами, вскормленные на некоторых естественно-научных и политических мифах, полагаем, что восхождение вверх — это естественный про-

Гора Синай

Закон и этика Ветхого Завета

цесс: «все выше, все выше стремим мы полет наших птиц», — как пели во дни моей юности.

На самом деле, по теории вероятности, чем сложнее структура общества, организма или неорганического сложного соединения, тем менее вероятно ее развитие в сторону усложнения и совершенствования. И поэтому можно в качестве научно-философской шутки утверждать (но в этой шутке есть доля правды), что существование абсолютного Божественного мышления с точки зрения термодинамики бесконечно невероятно! Бесконечно! И когда нам говорят, что бытие Божие невероятно с точки зрения термодинамики, это действительно так. Мы, люди, мыслящие существа, тоже маловероятны! Самое вероятностное в мире — это хаос!

Жизнь, разумные существа, мышление — это то невероятное в развитии мироздания, что противостоит лавине хаоса, которая неуклонно сползает вниз. И сегодняшняя социально-политическая лавина жизни в сумасшедшем XX веке давно бы свалилась в небытие, если бы не происходили невероятные процессы, если бы всему существующему безумию не сопротивлялись человеческая совесть, мысль и дух. И корни этого сопротивления уходят в далекое прошлое, которое как раз мы с вами изучаем.

Элементарные заповеди, данные во времена Моисея, на самом деле были удивительным явлением на фоне мировой истории антропогенеза. Де-

А. Мень. От рабства к свободе

ло в том, что человек вырвался из естественных законов. В естественных биологических сообществах действуют определенные константы, совершенно четкие ритмы. Например, периоды размножения, формы ухаживания, формы защиты своей территории, формы знакомства, формы занятия своим жилищем, наконец, сами структуры жилища и многое другое. И когда у существа, именуемого человеком, прорвался совершенно иноприродный биологическому миру дух, вся эта система оказалась в нем расшатанной.

Известный зоопсихолог Конрад Лоренц писал, что пословица «ворон ворону глаз не выклюет» — не просто выражение, а биологический факт. Этологи давно наблюдают, что при столкновениях, скажем, тех же воронов в борьбе за гнездо или за самку они клюют друг друга — у них мощный клюв с таким крючком, — но никогда не клюют в глаз. Никогда. Здесь их останавливает какой-то механизм.

Я помню, во дни моей юности в Воронежском заповеднике снимался фильм «Лесная быль» о жизни бобров. И для того чтобы немножко нагнать страстей, показали схватку между двумя лосями таким образом, что один лось во время этого поединка убивает другого. Как раз вскоре после съемок фильма мне пришлось работать в этом заповеднике, и я подробно говорил с биологами, которые консультировали киношников. «Ничего подобного никогда не бывает, — говорили они. — И нам чего

Закон и этика Ветхого Завета

только ни пришлось выдумывать, чтобы показать трагический конец этого поединка».

У животных нет заповеди «не убий себе подобного». Это инстинкт, он заложен в программу психологии вида. Конечно, есть исключения: я, например, как-то столкнулся с погибшими оленями-дуэлянтами, но виновных не было: они просто запутались рогами после дуэли и, не сумев распутаться, погибли. Но здесь не было убийства. Точно так же и знаменитые дуэли самцов-горилл, которые со стороны выглядят очень страшными, на самом деле являются лишь демонстрацией силы.

А человеку понадобилась заповедь «не убий». Почему? Потому что мы себя должны созидать заново. Оторвавшись от природного целого, человек образует свою особенную планету.

Наверное, некоторые из вас слышали, что долгое время бытовала такая концепция, что солнечная система возникла из огромного языка плазмы и газа, которые оторвались некогда от Солнца и потом стали вращаться вокруг Солнца, постепенно, при остывании, образуя планеты.

В этой гипотезе нет ничего невероятного, но она здесь как бы выглядит притчей или наглядным образом становления человека. Мы оторвались от природы и поэтому создаем что-то свое. И когда человек хочет вернуться назад, к природе, он терпит неудачу.

Человек должен находиться в гармонии с природой, но только как человек. Он не может вернуть-

А. Мень. От рабства к свободе

ся назад, эти попытки бесполезны. Они рождают уродливые, смешные формы. Как было в культе Диониса в определенный период истории Греции.

Над этим всегда много размышляли. Так, Руссо заявил, что в единстве с природой человек нормален, вне ее он извращается. А теперь вспомните о русской литературе — вы и там в немалом количестве найдете эти тенденции. Куда бежит Алеко? От цивилизации. Куда стремятся многие герои Толстого? К естественной, близкой к природе жизни.

Но Пушкин оказался мудрее других — он все понял и взвесил. Его герой, убежав от цивилизации, не стал естественным природным человеком, а потащил с собой все свойственные человеку страсти, которые нельзя было оставить в городе: они пришли вместе с ним.

Когда в античное время люди пытались забыть о своей человечности, раствориться в хаосе, это приводило к тяжелейшим эксцессам, к бурным оргиям — женщины бегали по горам и терзали попавшееся им на дороге стадо вместе с пастухами... Человек, пытаясь вернуться к естественному, становился противоестественным...

В этом предпосылки для создания Божьего Закона. Он обращен к новому творению — к человеку, который не может руководствоваться только инстинктами, а должен начать многое заново. Разумеется, я еще раз подчеркиваю, любовь к природе, гармония с природой, бережное отношение к ней — это абсолютно, это аксиома; но это не имеет ничего

общего с возвратом к природе или с тем девизом, который выдвигали киники, греческие философы в эллинистический период: жить согласно природе. Нет. Природа живет по-другому.

Прежде всего в природе нет добра и зла, а в нас это есть. Потому что только человек способен выбирать, только человек осознает свои действия и в этом отношении он — чудо! Или урод? Или мутант? Во всяком случае, величайшее исключение. И поэтому Моисеев Закон начинается с самых простых вещей.

Я рассматриваю сейчас этическую сторону, о религиозной стороне мы с вами говорили в прошлый раз: о едином Боге, о едином идеале, об отвержении идолов, о сохранении дня покоя, о благоговении к имени Сущего.

Итак, почему человеку надо было говорить «чти отца и мать»? Потому что это не заложено в нем как инстинкт! Инстинкт живет совсем по другим правилам, он живет ради продолжения рода и вида. Если вырастает детеныш, мать теряет к нему интерес и выгоняет его. Она поступает так не потому, что бездушна, но потому что пришла пора; ей надо снова проходить цикл размножения, хотя далеко не все детеныши довольны тем, что их покидают.

Я думаю, многие из вас в детстве читали книгу Сетон-Томпсона «Рассказы о животных». Он очень хорошо знал природу и показывал момент разрыва, когда детенышей изгоняют из родного дома, и описывал это как безусловно драматическую полосу в жизни многих млекопитающих. А что касается по-

А. Мень. От рабства к свободе

читания отца и матери, то мы даже не можем быть вполне уверены, что выросшее животное потом полностью узнает своих родителей...

Возникает совершенно особая ситуация. Ведь иные из вас могут сказать: а вы знаете, я не люблю свою мать. И я могу это понять. Я ни за что не буду вас осуждать за это, вольно или невольно. В любви человек не может быть принужден.

Если у вас нет сердечного расположения, это драматично, это печально, это, наконец, делает жизнь человека безрадостной, мрачной, но факт остается фактом. И поэтому человеку сказано: «возлюби Господа Бога твоего», но «чти отца и мать». Есть разница. Найди в себе то, что возносит тебя к Высшему, но если у тебя нет чувств по отношению к отцу и к матери, тогда чти их! Это расшифровывается элементарно: как уважение, как помощь, как внимание, как элементарная забота...

Мне очень часто, почти ежедневно, приходится посещать больных и старых, и бывает горько — хотя, в общем, я не скажу, что это частая картина, но и не редкая, — когда пожилые родители, отнесенные куда-то на задний план, стали помехой: все ждут, когда они умрут и освободят место...

В этом проявляется какое-то ужасное равнодушие, в котором мне видится равнодушие животного. Я еще раз повторю: животное здесь невиновно, оно живет по другим законам, хотя оно тоже испытывает и эмоциональное состояние, и привязанность, и страх.

Закон и этика Ветхого Завета

Я помню, как когда-то у меня жили крысы — целое семейство, и они размножались. Я наблюдал их психологию и взаимоотношения. И когда отец семейства, такой старый «крестный отец» умер, то они поволновались, походив вокруг, а потом стали ходить по нему. Я не успел вытащить его тело, а они уже ходили по нему, как по тряпочке... Как они все это воспринимают — загадка. Но когда люди поступают почти так же — это уже не загадка, а глубочайшая деградация.

Заповедь о почитании родителей вошла в плоть и кровь христиано-иудео-мусульманской цивилизации. По существу, большая часть мира ею охвачена. Но, к сожалению, этот закон был необычайно подорван в городских условиях.

На Кавказе, особенно в селах, вы знаете, что когда идет старик, любой молодой человек, тем более девушка, обязательно уступит ему дорогу: старик пользуется уважением. Я думаю, что вам не надо это напоминать и объяснять. Там это норма цивилизации, там чтят отца и мать.

Откуда у нас возникла другая картина? Я считаю, что, живя в нашей стране, мы должны с огромным вниманием отнестись к кавказской традиции, которая, конечно, тоже прошла через свои трудности, испытания, но все-таки выстояла... Честь и хвала народам и племенам, которые сохранили это. Я имею в виду большинство народов Кавказа, исповедующих разные религии: ведь там есть и христиане, и мусульмане.

А. Мень. От рабства к свободе

Почему у нас не сохранилась эта традиция? Потому что мы деклассированные в массе своей люди. Потому что место, где мы живем, — это не город! Сейчас многие «деревенщики» часто отмечают, что деревня сохранила традицию, а город — нет. А я вам скажу, что города Советского Союза — это и есть деревня, только сошедшая с ума.

Кто поколение тому назад заполнил города? В значительной степени это были люди, которых из деревень гнали голод и неустроенность. Почему при Сталине крестьян вернули в крепостную зависимость? Потому что они бежали в города, спасаясь от существующих порядков. Но уходя из деревни, покидая ее, они теряли свою традицию, а приходя в город, не становились настоящими горожанами. А настоящие горожане имели свои традиции. Это доказали старые довоенные ленинградцы... Так вот, эти крестьяне оказались в состоянии пролетариата, но в античном смысле слова.

Я думаю, что скоро выйдет книжка Даниила Андреева «Роза мира», в которой слово «пролетариат» употребляется в своем настоящем, античном смысле слова — как деклассированный отброс социума.. Это не трудящийся класс. Все классы трудящиеся. Разве музыкант, композитор — он не относится к трудящемуся классу? Разве художник не трудящийся? Разве человек, который работает в какой-либо необходимой людям отрасли, не трудящийся класс? Он — трудящийся!

Даниил Андреев объясняет, что каждый класс обладал своей традицией и духовностью. Краткий пример: культура аристократии. В России это и Пушкин, и все от Пушкина до Бунина — все это культура аристократии. Культура буржуазии: в Европе, например, ее представляет Бетховен. Культура монашества как прослойки — это и Рублев, и Нестор-летописец, и отцы из Печоры.

Культура крестьянства: народные промыслы, сказки, в большинстве своем родившиеся в крестьянской среде, частично былины, определенный сельский дизайн в различных регионах нашей страны и так далее.

Единственной прослойкой, оказавшейся полностью расшатанной и лишенной культурной традиции, оказалась та, которую пригнали из деревень тяжкие обстоятельства и приковали к несовершенным чаще всего машинам. В результате они стали тем, кого называли пролетариатом. И у таких духовно бездомных людей, действительно, ничего не было, им уже нечего было терять, кроме своих цепей...

Один человек, прочитав Даниила Андреева, сказал: ну, это не совсем верно, ведь был рабочий класс Урала, и он создал сказки Бажова. Но, во-первых, сказки создавал Бажов. А во-вторых, у них была другая ситуация — они ведь жили не в городах и не на заводах, а они все-таки жили в окружении гор, лесов — это были земледельцы, только особого типа...

Даниил Андреев заключает свой социальный анализ тем, что именно на этот пролетариат, как

А. Мень. От рабства к свободе

самую несовершенную и несостоявшуюся часть общества, и делали ставку те, кто разрушал общество, кто строил удобный для себя механизм. Вот откуда «диктатура пролетариата». На самом деле это мифо-

*Гюстав Доре.
Моисей со скрижалями Завета (Исход 19:19-25)*

Закон и этика Ветхого Завета

логический лозунг, потому что была диктатура тех, кто использовал пролетариат в своих интересах.

Я сделал отступление, для того чтобы показать важность традиций — не каких-то глупых и ненужных, а коренных традиций, на которых многое строится.

Этика Закона связывается с собственностью. Когда нам говорят: «не кради» — это значит, что нельзя брать чужое... Это очень сложный вопрос, и я думаю, что сейчас вы все над ним задумываетесь, поскольку эта проблема у нас долго и нудно дебатировалась... Вероятно, человек полностью отрешенный, подобный Будде или какому-нибудь китайскому даосу, или афонскому монаху, способен настолько отказаться от мира, что для него проблема собственности уже не существует.

Но на самом деле собственность есть уже у животных. Не только вещественная собственность, но и земельная. Я в свое время изучал «земельную собственность» у птиц. Наши обыкновенные птички — певчие, лесные — каждая владеет определенной территорией, и если на этой территории появляется другая птица, ее изгоняют.

Так же, по-видимому, происходило и в человеческом обществе, в котором собственность всегда существовала. Другое дело, что человек, благодаря своему несовершенному нравственному состоянию, мог делать с собственностью несправедливые манипуляции... И никто в истории не

А. Мень. От рабства к свободе

доказал с такой убедительностью утопичность и иллюзорность общества без всякой собственности (я не имею в виду, конечно, мелкие, личные вещи, а более серьезную собственность), как те, кто пытался реализовать на практике общество без частной собственности. Собственность все равно оставалась, но происходило ее перераспределение и таким образом, что она оказывалась в руках у власть имущих.

«Не прелюбодействуй». Это старинное слово означает «не нарушай брака». Как это выглядело в древности, легко себе представить, потому что это вещи непреходящие. Я не буду здесь повторяться и говорить, что есть любовь как идеал, как песнь, как высшее счастье. Любовь по своей природе моногамна. Я думаю, что некоторым из вас все-таки приходилось любить по-настоящему, и если вы это чувство проанализируете, то поймете, что, любя одного (или одну), уже не любишь другого — в таком, специфическом смысле слова. Значит, здесь сама модель говорит за себя.

И наконец (я опускаю текст о клевете, о которой мы говорили): «не произноси на ближнего ложного свидетельства» — на этом мы 70 лет стояли и произносили на ближних ложное свидетельство. Результат налицо!

Я хотел бы остановить ваше внимание на последнем моменте: «не пожелай дома ближнего твоего...» Зависть является очень сильным фактором, не только личным, но и социальным.

Закон и этика Ветхого Завета

Элементарные основы Закона находят свое подтверждение в Евангелии. Вы все слышали термин «Нагорная проповедь». Почему она так называется? В Евангелии от Матфея евангелист собрал важнейшие изречения Христа, касающиеся духовно-нравственной, религиозно-нравственной жизни, и как бы сгруппировал их в некое единое целое. Но перед этим он говорит: «Увидев народ, Иисус взошел на гору, и когда сел, приступили к Нему ученики Его, и Он, отверзши уста Свои, учил их». Взошел на гору. Наверное, Христос не раз учил с горы, потому что Он любил беседовать с людьми под открытым небом.

Но здесь был намек на гору Синай. Древняя гора, на которой гремел гром и сверкали молнии и откуда Моисей принес свои скрижали, сменяется другой горой. Это зеленый холм, который сейчас называется Курн-Хатин, находящийся на западном берегу чудесного голубого Галилейского моря. Галилейское море — это озеро с прозрачной и свежей пресной водой, практически оно является плесом от Иордана.

Там, на холме Курн-Хатин, Христос произнес Заповеди блаженства. Он начал со слов, которые всегда вызывают вопрос, — «Блаженны нищие духом».

Много раз я говорил вам, что Его слова — «Блаженны...» — имеют особый смысл. Человек всегда думал (так было и в древности, во времена Ветхого Завета), что если он преуспевает в жизни — он счастливый человек, а те, кто терпит какие-то

А. Мень. От рабства к свободе

испытания, трудности, — это несчастные люди — *miserandus*.

И вдруг вопреки этой укоренившейся (и в общем естественной) традиции Христос говорит: нет! Счастливы голодные, потому что они насытятся; счастливы нищие духом, потому что они будут богаты духом; счастливы плачущие, потому что они утешатся и их слезы будут отерты. Те, кого мир считает мусором, будут счастливы, и последние — станут первыми! Потому что масштабы Божественные совершенно иные по сравнению с масштабами человеческими.

И действительно, возьмите любой пример. Вспомните несчастного Александра Иванова, которого весь Петербург оплевал за его «Явление Христа народу». Бедного Модильяни, который за рюмку коньяка писал портрет с любого зашедшего посетителя... Вспомните о горькой судьбе наших современников — поэтов, мыслителей, писателей. Счастливыми победителями считали себя их палачи! Но они не были счастливыми, они проводили ночи в пирах Валтасара, которые так ярко описаны у Фазиля Искандера в «Сандро из Чегема». Почему клика Иосифа Виссарионовича пила день и ночь? Потому что они все-таки были люди, и их точил червь сомнения. От счастья не запьешь. А ведь они себя непрерывно разрушали этими ночными оргиями. Это был их образ жизни — такой же, как у Нерона, у императора Гая Калигулы, у многих других людей такого типа.

Закон и этика Ветхого Завета

Христос говорит: многие из тех, кого мир считает отверженными, остаются бессмертными, *они счастливы во внутренней жизни, которая связана с вечностью*. «Блаженны изгнанные правды ради! Блаженны вы, — говорит Он, — когда поносят вас Меня ради» — то есть ради Правды, ради Истины!

Дальше Христос говорит о законе, над которым мы сегодня размышляем. Прежде всего Он говорит: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон и пророков. Не нарушить я пришел, а исполнить».

Нам это может показаться странным, потому что к элементарным, важнейшим заповедям Моисеевым впоследствии священная традиция Ветхого Завета прибавила немало обрядовых предписаний. Часть из них Христос сохраняет и считает их бесконечно важными. А некоторые полностью отменяет.

Например, был закон о запретной и разрешенной пище. В этике Моисеевой традиции этот закон носил охранительный характер. Потому что человек должен был настолько сложно относиться к пище, чтобы с язычниками ему было трудно есть. Когда преграда рухнула — это предписание было отменено.

Десять заповедей Христос только углубляет.

Он говорит: «Вы слышали, что сказано древними: не убивай. А Я говорю: и гнев является грехом, и злоба». А мы теперь знаем, что злоба — это не просто эмоциональный всплеск, а это волна, отравляю-

А. Мень. От рабства к свободе

шая воздух, и человек чуткий ее чувствует. Почему нам легко в лесу? Потому что когда мы находимся в городе, нас окружают волны человеческих эмоций — это реальная сила; и зло обладает реальной силой. Если бы мы были способны увидеть «испарения» злых мыслей и чувств над нашим городом, то, подъезжая к нему, мы увидели бы висящую над ним черную тучу.

*Юлиус Шнорр фон Каросфельд.
Нагорная проповедь (Евангелие от Матфея 5:1-12)*

Закон и этика Ветхого Завета

Я никогда не забуду, как однажды зимой, возвращаясь с озера Байкал и подъезжая к Иркутску, я увидел над городом черную тучу — просто люди топили углем, и вся эта чернота поднималась вверх... Тогда я подумал, что, наверное, над городами незримо висит такая же аура или энергетическое поле эмоций...

Христос говорит нам, что не только разрушать брак является грехом, но греховно бесконтрольно обыгрывать внутри себя чувственность. Вы скажете: но если Бог создал чувственность, вложил ее в человека, почему же она является злом? Мы уже слегка касались этой темы, и я вам приведу один пример, а вы над ним подумайте. Вы, наверное, видели, хотя бы в кино, как в Америке отчаянный ковбой выезжает на быке или на необъезженном мустанге. Зрелище, конечно, впечатляющее. Ибо бык или мустанг пытается всячески его сбросить — он неуправляем. Не потому, что он плох, а потому что он не подчиняется человеку.

Так вот наша плоть, включая эмоциональный мир, должна подчиняться духу. Тогда человек силен. А если все, что в нас кипит, уже тянет, уже не повинуется нам, тогда, простите, мы едем на необъезженном мустанге, который в любой момент может нас сбросить в канаву.

Дальше. Христос говорит о клятве. Пусть «да» есть «да», «нет» — «нет». Потом, когда вводили церковную клятву — это было явным отступлением. Здесь Толстой был прав: не нужно извращать сказанное, не нужно никакой клятвы!

А. Мень. От рабства к свободе

И, наконец, закон справедливости и закон любви. В ветхозаветном Законе справедливость, конечно, стоит на первом месте. Но не думайте, что любовь, которую возвестил нам Христос, перечеркнула справедливость. Нет, справедливость должна быть, она является основой личных и общественных отношений. Но только в высшем состоянии человеческой личности, в ее подъеме — она кончается. Начинается совсем другое.

Я бы сравнил это с корнями дерева, на которых оно стоит. Дерево поднимается — на нем распускаются листья, цветы. Цветы прекрасны, но должны быть корни, корни справедливости. И тут мы оказываемся перед проблемой: как соотнести межличностные отношения с социальной справедливостью. Должен быть баланс, сбалансированность.

Что такое сбалансированность? Посмотрите вокруг себя! И движение планет, и смена времен года, и органическая жизнь — во всем действует закон сбалансированности. Когда в организме все сбалансировано, скомпенсировано — он здоровый... Образно говоря, если грузить в одну сторону, то обязательно улетишь в кювет..

Когда мы говорим о гармоничности художественного произведения, о гармоничности личности — это и есть то, что мы называем сбалансированностью. Я не говорю о каком-то вульгарном компромиссе, а именно сбалансированности; она есть музыка жизни.

В социальных отношениях должна быть справедливость. И Ветхий Завет ее отстаивал в тот период, когда считалось, что справедливость — вопрос весьма открытый. Впрочем, очень многие цивилизации постепенно приходили к этой мысли... Когда человек пытался найти лучшее устройство общества, он ориентировался на справедливость.

Сейчас вышла занятная книжка Баталова об утопии — эта проблема сегодня очень актуальна*. Вы родились в век, когда утопия была догматом. Я прожил век, в который утопия была, как говорится, на всех путях наших как навязчивая идея.

Но практика показала, что искусственное образование едва ли что может дать. Все это напоминает мне студенческие годы, когда восхваляли Мичурина, который пытался путем разных скрещиваний и прочих вещей создать новые виды, — и все деградировало, все возвращалось на круги своя. Потому что он вторгался в область, которую недостаточно знал, и она оказалась ему неподвластной.

То же самое происходит с законами общества. Я должен заметить, что «законы общества» — это условный термин. Нет законов общества в том смысле, в каком они есть в естественных науках. Есть, конечно, определенные черты, свойственные обществу, но в нем могут возникать совершенно неожиданные явления.

* Баталов Э. Я. В мире утопии, М., 1989.

А. Мень. От рабства к свободе

Какие законы общества породили нашу сегодняшнюю кризисную ситуацию? Ведь административно-командная система, как теперь выражаются, прекрасно могла бы замкнуться в своей башне из слоновой или еще какой-либо кости и предоставить нам всем постепенно чахнуть.

Какие особые побуждения были к тому, чтобы все повернуть? Какие законы? Нет, тут действует воля человека, воля людей. А это уже не законы, а простите — свобода. Какие законы заставили людей столь возмутиться краткой речью вашего ректора? Нет таких законов. Здесь проявилась воля человека, его свобода.

Итак, в конце мы приходим к вопросу: в какой степени ветхозаветная этика является актуальной, а в какой степени — реликтовой (уже исторической)? На это отвечает Сам Христос. С одной стороны, Он отбрасывает законы о пище и говорит, что не то оскверняет человека, что входит в него, а что из него выходит, то есть те мысли и слова, которые идут из его сердца. Он отменяет и ряд других законов, скажем, закон о клятве.

Но все-таки Христос утверждает: «Я пришел не нарушить закон, а исполнить». Слово «исполнить» от греческого слова *πληρόμα* — «полнота». «Я пришел дать ему полноту». Некоторые читают «исполнить», думая, что речь идет о том, что Он пришел, чтобы выполнить все правила Закона. Это абсурд! Какой смысл говорить Ему о том, что Он пришел, чтобы выполнить несколько правил?

Я приведу еще один пример неправильного понимания слова «исполнить». Те из вас, кто хоть раз бывал в церкви, вероятно, слышали такое начало молитвословия: «Исполним утреннюю молитву нашу» или «Исполним вечернюю молитву нашу». И полагают, что речь идет о призыве к молящимся осуществить, начать свою молитву. Ничего подобного! Церковнославянский язык под словом «исполним» означает «окончим» молитву, завершим, закруглим ее. И в данном цикле молитвословия это последняя ектенья.

Когда же Христос говорит, что Он пришел исполнить Закон, — это значит, что Он пришел достроить здание, завершить его и открыть нечто совершенно новое, но на основании старого.

И, наконец, последнее, самое сейчас болезненное. Когда Ветхий Завет говорит о ближнем, он постоянно имеет в виду единоверца и соплеменника. Почему это было так? Потому что в древнем мире, до эпохи буддизма, скажем, до IV—V веков до нашей эры духовная традиция преимущественно передавалась через этнические сообщества. Это надо запомнить, потому что это особое свойство древней цивилизации. И человек получал, например, эллинскую религиозную традицию не просто благодаря свободному выбору, а вместе с потоком отеческой традиции, от матери и отца.

Такого *случая* (назовем это случаем), который создал христианскую Русь, в эпоху Древнего Егип-

А. Мень. От рабства к свободе

та не могло быть, потому что когда князь Владимир решил найти для себя и для своего народа более высокую истинную веру, ему пришлось подняться над этническими барьерами.

Я вспоминаю, как в тайге я беседовал с одним старообрядцем, с довольно образованным человеком, который все время говорил: как хорошо в православных храмах и как ему надоело заунывное старообрядческое пение. Я ему говорю: «Ну что ж, отец, чего ж ты не приходишь к нам за Уду, за реку?» «Ну что поделаешь, — сказал он с обреченным взором, — кто в какой вере родился, в такой и умри». Я говорю: «Но если бы князь Владимир так рассуждал, то ты бы сейчас не божественные книги читал (а у него целая библиотека была), а все тому же Перуну бы поклонялся».

Так вот, подвиг императора Константина Великого, князя Владимира и тех поколений христиан, которые прежде были исповедниками сирийских, египетских, римских, греческих культов, в том, что они перешли на новую стадию бытия. Когда люди еще до нашей эры принимали буддизм в Средней Азии, они переходили на новую стадию бытия. Когда перед Рождеством Христовым греки или римляне принимали идеи и практику Ветхого Завета, они уже находились в новой фазе развития.

В древности, когда было написано Пятикнижие (а это все-таки наиболее архаичная часть Библии, несмотря на все теории, о которых я вам

Закон и этика Ветхого Завета

немного говорил), вера и этнос составляли единое нераздельное целое. Единственным исключением были *герим*. *Герим* — значит «пришельцы», люди, живущие внутри этноса, но принявшие его традиции и религию.

Среди таких «герим» были великие святые образы Ветхого Завета, и для того чтобы доказать их значение, была специально написана Книга Руфь. В ней говорится о том, что праматерь царя Давида была моавитянка, иноплеменница. Тем самым автор этой небольшой книги показывает, что величие души совершенно не определяется происхождением человека, а его нравственным поведением.

Вот таковы элементарные основы того целого мира, который включает в себя Закон Моисеев. После этого мы должны перейти к Книгам Пророков. Они делятся, согласно древней традиции, на исторические книги и собственно пророческие. Это необычайно увлекательные, драматичные, поразительно интересные книги! И мне очень жалко, что мне придется лишь вскользь говорить о них из-за краткости наших с вами встреч.

Спасибо.

Маленькое объявление! Сегодня по инициативе одного юноши, который занимается Бердяевым как любитель, открылся музей Николая Бердяева, и он стал заведующим этого музея в Центральной городской публичной библиотеке имени Некрасова.

А. Мень. От рабства к свободе

Музей открывается пока выставкой. В день рождения Бердяева, в воскресенье, 18-го, я буду служить панихиду в два часа дня по Николаю Александровичу, и вы посмотрите фотографии и документы, связанные с ним.

Я благодарен судьбе, что мне удалось связать этот музей с издательством, в котором я работаю. Это издательство связано с политическим детективом, но название не должно вас удивлять, потому что это издательство имеет довольно широкий диапазон и круг проблем. Они издают бюллетень «Совершенно секретно», в котором касаются культурных, нравственных и просто актуальных проблем сегодняшней жизни; там вы можете найти статьи и о Пастернаке, и о Синявском, и о Даниэле; а мне они выделяют несколько страниц, чтобы я мог высказаться на темы духовные и моральные.

Преступность и мораль — это антиподы, но они как две стороны одного и того же листка. Благодаря усилиям этого издательства основан музей, и при нем будет религиозно-философская библиотека, где будут собраны шедевры русской религиозной мысли. Это была моя мечта, когда-то совершенно фантастичная, но она осуществилась.

Итак: Николай Александрович Бердяев. Страницы жизни. Выставка. Московская штаб-квартира Международной ассоциации детективного и политического романа, Центральная городская публичная библиотека имени Некрасова, клуб «Москва» приглашают вас посетить выставку в

Закон и этика Ветхого Завета

день рождения Николая Александровича Бердяева в воскресенье, 18 марта, в 14 часов. На выставке представлены материалы из собрания Московской штаб-квартиры и частных коллекций. Адрес: Большая Бронная, дом 20/1, корпус во дворе. Проезд: метро «Пушкинская», «Горьковская».

Бердяев — великий провидец, ярчайшая фигура, блестящий стилист! Он, можно сказать, — наш современник! Когда он умер, ваш покорный слуга уже кропал первые богословские труды. Он умер в 1948-м.

14 марта 1990 года

Исторические книги Ветхого Завета (лекция первая)

Сегодня мы переходим к достаточно краткому обзору того раздела библейских книг, который в нашей традиции называется Историческими книгами. Но в самой ранней традиции они назывались древними пророческими книгами, или по-еврейски *не-вийм ришоним*. Казалось бы, очень странно, почему этот сборник действительно исторических повествований, охватывающий период от XII века вплоть до середины VI века до нашей эры, то есть более полутысячи лет, называется пророческим?

Дело в том, что перед нами не просто летопись, хроника, и не просто описание событий, как у Геродота, Фукидида или Тацита, а нечто совершенно особенное. До сих пор названия этому жанру не придумано. В прошлом веке его называли «прагматической историей» — это не совсем удачный термин, но этот жанр можно охарактеризовать так: священный писатель использует историческую канву — сказания, предания, анналы, богослужебные тексты, сохраняющие воспоминания о событиях, — для того, чтобы скомбинировать, выстроить некий историко-философский ряд.

А. Мень. От рабства к свободе

Для поверхностного читателя это будет перечень событий с некоторыми рефренами, или вставками, но если посмотреть глубже, то мы увидим, что перед нами некий взгляд на историю, предполагающий в ней некий Промысл. Она развивается по определенной закономерности, идет к определенной цели, в ней есть смысл, глубокий сокровенный смысл, а не хаотическое нагромождение событий. И законы, которые действуют в истории, это не механические законы природы, а результат столкновения духовных сил, личной воли человека и того задания, которое Творец дает человеку и человеческим сообществам.

Я повторю слова Гете, который говорил, что Библия потому всечеловеческая книга, что здесь на примере одного народа разыгрывается общечеловеческая драма. Действительно, в так называемых исторических книгах за ходом событий всегда стоит некая сквозная мысль священного писателя.

Прежде всего я должен сказать, что авторы этих книг неизвестны. Что это за книги? Книга Иисуса Навина, далее Книга Судей Израилевых. В греко-русской традиции к ним примыкает маленькая Книга Руфь, в древнееврейской она относится к третьему сборнику, к Писаниям назидательным. Далее идут четыре Книги Царств – в оригинале это две Книги Самуила и две Книги Царей. Вот главные составные части исторических книг.

Трилогия исторических книг (Книги Иисуса Навина, Судей, Царств, или тетралогия, если

А. Мень. От рабства к свободе

отдельно брать книги Самуила) была завершена в эпоху Вавилонского плена. По существу, события обрываются 60-ми годами VI века до н. э. — это и есть время написания книг. Написаны они были в Вавилонском плену, в изгнании.

Следующие две книги называются «Дела давно минувших дней», или по-еврейски *Диврэ хайамим* — «Дела дней», или в греческом варианте *Паралипоменон* — «то, что пропущено», то есть то, что отсутствует в других исторических книгах. В латинском варианте их принято называть Книгами Хроник, или Летописей. Это еще более обобщенная схематичная история, которая доводит события до возвращения иудеев из Вавилонского плена в 538 году до н. э.

В основу этих книг легли первоначальные документы, древнейшие предания. Историческая ценность их очень высока. Но в XVIII–XIX веках исследователи увлекались лишь фактологической стороной дела. Оказалось, что это неплохо, потому что подвигло сотни археологов организовывать экспедиции и проводить раскопки. Когда вскрывались могилы ассирийских царей, когда находились письма эпохи пророков, которые посылали друг другу военачальники, очень многие факты подтверждались буквально, до мельчайших деталей. Археологи находили ассирийские и вавилонские хроники, в которых отражались библейские события.

В иных случаях выяснялось, что Библия описывает события несколько обобщенно, иногда два похожих события в повествовании сливаются в од-

Исторические книги Ветхого Завета

но. И это давало повод апологетам Библии все время восклицать: а Библия все-таки права! а обвинителям Библии постоянно отыскивать в ней какие-то исторические противоречия. Но ни те, ни другие не правы. Потому что задача Священного Писания — донести до нас с помощью этих примеров главную мысль о том, что история есть *заданность*. И в том случае, когда человек и общество, «*populus Dei*» — «народ Божий», прообраз Вселенской Церкви, — перестают двигаться в сторону этой заданности, в истории наступает кризис.

Сначала перед нами Книга Иисуса Навина, в которой говорится о переселении израильтян в Ханаан. Раскопки показали, что действительно в XII веке до н. э., в ту самую эпоху, когда дорийцы переселялись с боями с севера Балканского полуострова на юг, когда была завершена Троянская война, закончившаяся как бы пирровой победой, то есть кризисом ахейского общества, — в то самое время многие города Ханаана были разрушены. Сохранились толстые слои угля, следы пожара, обломки утвари, оружия, разбитых идолов. Археологам удалось найти небольшие фигурки ханаанских идолов, скелеты детей, которых по финикийской традиции убивали и хоронили под стенами новостроящегося здания.

Но воспоминания об этих событиях преломились через призму столетий, и когда через 600 лет записывался этот народный эпос, народная память все несколько изменила. На самом деле переселе-

А. Мень. От рабства к свободе

ние было частично мирным, частично с боями. Это был сложный длительный процесс, который занял эпоху, может быть, одного-двух поколений, и после того как он завершился, бок о бок продолжали жить хананеи, моавитяне, амаликитяне, израильтяне, финикийцы и другие.

Для автора Книги Иисуса Навина картина как бы совершенно меняется. *Veni, vidi, vici!* — пришли, увидели, победили. Язычники исчезли из этой страны: «Изгнал пред лицом Твоим аморреев, иевусеев, хеттеев»*. Потому что в то время, когда писалась Книга Иисуса Навина, все ханаанские туземцы уже давно, много-много поколений назад слились с израильтянами, а язычник превратился уже в некий полумифический образ — образ соблазна, образ того, кто сеет ложную веру.

Но что интересует автора или авторов этой книги? Казалось бы, эта земля дана Богом, это дар Божий, но автор подчеркивает, что дар требует усилий, что манна небесная не сваливается человеку в руки. То, что дается, требует от человека напряженной борьбы.

Здесь повторяется та же мысль, что и в сказании об Иакове, который боролся с Богом. Иногда говорят о том, что религиозное упование лишает человека силы и воли к борьбе. Но на самом деле Иаков пришел на законную землю и, перейдя через реку Иавок, должен был борьбой завоевать право владеть ею.

* Ср. Ис Нав 24.11.

Исторические книги Ветхого Завета

Многие толкователи считают, что эта мысль перекликается с таинственными, загадочными словами Христа, которые до сих пор понимаются по-разному. Он сказал: «Царство Божие усилием берется» — усилием, то есть напряжением воли.

Вот одна интересная деталь. Евангелие от Матфея начинается с длинной родословной, в которой, как и принято на Востоке, фигурируют в основном мужские имена; но там есть четыре женских имени — это язычницы. Евангелист Матфей подчеркивает их присутствие в родословии Христа.

Одна из них Фамарь (это эпоха патриархов), вторая Раав (*Rahab*) — блудница из города Иерихона. Она названа блудницей, но есть основание предполагать, что она была жрицей, ибо в храмах Иерихона и других ханаанских городов, посвященных плодородию, существовала так называемая сакральная проституция. Как бы то ни было, она помогла израильтянам проникнуть в город и впоследствии вошла в состав религиозной общины. И эта блудница Раав указана в родословии Христа.

Должен сказать, что когда вы читаете строки из Книги Иисуса Навина, над вами веют мрачные тени варварских времен: кровной мести, коллективной ответственности, первобытной дикости. Это была толпа абсолютно неграмотных людей, вооруженных, в общем, чем попало. Имея высокие этические требования Моисеевой религии, она еще не способна была их глубоко усвоить, столкнувшись с манящими соблазнами ханаанской религии и культуры.

А. Мень. От рабства к свободе

Ханаан — высокоцивилизованная страна: тут и земледелие, и развитое искусство, и промышленность, и образ жизни, чуждый израильтянам. Он кажется им распутным, развратным (впрочем, он таким и был). Но все это распутство прикрывалось священной оболочкой, потому что считалось, что чувственность — не любовь, а чувственность человека — это часть эротической стихии мироздания. И поэтому культ секса являлся главным, и он соединялся с культом жестокости.

Анат была богиней войны, а Ашера и Астарта — богинями чувственности и плодородия. Археологи находят массу изображений этих «венер» (как условно они называются в их терминологии). И не надо вам объяснять, что если для современного человека, после двух тысяч лет христианства, оказывается соблазнительным культ насилия, секса, то что же говорить о тех диких людях, которые жили 3000 лет назад. Как легко их было сманить к этим алтарям, в эти священные рощи Ашеры, в эти места, где жили священные блудницы...

В конце книги рассказывается, что израильтяне разделили всю страну на регионы и расселились — это идеальная схема; конечно, в истории этого не было. И когда мы переходим к Книге Судей, мы вдруг обнаруживаем, что вся страна по-прежнему заселена хананеями, израильтяне живут рядом с ними, воюют, заключают договоры, заключают браки и так далее.

Исторические книги Ветхого Завета

Книга Судей исторически более достоверна; но не в этом суть. Я еще раз подчеркиваю: самое достоверное историческое сообщение может не нести в себе никакой религиозно-богословской нагрузки. А в Библии все-таки важно не то, какие в древности цари с кем воевали, а важна суть жизни, суть бытия и призвания человека.

Книга Судей — поразительная книга. В истории летописей всех жанров и видов это один из уникальных случаев гигантского *общенародного по-*

*Юлиус Шнорр фон Каросфельд.
Падение Иерихона (1 Царств 19:9-10)*

А. Мень. От рабства к свободе

каения. Недаром Нестор-летописец и другие русские летописцы писали, находясь под влиянием этой книги и вообще исторических книг Библии. Ибо очень часто прошлое народа рисуется только в героических чертах. В нем хотят видеть только светлое, только величественное, только привлекательное! Но в жизни все происходит иначе, и автор Книги Судей пишет буквально так, как есть.

Вся книга является самообличением. От первой строки до последней автор использует все случаи, все возможные удобные моменты для того, чтобы обличить народ в его неверности и измене Завету. Но это не исторический мазохизм, а результат глубокой веры в творческую силу покаяния.

Книга Судей должна была вызывать покаяние. Ее читали люди, жившие через несколько веков после описанных событий, люди, которые были изгнаны из родной земли, жили в Вавилоне, листали эти свитки, читали и говорили: «Вот что сотворили наши отцы! И мы должны вернуться на пути истины!»

Эта книга сыграла огромную роль в общенародном покаянии — именно благодаря своей жесткости и бескомпромиссности. Уж где-где нет лести толпе, так это в Книге Судей.

Кто такие судьи? Судья по-еврейски *шофёт* — это не представитель юридического мира, а народный вождь-харизматик. Те из вас, кто знаком, хотя бы немного, с воззрениями Макса Вебера, историка и социолога начала нашего столетия, наверное, уже сталкивались с этим термином.

Исторические книги Ветхого Завета

Есть властители правовые, а есть харизматические. Правовой властитель — это тот, кто получил свою власть над народом или страной в силу определенного писаного или устного принятого права. Это может быть наследственная монархия, демократическое избрание (через голосование), плебисцит или что-то еще. Харизматический вождь приходит к власти благодаря тому, что за ним идет толпа. Он одержим духом, который может быть духом светлым и духом темным. Типичным харизматическим вождем в наше время был, например, Гитлер.

Эти судьбы на время народных бедствий становились вождями *амфиктионе*. Амфиктионе — это особый тип греческого государственного образования, эталоном которого берется союз племен. Они живут независимо, но объединены общим святилищем; на определенные праздники они сходятся к своим святилищам, где проводятся и богослужение, и ярмарка, и какие-то игры, и таким образом поддерживается их непрочное единство.

В Греции центром амфиктионе были, например, Дельфы — священный город, в котором был оракул. В Израиле это были города Силом (или *Шило*), Сихем (*Шехем*) и другие. Конечно, между племенами существовал разброд, и каждое жило само по себе, господствовал племенной эгоизм.

Но для священных авторов важно было показать, что из этого сброда должна вырасти общность, народ и, наконец, Церковь, то есть духовное сообщество. И когда начинается общественный кризис

А. Мень. От рабства к свободе

или вторгаются враги, захватывают города и сжигают поля — Бог воздвигает вождя и через него спасает эту маленькую, условно говоря, республику от полной катастрофы.

Законов общенациональных в таком государстве нет, есть только религиозные заповеди с некими этическими добавлениями, и далеко еще не квалифицированный уголовный судебник, который одни признавали, другие, очевидно, нет. И автор повторяет все время рефреном, что «не было царя у Израиля, и каждый делал, что хотел».

Надо сказать, что автор Книги Судей отнюдь не монархист, и для него царь не синоним законности и порядка. Но законности нет. И книга приводит ряд ярких, драматичных, написанных с большой силой древних историй — это уже не сказания, а просто летописные фрагменты, но лишенные сухости летописи, полные живости исторической прозы, в которой безобразие, беззаконие, бесчинство как бы вопиет к Небу.

Схема там такая: двенадцать судей (12 — священное число) сменяют друг друга; но только о некоторых рассказано подробно. Между ними сроки 40, 25 лет — тоже условные сроки. И каждый раз Израиль впадает в грех, идет за Ваалами, то есть начинает поклоняться местным богам, а потом приходят враги, все начинают каяться, и Бог воздвигает им судью. Схема очень условная, но автор искуснейшим образом вправляет в нее живые яркие сцены.

Исторические книги Ветхого Завета

Здесь разные герои. Вот женщина-пророк по имени Девора. Образ ее можно было видеть на храме Христа Спасителя, где было высечено мраморное изображение Деворы, призывающей народ к защите отечества. Она была судьей, к ней приходили разбирать тяжбы. Девора или же ее окружение после победы над врагом сложили песнь, которая приводится в 5-й главе Книги Судей. Ее главная мысль в том, что за общину отвечают все люди — нельзя себя противопоставлять общине.

Песнь Деворы все историки обычно сравнивают со «Словом о полку Игореве». Это действительно близкий по духу эпос. Многие не хотели идти и защищать отечество — это то же самое, что вы находите в «Слове о полку Игореве»: упрек князьям, которые остались равнодушны.

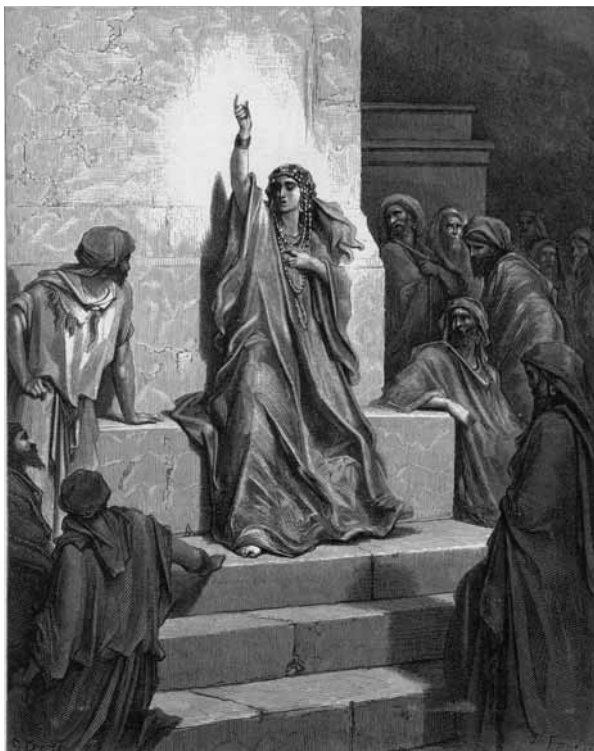
Потом появляется фигура Гедеона. Он важен тем, что разрушил у себя идолов и выступал как защитник отечества от кочевников. И Бог посылает его не с большой армией, а только 300 человек, но самых смелых.

Потом следует всем известный Самсон, человек, окруженный легендой. История о нем кажется наименее религиозной. Но автор книги собрал и поместил в книге легенды о нем, чтобы показать все формы борьбы. Это был богатырь, призванный Богом стать защитником народа.

В это время, в XI веке до нашей эры, с запада — с Крита и с Кипра — шли так называемые «народы моря». Это были племена Эгейского региона, ко-

А. Мень. От рабства к свободе

торые обрушились на Сирию, на Египет; Рамсес III вел с ними тяжелые морские бои. Народы моря шли вместе со своим скотом, женами, детьми — это было массовое переселение народов.

*Гюстав Доре.
Песнь Деворы (Судей 5:1-13)*

Исторические книги Ветхого Завета

Историки до сих пор гадают о причинах этого переселения. Возможно, что движение дорийцев с севера (дорийцы — греческое племя, которое потом осело на Пелопоннесе, на юге Балканского полуострова) всколыхнуло население греческого мира, и его окраинная часть вынуждена была переселяться в другие регионы. И она хлынула на восток — в Египет и Сирию. На египетских изображениях мы видим людей, которых евреи называли *пелиштити* — «филистимляне» — отсюда потом возникло слово «Палестина».

Это высокие воины в пернатых шлемах, кольцом охватывающих голову. У них в руках совершенно новое оружие. Они овладели секретом выплавки железа, поэтому у них боевые колесницы, мечи и боевые топоры — все из железа. Между тем, хананеи и аморреи, живущие в Палестине, еще сражаются бронзовым оружием, которое, конечно, уступало железному.

И очень скоро филистимляне полностью устанавливают контроль над страной; центром их становится город Газа (до сих пор он является объектом международной войны). Они быстро ассимилируются, вероятно, даже усваивают какие-то семитские языки (кстати, израильтяне стали говорить на хананейском наречии, которым и является древнееврейский язык, это древний язык хананеев). Даже в религии у них появляются боги восточного пантеона. Только в орнаментах, в сосудах, которые находят археологи, мы видим отголосок их эгейс-

А. Мень. От рабства к свободе

кой родины. Он виден и в некоторых своеобразных формах захоронения, в частности, в пещерных захоронениях, где останки человека складывались в особый сосуд.

Итак, Самсон олицетворяет собой борцов против филистимлян. Но он вовсе не способен бороться по-настоящему. Он одиночка, он ходит и наносит вред врагам, поджигая их нивы. Он обладает огромной силой, он — посвященный Богу *назир*.

Назиры — так называли группу людей, которые для сохранения чистоты веры отрицали цивилизацию оседлых людей: волос не стригли, вина не пили, хлеба не ели, в домах старались не жить. Жили в палатках, питались пищей пустыни, и ножницы не прикасались к их волосам. *Назир* — в русской транскрипции «назорей». Назиры давали клятву и строго ее блюли. Последние назиры существовали еще в VI веке до нашей эры, а, может быть, и позже. Иоанн Креститель, по мнению большинства исследователей, принадлежал тоже к назирам, или назореем.

Но в борьбе Самсона камнем преткновения становится женщина. Могучий, сильный человек, он обладает столь же могучей силой в любви. Он женится на филистимской женщине. Ее звали Далила. Не буду пересказывать события, связанные с его жизнью: о том, как он шел на свадьбу, и на него кинулся лев — в то время в Палестине еще водились львы, — и он его растерзал (напомню, что в Петергофе есть фонтан «Самсон»). Филистимляне боя-

Исторические книги Ветхого Завета

лись его и решили, что его жена и станет орудием их расправы над ним.

Естественно, у нас сразу возникает ассоциация с оперой Сен-Санса «Самсон и Далила». Художники, музыканты, поэты без конца обращались к этой теме. Скульпторы, кинематографисты...

*Гюстав Доре.
Самсон убивает льва (Судей 14:1-7)*

А. Мень. От рабства к свободе

Есть какое-то вечное противостояние между мужчиной и женщиной. Она как будто любит Самсона, но в то же время в ней пробуждаются иные желания и чувства; в конце концов она вступает в сговор со своими родными, чтобы лишить Самсона его силы. А сила у него богатырская. Например, в Газе филистимляне запирают его ночью, когда он, еще до Далилы, пришел к одной женщине. Он, проснувшись утром, вышел, увидел — ворота заперты, и сорвал их с петель, но не просто бросил, а отнес на гору — чтобы все увидели его силу. Это в духе Гаргантюа.

Самсон противится Далиле, пытается скрыть тайну своей удивительной силы, которая заключается в том, что он дал Богу клятву назира, которую не должен нарушать. Сначала он обманывает ее, говорит, что сила его в другом. Но она быстро и ловко проверяет его и добивается своего — ночью она подстригает Самсона, и враги его связывают и ослепляют. Лишенный зрения, он поставлен во дворе, как бык, вертеть жернов.

Вот такая беспутная, пропащая жизнь: вместо борца он был нарушителем спокойствия и кончил слепым пленником. Но эпилог его истории трагичен. Однажды, когда собрались филистимские военачальники пировать, они захотели поиздеваться над слепым богатырем и привели его в свой пиршественный зал. А слепой Самсон вдруг почувствовал, что к нему вернулась сила. И он сказал мальчику-поводырю: «Подведи меня к колоннам» — к столбам, на которых держалось все здание. И когда мальчик

Исторические книги Ветхого Завета

подвел, он взмолился Богу и сказал: «Да погибнет жизнь моя с филистимлянами», — сдвинул столбы, и дом обрушился, раздавив его вместе с врагами.

Перед нами образ неудавшейся жизни, образ чего-то несостоявшегося. И Книга Судей опять-таки кончается этим рефреном: не было царя, и каждый делал, что ему было угодно...

Проблема социального устройства общества не древняя, она вечно новая, потому что общество, как и Церковь, нуждается в определенной структуре. И структура эта не есть измышление людей, а необходимость жизни. Только вся задача в том, чтобы эта структура соответствовала высокому званию человека и духовным задачам общества. Вот тут-то все становится проблематично и спорно.

Вы знаете, что эта проблема терзает нашу страну в течение почти всего XX столетия, она и до сих пор еще не решена. Попытка решить ее внегуманным способом, таким путем, на котором всякая совесть и всякое человеческое сострадание отбрасываются во имя якобы социальной цели, оказалась абсолютно бесплодна и бесполезна. Поэтому нравственный стержень в социальной структуре не есть прихоть благочестивых или мечта сентиментальных людей. Суровая действительность показывает, насколько важно, чтобы была структура, была власть, но чтобы она была праведной.

Когда апостол Павел говорил: «Нет власти еще не от Бога», — он вовсе не имел в виду вульгарную

А. Мень. От рабства к свободе

мысль: кто бы там ни сидел — пусть сидит. Нет. Мы не должны считать апостола настолько слепым и безумным. Он имел в виду сам *принцип социальной структуры*. И ее разрушение — революционное, насильственное, незаконное — каждый раз показывало, насколько это опасное начинание для человека, какие бы возвышенные слова при этом ни произносились.

Структура общества должна расти органично, это дерево, за которым надо ухаживать, а не рубить его, чтобы на этом месте посадить... неизвестно что.

Вокруг этой проблемы вращается следующая книга, вернее, следующий цикл книг, который в нашей греко-русской традиции называется Книгами Царств.

Но прежде чем к ним перейти (у нас еще есть несколько минут), я скажу о маленькой книжке, которая «встряла» между Книгами Судей и Царств. Это книга о Руфи, или Рут. Она может показаться довольно странной. Потому что это просто описание жизни одной незнатной и ничем не примечательной женщины.

Руфь была язычница, иноплеменница, принадлежала к народу моавитян, живших на юге Палестины. Она вышла замуж за израильтянина. Когда он умер, свекровь сказала ей: «Ты молода. Возвращайся к своему народу. Найди себе мужа. Детей у вас нет. Ты свободна». Но она полюбила свою свекровь и сказала: «Твой Бог будет моим Богом. Твоя

Исторические книги Ветхого Завета

земля будет моей землей. Твой народ будет моим народом. Я останусь с тобой».

Оставшись, Руфь ведет полунищенский образ жизни: две вдовы, она и свекровь, питаются тем,

*В. Фаворский.
Вооз встречает Руфь. Гравюра*

Исторические книги Ветхого Завета

дословие Христа, ибо Он был отдаленный потомок Давида, и еще одна иноплеменница, Руфь-моавитянка, стоит в Его родословном списке.

Следующий сборник — Первая и Вторая Книги Царств. Я уже говорил, что в оригинале он называется *Шмуэль*, то есть Книга Самуила, потому что один из главных персонажей первой части — пророк Самуил. Первая Книга Царств, или Книга Самуила, говорит об *основании монархии Ветхого Завета*. Трудная проблема! Очень трудная. И священный писатель внес туда два мотива, существовавшие в Предании ветхозаветной Церкви. Поэтому история основания монархии описана там противоречиво, двойственно.

Вот оба сюжета. Сюжет первый. Вначале народом правит пророк Самуил, избранный Богом. Он воюет с филистимлянами, даже побеждает их, но в старости не может передать свою власть сыновьям, которые беспутны и бестолковы. Однажды народная толпа приходит к нему и говорит: «Дай нам царя, как у других народов! Помажь его на царство!»

Самуил глубоко этим уязвлен. Потому что он верил, что закон Божий сам по себе создаст правовое общество. Люди будут опираться на высший закон. А если будет властитель, он поставит себя над законом. Что, конечно, бывало и в прошлом, и в настоящем. И он сказал им горькие слова: «Вот я вам помажу царя, и он будет посылать ваших сыновей воевать, он будет отбирать у вас землю, вы

А. Мень. От рабства к свободе

будете снабжать его всем необходимым», — и нарисовал очень мрачную картину самодержавия*.

Но они продолжали кричать и настаивать, и тогда он согласился помазать им царя. Но это было уступкой народу. Бог говорит ему: «Они не хотели, чтобы Я царствовал над ними! — пусть же будет у них царь, который будет их угнетать».

Согласно второму сюжету, Самуил сам избрал царя. Он нашел могучего юношу из племени Вениаминова, тайно помазал его на царство, то есть возлил ему на голову кубок священного елея, который символизировал постоянство Божьей благодати. Этого человека звали *Шаул*, или Саул, он стал одержим духом Божиим, то есть тоже стал харизматическим вождем, но уже имеющим законную власть.

И здесь возникает конфликт. Став царем, Саул постепенно идет по пути всех властителей: он возвышает себя над законом. И когда Самуил говорит ему о том, что надо поступить по воле Божией, Саул не делает этого — он уже свою волю ставит выше. В этом конфликт, который кончается следующей историей.

Порвав с Саулом, старик Самуил идет в город *Бет-Лехем* (Вифлеем). Бог сказал ему: ты найдешь там будущего царя, истинного. И вот приходят молодцы, сыновья *Ишайя* — Иессея, — становятся перед ним, один сильнее и краше другого! Кто же из них будет царем? Но голос Божий ему шепчет: нет, ни один из них.

* См. 1 Цар 8.

Исторические книги Ветхого Завета

— Нет ли у тебя еще сыновей? — спрашивает Самуил.

— Есть, самый младший, он пасет там стадо.

— Приведите его.

Приходит юноша, совсем юный! Он красив лицом и рыжеволос*. Между прочим, это единственный случай, когда Библия приводит описание внешности. Давид прекрасно играет на кинноре, на арфе, он смел и обладает многими дарованиями. Но он всего лишь мальчик! И тогда Самуил берет кубок и выливает его на голову Давида, тем самым помазав его на царство как бы еще при живом царе.

Дальше разворачивается драма. Саул находится в состоянии помешательства. Часто в полемике против Ивана Грозного его сравнивают с Саулом. У Саула развивается комплекс узурпатора. Когда он видит, что находится на троне без благословения Божьего, то есть без права на то, чтобы занимать этот трон, он впадает в тяжкую меланхолию. Дух от Бога нападает и терзает его. И только музыка успокаивает царя. И тогда при дворе появляется Давид.

Одно из преданий, тоже включенное в Книгу Царств, рассказывает, как выдвинулся Давид при дворе: он победил в единоборстве великана-филистимлянина Голиафа. Для автора Книги Царств это единоборство очень важно. Потому что Голиаф выходит навстречу, смеясь над своими врагами: он в шлеме, в железном панцире, и никто не решается выйти к нему навстречу — сразиться с ним. И тог-

* В синодальном переводе — белокур. См.: 1 Цар 16. 12.

А. Мень. От рабства к свободе

да вышел Давид — с пастушеской пращой, которую он использовал, чтобы разгонять хищных зверей. И Голиаф захохотал, сказав: «Что ты идешь на меня, как на собаку, с камнем и с палкой!» Но Давид ответил: «У тебя меч, но со мной Бог!» И, раскрутив пращу, он поразил камнем в лоб Голиафа и, подбежав к нему, отрубил ему голову его же мечом.

Этот сюжет, как вы хорошо знаете, стал одним из любимых в искусстве. Помните в Музее изобразительных искусств копию

*Микеланджело.
Давид с пращой*

«Давида» Микеланджело? Он стоит обнаженный, с пращой за плечом. Это гимн молодости и смелости. Но это была не простая смелость — это была вера. Давид, хотя и был варваром, жил в варварскую эпоху, — был человеком веры, особенным человеком. Об этом свидетельствуют некоторые сложенные им псалмы, но об этом речь впереди.

Итак, Давид сначала любим царем, но постепенно тот подозревает его в желании занять трон. Все любят Давида! Дочь царя *Михаль* (Мелхола) стала

Исторические книги Ветхого Завета

его женой, сын царя Ионатан стал его закадычным другом. Царь как бы оказывается в изоляции, в одиночестве, ему кажется, что все против него. И тогда он решает тайно убить Давида. Особенно эта мысль стала у него навязчивой после того, как Давид впервые проявил себя храбрым воином и, вернувшись с поля битвы, встретил ликование народа, а женщины, которые играли и пели, приветствуя победителей, повторяли песню: «Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч!»

Какой царь может это перенести? Мелхола, жена Давида, узнав, что этой ночью придут убийцы, положила статую в кровать, прикрыв ее одеялом, а Давида спустила из окна, и он скрылся. Бежал в пустыню, где возглавил вольницу таких же гонимых людей, или, точнее будет сказать, разбойников. И Саул лишается покоя. Он скачет на коне по пустынным горным перевалам, ищет Давида. Он не может успокоиться, пока не найдет, чтобы убить его.

И вот еще один интереснейший момент: усталый Саул вместе со своей стражей заснул в пещере, а Давид, прокравшись в эту пещеру, отрезал часть его одежды, а потом, поднявшись на утес, начал кричать: «Царь!» И когда Саул вышел из пещеры, Давид показал ему кусок одежды и сказал: «Я мог бы тебя убить, если бы хотел; но я не хотел этого делать». Саул на некоторое время успокоился, но ненадолго...

В это время филистимляне вновь пошли войной на Израиль. Войска их сосредоточились

А. Мень. От рабства к свободе

у гор, чтобы встретиться в жестоком поединке с отрядами Саула. Саул обуреваем тяжкими предчувствиями. Согласно закону Моисееву, он изгнал всех языческих прорицательниц из страны, из тех городов, которые были ему подвластны, но одну он все-таки нашел. Он пришел к ней в Аэндор ночью

Ге Н. Н. Саул у Аэндорской волшебницы (фрагмент)

Исторические книги Ветхого Завета

и спрашивает: что будет со мною? Старик Самуил к тому времени уже умер, и предстал перед ним дух пророка и предсказал ему гибель.

Есть в Русском музее картина Николая Николаевича Ге «Саул перед Аэндорской волшебницей». В битве Саул был окружен и, не желая попасть в руки врага живым, покончил жизнь самоубийством на поле брани. В скором времени Давид был провозглашен царем сначала над Иудейским племенем, а потом во всем Израиле.

Он отбросил филистимлян к морю, захватил город Иерусалим, очень древний, в котором жило множество народу, сделал его своей столицей и перенес туда древний Моисеев ковчег. Это было около тысячного года до нашей эры.

И в этом славном, но в то же время впоследствии трагичном царствовании был заложен архетип, или некая мифологема истории, которая тесно связана с евангельской историей и потом проходит как некий очень важный сюжет через всю Библию. Идиллия царства! Но царства какого-то совсем другого. Восхищаясь Давидом, автор Книги Царств невольно подчеркивает не столько его победы, сколько его грехи. Ибо в конце концов настоящим Царем всечеловеческой общины должен стать Тот, Кто придет с Неба, — сам Господь, явившийся в мире. Истинным Помазанником будет не один из земных царей, а Спаситель мира.

Поэтому слово «помазанник» — «Мессия», по-гречески «Христос», становится кличем, эмблемой

А. Мень. От рабства к свободе

и центральной темой всего Священного Писания, как Ветхого, так и Нового Завета...

Постепенно реальная монархия тускнела в глазах народа, и проступало истинное грядущее Царство Божие — царство свободы, царство справедливости, царство добра, царство благословения! Это мы начинаем предчувствовать уже в дальнейших Книгах Царств, о которых поговорим при нашей следующей встрече.

14 марта 1990 года

Исторические книги Ветхого Завета

(лекция вторая)

Сегодня мы завершаем беглый обзор так называемых Исторических книг Библии. Хочу вам еще раз напомнить их структуру. Первая часть Исторических книг содержит Книгу Иисуса Навина, Книгу Судей, 2 Книги Самуила (в греко-русской традиции 1-я и 2-я Книги Царств) и 2 книги Царей (в нашей традиции 3-я и 4-я Книги Царств). В греко-русской традиции к ним примыкает маленькая Книга Руфь.

Второй цикл Исторических книг, более поздний, называется Паралипоменон, или «пропущенные дополнения»; иногда этот термин некоторые писатели, философы, литераторы из снобизма употребляют для обозначения каких-то дополнений или приложений к главному корпусу своего труда.

В центре Исторических книг находится образ Давида, о котором мы уже с вами говорили. Исторический Давид — фигура яркая, славная, одаренная многообразными талантами, он и поэт, и музыкант, и одаренный полководец, и весьма обаятельный человек. Но он — сын своего века, ставший одно время почти разбойником, расправлявшийся

А. Мень. От рабства к свободе

довольно сурово со своими политическими врагами, то есть фигура сложная.

Если мы возьмем трактовку Эрнеста Ренана, который изображает его просто грубым бандитом, или трактовку средневековой легенды, которая пытается представить Давида в виде святого (в нашем понимании), то истина будет лежать посередине.

Изображая Давида на основании подлинных документов и сказаний своего времени, Библия, конечно, дает нам ценный исторический материал. Более того, большие фрагменты из юности и воцарения Давида — это блестящая историческая проза, не уступающая по своей живописности, живости произведениям греческих историков, например, Геродота, хотя написана за несколько столетий до него.

Перед нами, может быть, один из первых образцов историко-художественной прозы. Но в целом она до нас не дошла. Составитель Исторических книг берет блоки, далеко не равные по объему, и помещает их в ряд, конструируя нечто свое, самостоятельное.

Какая здесь господствует мысль? Составитель говорит о том, что монархия не имеет обоснования власти в самой себе. Только сакральное помазание, только некая санкция, которая дается свыше, делает царя царем. Без этой санкции он — никто.

Вторая концепция: закон Божий, который охватывает сферу благочестия, нравственности и

Исторические книги Ветхого Завета

общественных отношений, является законом не только для масс, но и для царя; царь так же отвечает перед этим законом, как любой израильский крестьянин. Это значит, что он не творец законов, каковым, например, выступает Хаммурапи или другие легендарные авторы древних судебников.

В Библии впервые мы четко видим идею права, которое стоит над властью имущими. Это право даст впоследствии основание пророкам выступать с открытыми, публичными инвективами, изобличениями царя, царицы, князей. Это была не просто какая-то фронда, а акция, опирающаяся на санкцию Божьего закона, который давал им это обоснование, потому что царь обязан был *подчиняться* закону. Поэтому многие современные историки называют закон, принятый в Израиле, своего рода «религиозной конституцией».

Но здесь маленькое примечание. Если дух Священного Писания имел как бы над-историческое значение, то, разумеется, уголовные и прочие элементы закона в эпоху царей оседали в хронологически локальных участках; то есть они довольно быстро устаревали, поскольку возникали и зависели от времени и места их составления.

Характерная черта повествования — ее подробность. Бытописатель с интересом следит за приключениями Давида, пока он еще не царь, пока он еще отважный юноша, претендент на престол, невольный наследник царя Саула. Но с того момента, как Давид становится реальным царем, когда в Хев-

А. Мень. От рабства к свободе

роне его провозглашают и помазывают священным елеем, — с этого момента рассказ бытописателя переходит в скороговорку.

Он быстро перескакивает от одной победы к другой, он не погружается в события его военных и политических успехов, а, напротив, говорит о них как бы между прочим. Но затем он снова становится обстоятельным и подробным рассказчиком, когда говорит о грехах Давида, о том, как он фактически убил своего царедворца Урию и завладел его женой, а потом подробно рассказывает о последствиях этого греха, поскольку начинаются династические споры: сын от первого брака, сын от второго, младший, старший...

Еще не было установлено ни майората, ни какого-либо права наследования — все было в руках царя. Но царь еще не успел состариться (Давид стал царем в 30 лет), как между выросшими сыновьями началась борьба за будущую власть. Началось восстание Авессалом (или *Авшалом*), которого царь очень любил, но который был, говоря сегодняшним языком, настоящим «популистом».

Он завоевал симпатии масс и потом пошел против отца, желая при жизни захватить его трон. И в конце концов Давид должен был поднять свою армию, чтобы рассеять отряды Авессалом. Но Авессалом, отступая через лес, запутался длинными волосами в ветвях дерева и погиб. Давид очень горько его оплакивал.

Исторические книги Ветхого Завета

У Рембрандта есть такая фантастическая картина «Давид и Авессалом»: Давид в огромной чалме, и к нему припадает, прося прощения, Авессалом с длинными золотистыми кудрями — это сцена первой попытки их примирения еще до смерти Авессалома.

*Рембрандт. Давид и Ионафан.
В старой атрибуции эта картина называлась «Давид и Авессалом»*

А. Мень. От рабства к свободе

В конце концов, на сцене появляется пророк Нафан — тот самый, который открыто упрекнул Давида в его преступлении, в убийстве Урии.

Пророк потребовал, чтобы царем был провозглашен сын Вирсавии — той женщины, которую царь лишил мужа. И старый Давид, уже сильно ослабевший перед смертью, пошел на то, чтобы царем стал (хотя он был и не старший сын) этот человек. Его звали *Шломб*, по греческой транскрипции — Соломон (эта транскрипция сохранилась в европейских переводах).

Соломон не был человеком высокого религиозного духа, он не был героем, не был богатырем, не был музыкантом, но все равно стал легендой. Потому что он построил в Иерусалиме Храм.

Это был своеобразный Храм: в нем не было никакого изображения Божества; небольшое здание, приблизительно как этот зал; в него никто не входил, кроме изредка первосвященников, а святое место, *деvíр*, было отгорожено стеной и завесой, и там стоял Ковчег. Он был перенесен туда в сопровождении торжественной процессии — и снова пел древний псалом: «Да восстанет Бог, и расточатся враги Его» (Пс 67).

Этот псалом впоследствии лег в основу старинной христианской молитвы «Да воскреснет Бог, и расточатся враги Его». Старый Ковчег, порубленный в боях мечами и даже побывавший в плену, наконец, был перенесен в святилище.

Историки и археологи неоднократно пытались восстановить облик Соломонова Храма. Каких

Исторические книги Ветхого Завета

только фантастических, гигантских сооружений мы не видим на старинных картинах и гравюрах! Но наиболее точной реконструкцией считается та, в основу которой положены исследования финикийской архитектуры того времени. Потому что на строительстве этого Храма работали мастера, присланные царем Финикии Хирамом (сохранилась гробница этого царя вместе с изображениями; вообще эту эпоху уже удастся хорошо датировать; датируется множество документов соседних стран, летописи, памятники материальной культуры, изображения, портреты их деятелей).

Библия подробно описывает строительство Храма, потому что он был символом того, о чем мечтала ветхозаветная Церковь: Бог близок. Человек хочет, чтобы священное было рядом с ним. Не где-то в космических далях, не где-то в таинственной глубине, а именно *рядом*: в центре города, в центре поселка, в центре стана.

Впоследствии немецкий богослов Дитрих Бонхёффер, погибший в нацистской тюрьме, писал, что это была великая идея — Бог в центре стана. Потому что не на периферии жизни является человеку Бог, и не только в разломах, в страданиях, в «пограничных ситуациях», как говорят экзистенциалисты. Нет — на гребне жизни, в полноте жизни может человеку открываться Бог. Не тогда, когда человек чувствует себя ущербным, а именно тогда, когда расцветает полнота его сил и дарований. В центре — храм!

А. Мень. От рабства к свободе

И, описав подробно строительство Храма, бытописатель останавливается на светлой стороне Соломона. Бог является ему во сне и спрашивает: чего бы ты хотел? И он не просит у Него ни победы над врагами, ни драгоценностей, ни богатства, а просит у Него мудрости. И вот этот факт становится центральным в легенде о Соломоне.

Эту легенду сам библейский летописец быстро развенчивает. Мудрость проявляется только вначале, а потом начинаются искушения. Как все цари древневосточных держав (а это пока еще была держава, то есть империя, включавшая разноплеменный, многонациональный конгломерат), Соломон должен был содержать большой гарем.

В те времена считалось, что чем гарем больше, тем это престижнее для властителя. И из дипломатических соображений (а Соломон был женат на дочери фараона) он стал для своих жен, вывезенных из языческих стран, строить в Иерусалиме святилища, молитвенные дома и храмы в честь других богов. Началось с дипломатии, а кончилось тем, что город, который Бог обещал сделать святым, становится полуязыческим. И Храм Божий, пусть он без изображений, пусть он аскетичный, но уже окружен цепью, как бы кольцами этих языческих капищ.

И в последующем повествовании священный автор дает понять, что с этого момента начинается падение Соломона и вообще всей державы. История говорит о падении. Если Книга Судей являлась

Исторические книги Ветхого Завета

книгой народного покаяния, то эта книга не только книга покаяния, но и обличения власти, обличения самодержавия. Собственно говоря, и самодер-

*Гюстав Доре.
Премудрый Соломон (3 Царств 10:23-29)*

А. Мень. От рабства к свободе

жавия как такового не было, потому что все время над властителем были и закон, и пророк, и народное собрание. В конце концов, не без воздействия и не без влияния пророка Ахии царство распадается на две части.

После смерти Соломона немедленно восстают люди Севера, и страна делится на два царства: одно называется Иудеей — Южным царством со столицей Иерусалимом, второе называется Северным царством, или *Эфра́им* (в греко-русской транскрипции — Ефрем). Разумеется, это сразу, немедленно, мгновенно снизило политическое значение древнеизраильского царства и дало возможность египетскому фараону Шешонку I вторгнуться в Иерусалим и ограбить его.

Дальнейшая история — это картина *агонии* обоих царств. В Северном царстве власть совершенно не держится: за несколько столетий, за 300 лет, сменилось 10 династий! Перевороты идут один за другим, причем часто они идут под знаком веры.

Сейчас нередко мы можем слышать, что «возрождается вера», — и это хорошо; что она есть «источник нравственности», — и это хорошо. Это правда. Но это, друзья мои, не вся правда, потому что человек способен свои черные, темные страсти камуфлировать, то есть одевать в благородные одежды, в том числе и в одежды веры.

Самое священное, что было в наследии ветхозаветной Церкви, — глубочайшая преданность единому Богу и отвержение других культов —

Исторические книги Ветхого Завета

используется для своего рода революции, дворцового переворота, убийства и расправы. Североизраильский полководец Иегу совершает переворот, который, как и все перевороты, незаконный, предательский и с морем крови. И все это он делает как бы ради чистоты веры.

Причина переворота — в склонности правящей династии к языческим культам. Она действительно была склонна к языческим культам, но когда начинаются акции насилия, то это уже не может быть ничем оправдано. Идея священной войны всегда окрашивалась в мрачные и черные тона.

Как же это произошло? Я сейчас говорю о Севере, где правила мощная династия Омри, сделавшая своей столицей город Шамрон, находившийся среди холмов Севера. *Шамрón* — по-гречески Самария. В течение многих столетий этот город продолжал играть важную роль в истории и культуре Ливана и вообще Ближнего Востока. Отсюда происходят самаряне.

Омри создал эту столицу, а его потомок Ахав женился на финикийской принцессе Изабель, или Иезавель, которая была дочерью жреца Ваала, финикийского царя-жреца. Кстати, археологи нашли печать с именем Иезавель. И она настолько активно начала вводить языческие обычаи, что культ Ваала, Молоха, едва не стал государственной религией Израиля. Таким образом, Иезавель, поддерживавшая финикийскую традицию, в династии Омри имела большую власть.

А. Мень. От рабства к свободе

Вы помните роман Мелвилла «Моби Дик»? Там в качестве главного героя фигурирует капитан Ахав, человек бунтующего, богоборческого темперамента, но в то же время великий искатель истины. Мелвилл специально дал ему это имя, потому что в народных преданиях Ахав считался нечестивцем. Но причина его нечестия заключалась в двоеверии.

Понятие двоеверия актуально и для сегодняшнего дня. Часто человек, принимая какие-то высшие ценности, одновременно пытается оправдать и иные точки зрения. И возникает в нем двойное видение, двойное понимание. К примеру: христианин, который исповедует Евангелие и дает согласие на унижение других людей, на насилие, на зло, говоря, что делает это во имя Божье, — это типичное двоеверие. Потому что к Евангелию искусственно прикрепляется нечто, глубоко чуждое и враждебное ему по духу.

Единый Бог, требующий от человека любви и служения ближнему, не мог быть рядом с Молохом, который требовал просто человеческих жертвоприношений. А народ в целом, особенно крестьяне (а это в основном были крестьяне), всегда склонен к суевериям, к простым, стихийным представлениям, и высшее понятие о Боге для него еще было мало доступным.

Сегодня человек, имеющий, может быть, кандидатскую степень, проявляет суеверия на уровне тех, что описаны у Фрэзера в «Золотой ветви». В нас сидит то, что Карл Густав Юнг считал архетипом, — в

Исторические книги Ветхого Завета

подсознании человека сидит глубокая склонность к язычеству, ибо язычество есть обоготворение природного, стихийного, таинственного, низшего. Это очень сильно в человеке, и его рецидивы без конца проявляются в истории культуры. Я специально остановился на этом, чтобы показать, что двоеверие не есть лишь какой-то эпизод из древней истории IX века до нашей эры (сейчас мы говорим о IX веке). Нет, это некая непреходящая модель нашего существования.

И вот в эту эпоху наступления язычества появляется человек по имени Илия! Его имя в подлиннике звучит как *Элийáху*, то есть «Яхве — мой Бог». В этом имени заключена целая программа. Человек таинственный, потому что мы не знаем, откуда он, — он появляется внезапно, из тьмы. На нем грубая пастушеская власяница. Это человек странный, бескомпромиссный, подобный юродивым Древней Руси. Он появляется перед царем и предсказывает народное бедствие, если царь будет продолжать уступать Иезавели в ее склонности к язычеству.

И действительно, как говорит Библия, «затворилось небо». И не только Библия. Финикийские документы свидетельствуют о многолетней засухе, которая в те годы прокатилась по всему Ближнему Востоку. Илия сам ушел в Финикию, где тоже было бедствие и где он нашел добрую душу — язычницу, финикийскую женщину, которая его приютила, и он с ней жил... Это была сарептская вдова;

А. Мень. От рабства к свободе

(Сарепт — город, недалеко от нынешней Сайды, или древнего Сидона).

Христос сказал о ней: «Ведь много было вдов в Израиле, а почему-то только к вдове сарептской

Гюстав Доре.

Ангел приносит пищу и питье пророку Илие (3 Царств 19:1-8)

Исторические книги Ветхого Завета

пошел Илия, и сына ее воскресил, и не дал ей умереть с голоду». В том, что он пошел к язычнице (это Бог его послал туда), было как бы указание на то, что он, как пророк, воюет не против людей, а против заблуждений.

Ахаву донесли, что это Илия своими волхвованиями нагнал мор на землю. И когда царь ездит по стране в поисках корма для своих боевых коней, вдруг перед ним появляется Илия, как бы вырастая из-под земли. Увидев его, Ахав говорит: «А, это ты, губитель Израиля?!» А Илия отвечает: «Нет, это ты и твои жрецы навели на страну беду и идете вслед Ваалам. Пора остановиться. Пора выбрать. Поднимемся на гору и решим раз и навсегда: либо мы поклоняемся единому Богу, либо уходите к Ваалу».

И библейский сказитель описывает, как на гору Кармел, в Галилее, у берега моря, поднимается огромная толпа изможденных голодом и зноем людей, и там стоит жертвенник. Выходят жрецы Ваала и устраивают экстатический танец, как это было у фригийских экстатиков, нанося себе раны так, что льется кровь. Но Ваал молчит...

Илия говорит им: «Кричите громче — может, он спит!» Но Ваал молчит. Их было много, жрецов Ваала.

Вышел Илия и призвал Бога Синая, Бога пламени, Бога Авраама, Исаака и Иакова! Молния ударила в камень, на их алтарь, сожгла жертву и народ закричал: «Яхве есть Бог!» Илия тут же расп-

А. Мень. От рабства к свободе

равляется с жрецами Ваала... Расправляется, но это не приносит ему победы, потому что об этом узнает царица и начинает гонения на Илию и на его приверженцев. И ему приходится бежать,..

Куда он идет? Он, как новый Моисей, идет к Синаю! Он идет к той горе, на которой Бог дал Завет. Это замечательное сказание. Он идет по пустыне, он готов умереть; к нему является вестник Божий, и Илия говорит: «Довольно уже, Господи; всех Твоих пророков избили; возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих». Но вестник подкрепляет его пищей, и тогда он идет дальше, приходит на гору Синай и ждет, когда ему откроется воля Всевышнего.

И вот звучит грохот, отдаваясь эхом в горах, — но это не Господь. Потом жар наступает, такой, что, кажется, камни плавятся, — но это не Господь. И в этой жаре вдруг повеял ветер, прохладный ветер, по-церковнославянски звучит очень красиво: «глас хлада» — «голос прохладного ветра». И там был Бог. Господь явился именно в прохладном, тихом веянии — не в буре, не в громе, не в огне!

Это был как бы символический перелом, новый рубеж в откровении: оставалось позади первобытное представление о Боге бури, о Боге ярости, гнева и стихии, и приходил Бог любви и милосердия ..

Это очень важный момент, и мне всегда казалось, что именно об этом месте Библии думал Генрих Ибсен, когда писал свою пьесу «Бранд». Я не помню, рассказывал я вам про нее или нет, неважно, но напомним еще раз, как она конча-

Исторические книги Ветхого Завета

ется. Суровый пастор только во имя идеалов загубил все вокруг себя; все или ничего — вот его девиз! И когда он погибает под снежной лавиной в горах, в последний момент он спрашивает: «Боже, в час моей смерти скажи мне, прав ли я был в своей борьбе?» И голос ему отвечает: «Он есть Бог милосердия».

Неожиданный ответ, казалось бы, перечеркивающий всю борьбу Бранда, я думаю, навеян историей с пророком Илией. В Третьяковской галерее есть знаменитая новгородская икона пророка Илии. Он написан на пламенном фоне. Икона поразительная, необычайная. Глаза, устремленные в одну точку, белые волосы, падающие на плечи, власяница и багровый, горящий фон! Это знаменитый Остроуховский Илия.

Древняя Русь очень остро чувствовала первобытность, первозданность этого пророка, который, казалось, заклинал небо и землю. Поэтому в какой-то степени в Древней Руси образ его впитал в себя некоторые элементы древних богов-громовержцев.

Итак, здесь происходит перелом, хотя и не полный. Еще ученик Илии Елисей, или *Элишá*, достаточно жесток и груб. Это он подстрекает Иегу к перевороту, о котором я вначале говорил.

А чем кончился этот переворот? Есть черный обелиск ассирийского царя Салманасара III. На нем мы видим различных посланников восточных царств, которые идут поклониться и принести дань

А. Мень. От рабства к свободе

Салманасару III. Среди них – Иегу, военачальник Израиля в Самарии, который, став царем, делает земной поклон перед Салманасаром.

Иегу как будто бы действовал во имя высоких идеалов, но он боролся с двоеверием, с коварством и жестокостью. Вера не может насаждаться насильем. Этот призрак насилия начинает подниматься над человечеством, и древний мир вскоре увидит

*Илия пророк. Около середины XV века.
ГТГ. Икона из собрания И.С. Остроухова*

Исторические книги Ветхого Завета

новую, незаметно выношенную и выросшую военную машину.

На востоке, в северной Месопотамии зреет еще одно Ассирийское царство. Одно уже миновало, взлет его прошел, теперь восходит новая династия. Идеалом является господство над народами, смешение всех рас и племен, смешение языков и культур. Все должны быть подданными царя; он один достоин восхищения. Это царь, воин, тот, у кого сила.

На ассирийских рельефах этого времени мы видим могучих солдат в касках, с огромными мышцами, которые попирают врагов, — здесь видится некое подобие скульптур Вучетича. Господствует и торжествует сила. Они еще не подступили к сирийским берегам. Только один раз в IX веке произошла битва — все народы Ближнего Востока вышли, для того чтобы сразиться с ассирийцами. Это была битва при Каркаре. О ней сохранились документальные данные. Среди воюющих был и царь Ахав.

Но приближалось время, когда Ассирия станет владычицей всего Древнего Востока. Она уничтожит Северное Израильское царство — в 722 году Самария рухнет. Население будет угнано в Месопотамию и исчезнет. Легенды о десяти коленах будут курсировать по всему свету. В Америке на основе этой легенды в XIX веке мормоны создадут свою секту. Но самаряне исчезнут, от них сохранится только горстка, которая насчитывает сейчас несколько сот человек.

А. Мень. От рабства к свободе

Останется маленькое Иудейское царство, и оно станет ареной борьбы, ареной величайших трагедий, местом, где выступят пророки Исайя, Иеремия, Иезекииль. И хотя в VII – VI веках Иерусалим станет жертвой Халдейского, Ново-Вавилонского царства, он тем не менее возродится, для того чтобы привести историю Ветхого Завета к вратам Нового.

Илия-пророк, как центральная фигура того раннего периода, не только потому привлекал людей Древней Руси, что был подобен богу-громовержцу, а потому что был защитником обездоленных. Библия сохранила о нем следующий рассказ*.

Около царского дворца в Самарии Ахав заметил чудесный виноградник, который ему очень понравился. Он узнал, что хозяин этого виноградника – некий *Навот* (или в греческой транскрипции Навуфей), и послал к нему своих людей с просьбой продать ему этот чудесный кусочек земли. Но Навот сказал: «Как?! Этот виноградник обрабатывали мой отец и дед, мы всегда тут жили, это не продается». Несколько раз царь пытался договориться, но когда получил от этого крестьянина твердый отказ, настолько расстроился, что жена его, Иезавель, увидев, сказала: «Отчего твое лицо омрачилось? Кто он такой? Мужик? Покажи себя царем».

Немедленно, как это бывает и в наши дни, было сострепано дело. Навот был обвинен в поношении царя (то есть в антиправительственных разго-

* См. 3 Цар 21.

Исторические книги Ветхого Завета

ворах) и был казнен, а его участок перешел казне, то есть царю. Наконец Ахав мог спокойно пойти и посмотреть на этот чудесный виноградник.

Когда он вышел из дворца со своими придворными и отправился туда, вдруг среди виноградных лоз он увидел стоящего Илию, который сказал: «Ты убийца и хочешь еще наследовать то, что принадлежит убитому! За то, что ты пролил кровь невинного, род твой будет весь уничтожен». Надо сказать, что при мятеже Иегу действительно были перебиты все потомки Ахава, и сама Иезавель, уже царица-мать в то время, была убита восставшими.

Следовательно, для Илии-пророка, человека, жившего три тысячи лет тому назад (IX век), поправление справедливости было религиозным преступлением. И это глубокая правда. Потому что иного преступления на самом деле быть не может, ибо если человек признает только законы природы, то прав был Ахав, когда убил своего соперника. И прав эксплуататор, когда он эксплуатирует эксплуатируемого, потому что он победитель, он сильнее, а слабым так и надо.

Да здравствует сильнейший! — таков волчий закон. Какие могут быть еще законы, если человек — только интеллектуальная обезьяна?

Нравственных законов нет в природе. Мы знаем случаи, когда змея, скажем, залезает в нору, убивает и съедает ее хозяина и поселяется в ней. И мы не осуждаем змею. А Илия осудил царя, потому что он завладел тем, что принадлежало убитому.

А. Мень. От рабства к свободе

Поэтому духовные, религиозные основы социальной этики — это вещь исключительно серьезная. Для нас серьезность эта была подтверждена всем опытом предшествующих лет, а для вас, молодых, — тем, что вы могли прочесть о минувших десятилетиях.

Когда было сказано, что нет объективной правды, а правдой является только то, что служит интересам определенных группировок, тогда началась

*Юлиус Шнорр фон Каросфельд.
Гибель Иезавели (4Царств 9:30-37)*

Исторические книги Ветхого Завета

волчья борьба, которая губила людей, разрушала страну. И сегодня это имеет самые тяжкие последствия.

Но Илия был еще и пророком-экстатиком, таким народным юродивым. Через поколение после него появляется целая плеяда великих писателей, библейских пророков-писателей. Основателем этого движения был Амос (VIII век), который пришел с юга на север, проповедовал в Самарии, и движение это до V века включительно было непрерывным, породив плеяду гениальных мыслителей, писателей, которые стояли на удивительной высоте. Это были не просто литературные гении, а это были религиозные учителя, народные трибуны, это были люди, которые хотели и требовали, чтобы правда жизни была связана с высшей Божественной правдой.

Они впервые сказали миру, который занимался каждением, волхвованием, бесчисленными обрядами, что никакие обряды Творцу не нужны, если человек обращается к Нему со злом в сердце. Это великое откровение пророков и делает их писания стержнем Ветхого Завета, его центром, является настоящей религиозной революцией. Об этом мы поговорим с вами при нашей следующей встрече.

4 апреля 1990 года

Пророки. Профетизм

Сегодня мы подходим к кульминационной точке всего Ветхого Завета, к самой напряженной, насыщенной и высокой в духовном и в литературном смысле. Это раздел, который называется «Пророки» или Пророки-писатели.

В древнейшем собрании эта группа священных книг называлась *неви́м ахаро́н*, то есть «Поздние пророки». Это название условное, связанное с тем, что Исторические книги, о которых мы говорили с вами в прошлый раз, назывались *неви́м ришо́н*, то есть «Ранние пророки». Но по литературной форме между ними мало общего.

Литературная форма пророческих книг совершенно особая. Это и громоподобная речь, подобная речам Цицерона или Демосфена, это и высокая поэзия, перемежающаяся лирическими, глубоко интимными, порою скорбными стихами и песнопениями.

Пророк — это совершенно исключительная фигура в истории Ветхого Завета, которая выделась из тех ранних, ветхозаветных прорицателей, которые еще несли на себе печать первобытной экстастики. Пророки-писатели — люди высокой культуры, широчайшего умственного горизонта,

А. Мень. От рабства к свободе

люди, знакомые с литературой современного им Востока (кроме греческой). Они не знали греческой литературы, хотя были современниками античных мыслителей-поэтов, современниками Гесиода, Фалеса, Анаксимандра.

Последние пророки были уже современниками Сократа. Их появление было неслучайным, и мы можем его рассматривать в контексте величайшей духовной революции, которая в середине I тысячелетия до нашей эры потрясла весь Старый Свет и создала основы современной культуры. Я не оговорился: *современной*.

О чем бы мы ни говорили сегодня: о монархии или демократии, о материализме или пролетариате, о диктаторах или об откровении, о диалектике или противопоставлении материи и духа — все это было уже заложено в тот период, который Карл Ясперс назвал «осевым временем». Я не буду подробно останавливаться на этом, только отмечу, что книга Карла Ясперса на эту тему переведена в ИНИОНе и издана ограниченным тиражом. В 1-м номере (за этот год) журнала «Народы Азии и Африки» есть мой небольшой очерк на эту тему*.

Что поражает в этом движении? Оно, конечно, загадочно. Загадочно, потому что *в ту эпоху* человечество еще не знало тех средств коммуникации, которые позволяют в течение считанных часов, а

⁹ Имеется в виду статья отца Александра: К проблематике «осевого времени». — Журнал «Народы Азии и Африки», 1990, № 1.

А. Мень. От рабства к свободе

то и минут, передавать информацию из одной части мира в другую. И мы видим, что и в эллинистической Греции, и индийском царстве Магатха, и в древнем Иране, то есть в странах, которые между собой очень слабо связаны, возникают похожие мысли, возникают великие учения, которые станут прочным фундаментом для современной культуры и цивилизации.

Я назову вам только некоторые имена: Аристотель и Платон, Заратустра и Конфуций; Лао-цзы, Мэн-цзы, Чжуан-цзы; уже упоминавшиеся Фалес, Анаксимандр, Гераклит Эфесский, Демокрит, Будда, авторы Упанишад — это все примерно одна эпоха. Хронологически она начинается приблизительно с VIII века.

Должен вас предупредить, что никаких радикальных экономических и социальных изменений в это время не происходило. Наши историки, пытаясь как-то, по старинке, объяснить это осевое время, пытались указать на рост античного капитала (то есть появление денег), колонизацию, которая была в Греции, но на самом деле все эти объяснения недостаточные. Ибо социальные и хозяйственные условия в Индии, Иране, Греции и Израиле в то время были весьма различны. Но событие было общее: создание того духовного фундамента, на котором возникло здание современной цивилизации.

Пророки были частью этого движения, но частью исключительно своеобразной. В некото-

рых отношениях они порвали с многими учениями, роднившими доктрины Индии, Китая и Греции. Первым пророком-писателем, по-видимому, насколько мы можем судить по Библии, был Амос, живший в VIII веке.

Он не был профессиональным прорицателем, пророком, который проповедовал в храме, каких было немало и в других религиях. Финикийские и сирийские документы показывают нам, что богослужение сопровождалось не только какими-то обрядовыми действиями, но также выступлениями своеобразных «солистов», произносивших (или певших, это будет точнее) некие священные тексты. Иногда это были молитвы за народ, иногда это были заклинания дождя, молитвы об успехе. Всегда это были слова, направленные на исполнение эгоистических потребностей человека. Нормальных, но достаточно эгоистических. Победа, урожай, богатство, успех, власть, царская власть!

В большинстве своем такие пророки были на службе у царя. Когда он отправлялся на войну, он их вопрошал, они отвечали ему, часто довольно обтекаемо, так что можно было толковать и так, и так. Но если бы у них не было какой-то интуитивной, или, как сейчас любят выражаться, парапсихической, способности что-то угадывать, то, вероятно, очень быстро от их услуг бы отказались. Очевидно, такая способность у них была. Более того, известно, что неудачливых пророков постигала довольно тяжелая участь; так что выживали в основном только способные.

А. Мень. От рабства к свободе

И вот появляется Амос. Эту сцену мы можем себе представить очень живо, потому что кусок не-сохранившейся его биографии вкраплен одним из его учеников в сборник его речений. Справляется осенний праздник урожая на Севере, в *Бет-Эле* (Вефиле). Народ веселится, поет, пирует; перед ними храм. Это не Иерусалимский Храм, ведь Бет-Эль находился на севере Израиля. У него была своя независимая святыня, и вместо Ковчега Завета там стояло изображение тельца или двух тельцов. Это не были идолы, а как бы подножие трона невидимо присутствующего Бога.

И появляется Амос. В пастушеской одежде, с посохом, он восходит на помост и начинает говорить, петь. Он начинает, выражаясь сегодняшним языком, петь панихиду, начинает оплакивать страну: «Пала и не встанет больше дева Израиля!»

Тогда к нему подходит священник и говорит: «Ну-ка, пророк, Божий человек, иди в свою землю обратно, в Иудею, откуда ты пришел и там пророчествуй, там зарабатывай свой хлеб». Ибо пророк — это была профессия. На это Амос отвечает: *Ло-навй анóхи ве-ло бен-нави* — «Я не пророк и не сын пророческий» — то есть я не принадлежу к этой касте, к этой группе.

Он просто был обычным землевладельцем. У него были овцы, он имел сад, ухаживал за ним, жил на границе пустыни, недалеко от Вифлеема, в городе Фекоя, или *Текба*. Что он там видел, о чем он думал, — это загадка, мы не знаем биографии этого

Пророки. Пророчество

человека. Даже если бы знали, все равно это было бы тайной.

То, что описывает Пушкин в бессмертных строках:

Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волею Моей,
И обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!

— это квинтэссенция пророчества. Откуда пришел этот глагол? Здесь мы приближаемся к необычному парадоксу, феномену пророческого служения. Амос говорит так:

Когда ночью рычит лев —
кто не вздрогнет?
Когда Господь говорит —
кто не станет пророком?

Значит, он как бы пришел сюда против своей воли. Но его слова — это не спонтанная, хаотичная речь, это не речь исступленного фанатика или энтузиаста, а это песнь. Перед нами раскрывается человек огромного литературного дарования. Он поддерживает традицию старых проповедников Ветхого Завета, но создает особый жанр, которого не встретишь ни у одного из его предшественников.

В западной литературе это принято называть «оракулами», пророческими речениями. Это нечто среднее между стихотворением и публичной речью. Амос говорит очень своеобразно. Каждый

А. Мень. От рабства к свободе

блок речений предваряется короткой формулой: *Ко омáр Адонай* — «Так говорит Господь». И дальше он говорит от первого лица, как будто он есть Бог! Специфика поразительная. Он почти не говорит о

*Гюстав Доре.
Пророк Амос (Амос 1:1-12)*

Пророки. Пророчество

Творце в третьем лице: как о предмете, как о вещи, как о личности. А он говорит так, как будто через него вещает Бог, как будто он рупор Бога...

Здесь есть, конечно, некоторая аналогия с индийской и греческой мистикой, но там происходит слияние человека с Абсолютом вплоть до растворения его личности. Между тем в библейском пророчестве этого нет.

Пророчество — слово, распространенное в науке и обозначающее пророческое движение. Оно происходит от греческого *профетес* — «пророк». Слово *профетес* удачно переводит древнееврейское слово *нави*: это не предсказатель, а вестник, передатчик чего-то, *провозвестник*, тот, кто говорит от чьего-либо лица.

Амос — фигура исключительно важная. Знаменитый историк Арнольд Тойнби ставит его в ряд великих основателей религий наряду с Буддой, Эхнатомом, Лао-цзы, Заратустрой и другими. Но не таким считал себя сам Амос. Он считал себя возродителем и продолжателем некой древней традиции, которая уже существовала задолго до него. Это традиция пустыни, традиция свободной жизни при Моисее, традиция вольной теократии, когда не было царя, но только Бог властвовал над народом! Разумеется, в его преломлении этот период уже несколько идеализирован.

Амос выступает как совершенно невероятная в истории фигура. Это человек, который приходит в Вефиль с проповедью покаяния и бросает обви-

нение всему народу. И когда его прогоняют из святилища, он возвращается к себе в Текоа, садится и пишет. Так были созданы первые строки сборника «Поздние пророки». Потом его изречения были собраны учениками — когда, точно не известно, но, вероятно, достаточно рано, — и этим было положено начало той части Библии, в которую вошли речения всех последующих пророков-писателей.

Сборник состоит из следующих писаний: Великие пророки и Малые. «Великие» в данном случае означает большие по объему, а не по значению. Ибо Амос, написавший очень маленькую книгу, на самом деле величайший из пророков, по крайней мере, один из величайших.

Великие пророки — это Исайя, Иеремия, Иезекииль. Малых пророков — 12. Это специальный сборник, вы догадываетесь, что число 12 — символическое число полноты праведников, это избранные: Амос, Осия, Иона, Авдий, Михей, Наум, Аввакум, Софония, Аггей, Малахия, Захария, Иоиль.

Когда мы берем этот сборник в руки и спрашиваем: кто его писал? — мы получаем достаточно четкий ответ, потому что это наиболее аутентичная, наиболее авторская часть во всем Ветхом Завете. Если Моисей лишь закладывал основание Пятикнижия, а имена авторов Исторических книг нам не известны, то здесь мы имеем авторские произведения. Не только заголовки, но и само содержание, и всевозможные автобиографические аллюзии, и,

наконец, биографические вставки позволяют утверждать, что эти книги писались именно теми, чьи имена они носят.

Правда, некоторые книги впоследствии были признаны составными. Об этом я скажу позже. Но заранее отмечу, что книга пророка Исайи — это не книга, которую в VIII веке написал целиком младший современник Амоса — Исайя, а это собрание речений всей его школы. А школа его существовала несколько столетий, по-видимому, вплоть до IV века до нашей эры. Здесь присутствовал элемент анонимности. Но это исключение.

Нельзя сказать, что все основы, которые были заложены в Пятикнижии, в пророчествах интеллектуально истолкованы, осмыслены. Нет, это не толкование. «Так говорит Господь!» — возвещает пророк, то есть это его интуитивное, глубинное, мистическое продолжение того, что там было.

Пророк — это не мыслитель, который «вычисляет» истину, а это тот, через которого истина проходит как молния, и он сам становится носителем ее заряда. Я уже говорил вам, что здесь полностью отсутствует восточное, дальневосточное представление о растворении личности в Абсолюте.

Пророк всегда сохраняет себя, даже находясь перед лицом Божиим. Более того, он сохраняет какие-то собственные взгляды, привязанности и вкусы. И ему иногда совсем не по душе то, что он вынужден говорить. Но «Когда Бог повелевает — кто не станет пророчествовать?»

А. Мень. От рабства к свободе

Он говорит невольно, и в то же время — добровольно. Здесь некоторая тайна. Забегая вперед, скажу про пророка Исайю: когда он увидел видение Божье и услышал внутри себя голос Бога, спрашивающий: «Кто пойдет для нас?» —, он ответил: *Хинé аní* — «Вот я, пошли меня!» То есть, пророк готов участвовать в космическом, историческом деле Божьем.

Я прочту вам несколько строк из пророка Амоса, которые характеризуют его учение. Прежде всего, он ставит проблему религиозного призвания народа. Религиозное призвание, говорит он, это не привилегия, это не повод для превозношения. «Только вас признал Я из всех племен земли...» Буквально там сказано *йадá* — «познал», то есть приблизил для какой-то особой цели. И далее: «Потому и взыщу с вас за все беззакония ваши» (3.2). То есть призвание оказывается источником огромной ответственности.

Люди из уст в уста передавали слова о «светлом будущем» — тогда оно называлось «день Господень». День Господень — день победы и торжества! Но понимали это всегда достаточно тривиально: как победу над врагами. А Амос говорит:

Горе желающим дня Господня.
Для чего вам этот день Господень?
он тьма, а не свет.

(5.18)

Пророки. Проретизм

Почему тьма? Потому что встреча греховного общества — в данном случае греховной Церкви — с Богом правды — это не встреча господина с толпой, которой он покровительствует. А Бог приходит как Судья, и Судья неллицеприятный. Поэтому эта встреча будет как грозовой раскат, как разряд молнии. А люди думают, что национальными, традиционными, художественными, эстетическими вещами можно затуманить очи Божьи.

Можно устраивать праздники, можно приносить жертвы, можно кадить ладаном, можно украшать храм, можно вспоминать о былых деяниях предков и так далее, и продолжать жить так, как тебе хочется, жить не по Божьему закону, а по волчьему.

Поэтому Бог говорит им:

Ненавижу, отвергаю праздники ваши!..

Не вдыхаю жертв во время торжественных собраний ваших...

Это такой натуралистический оборот, потому что считалось, что аромат ладана поднимается к Богу.

Если вознесете Мне всесожжение
и хлебные дары,

(хлеб раскладывали перед алтарем)

Я не приму их.

И не воззрю на благодарственную жертву
из тучных тельцов ваших!

А. Мень. От рабства к свободе

Удали от Меня шум песней твоих,
ибо звуков гуслей твоих
Я не буду слушать!..

(5.21-23)

Почему так? Ведь это народное, прекрасное, традиционное, благочестивое. Почему же Бог отворачивается от этого? Это неслыханно, этого никогда не было в истории религии. Более того, примитивные люди думали, что Бога таким образом можно и задобрить: поставить Ему большую свечу, выражаясь на нашем языке, — и все будет в порядке: сквитались.

Пусть, как вода,
(которой поливали перед алтарем)
течет суд,
(то есть правосудие; буквально это означает справедливость)
и правда — как сильный поток!

(5. 24)

Обращаю внимание ваше на литературную сторону. Вот типичный пример поэтических симметрий. Я уже вам об этом говорил, еще раз напоминаю. Библейская поэзия строится не на ритме, обычном для нас, и не на рифме, а на варьировании одной и той же мысли дважды в разных вариантах.

Пророки. Пророчество

«Пусть, как вода, течет суд, и правда — как сильный поток». Это одно и то же, образы повторяются.

И дальше Амос говорит странные для людей слова — для тех, кто считал, что Моисей заповедал очень много всяких обрядов; до сих пор очень многие люди, израильтяне и иудеи, верят в это. Он спрашивает:

Приносили ли вы Мне жертвы
и хлебные дары
в пустыне в течение сорока лет,
дом Израилев?

(5. 25)

Оказывается, нужно иное: совсем не так уж важны эти дары — и какие в пустыне могут быть хлебные дары, когда никто там не сеял и не жал?

Он обращается к богатым людям. Богатые люди всегда считались любимцами богов. И это естественно — потому что к ним шла удача. А оказывается, согласно откровению Божию, это не так.

Вы постройте дома из тесаных камней,
а жить там не будете.
Разведете прекрасные виноградники,
а вино из них не будете пить.

(5.11)

Это опять симметрия, но антитетическая: постройте — но не будете пользоваться.

А. Мень. От рабства к свободе

Ибо Я знаю, как многочисленны
преступления ваши
и как тяжки грехи ваши:
вы враги правого, берете взятки,
и извращаете в суде дела бедных!
Поэтому разумный безмолвствует
в это время,
ибо злое это время.

(5.12-13)

Смотрите, когда это было сказано: «разумный безмолвствует в это время, ибо это злое время».

За восемь веков до нашей эры люди уже учились политическому безмолвию, когда надо было держать язык за зубами.

Дальше призыв:

Ищите добра, а не зла,
чтобы вам остаться в живых...
Восстановите у ворот правосудие;
может быть, Господь Бог Саваоф
помилует остаток Иосифов.

(5. 14-15)

Почему «у ворот» правосудие? Потому что у ворот храма находилось место, где совершались все тяжбы, разбирались все дела, то есть это было место, где правовое общество делало первые шаги.

Еще один очень важный момент. Бедняк — это не просто несчастный человек, а это тот, кого Бог

Пророки. Проретизм

возлюбил за его страдания; под бедняком здесь имеется в виду не просто нищий, но страдающий. Поэтому их угнетатели являются преступниками.

Слушайте, алчущие поглотить бедных
и погубить нищих!..

Вы, которые покупаете неимущих за серебро,
бедных за пару обуви.

(8. 4, 6)

Здесь уже ясно, что Бог выступает защитником оскорбленных, униженных и обиженных. Это то, о чем мы с вами говорили раньше: борьба за социальную справедливость, если не верить в высшие истоки этики, — бессмысленна. Ибо с точки зрения биологической борьбы за существование торжествующий класс или сословие, или каста, или олигархическая шайка, хунта — она права. Но в Библии Бог выступает против этого. Он говорит, что это против Его воли. И раз это так, то рано или поздно все это здание рухнет. Поэтому Библия говорит: если не Господь создает дом, то напрасно трудятся строители его.

Однако у израильтян есть свой традиционный аргумент: как? неужели на нас обрушатся эти бедствия? Ведь Бог избрал нас и вывел из Египта — это повторяли все, повторяли дети каждую Пасху, и каждый день в молитве человек повторял слова: «Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, Господь один есть». Но это иллюзия, потому что

А. Мень. От рабства к свободе

только призвание имеет смысл, а призвание — это избрание. И Амос говорит так (точнее, говорит Бог через Амоса):

Не таковы ли, как сыны Ефиоплян,
и вы для Меня,
сыны Израиля? говорит Господь.
Не Я ли вывел Израиля из земли
Египетской,
и Филилистимлян — из Кафтора,
и Арамлян — из Кира?

(9. 7)

Кафтора — значит с Крита, а арамлян из Кира, то есть с востока. Оказывается, даже то священное событие, которое наложило неизгладимую печать на всю религию Ветхого Завета, даже такое событие, как Исход, не такое уж уникальное — и другие народы откуда-то пришли. Все люди перед лицом Божиим одинаковы, только имеют разное призвание. Если призвание не выполняется, то приходит горькая расплата.

Амос — суровый проповедник суда. Так же как его продолжатели, он не льстил народу. Вот почему мы можем считать Амоса, Исайю, Иеремию величайшими патриотами, ибо они хотели правды, она была для них превыше всего, поэтому они были так беспощадны и так безжалостны. А в душе, быть может, у них было другое. Есть здесь в книге такой момент, когда Амос вдруг восклицает:

Пророки. Проретизм

Господи Боже! пощади!
Как устоит Иаков?

(Иаков значит — израильская Церковь)

Он очень мал.
И пожалел Господь о том;
«Не будет сего», — сказал Господь.

(7. 2)

То есть Он не истребит его. Происходит даже некоторый диалог, и есть некий рефрен: «Как он мал» (ср. 7. 2 и 7. 5). Амос видит, что если совершится возмездие, то ничего не останется.

Теперь я кратко суммирую некоторые тезисы пророков.

Первое: *история имеет начало, течение и цель*. Мир историчен по своей природе.

Второе: Бог проявляет Себя в исторических процессах не менее, чем в природе, а даже более.

Третье: Бог дает человеку свободу выбора, но если человек изменяет своему призванию, зло падает на него самого.

Обряд, традиция, народность — если не сопровождаются *нравственным* ростом, то все это — ничто перед лицом Божиим.

Суть религии — это отношение человека к Вечному! И никакие внешние формы, если они не наполнены духом, не могут заменить бездушные.

Главное служение Богу — это человечность, человеческая правда в отношениях, приверженность

А. Мень. От рабства к свободе

высшему закону. И надо сказать, что это прозвучало в то время, когда религиозные концепции были обременены, даже у высокодуховных учителей, какими были авторы Упанишад, бесчисленными обрядами, табу, церемониями. Они, как тяжелые камни, погребали иногда под собой высокие духовные прозрения и нравственные учения (как это было, например, с египетской «Книгой Мертвых»).

Суд Божий, о котором говорит и христианский Символ веры, отныне становится неотъемлемой частью библейского сознания. И это не юридический человеческий суд, и это не возмездие типа мести, а это торжество правды. Это столкновение нашего несовершенства с Божественным совершенством.

Надо сказать, что проповедь Амоса, очевидно, произвела огромное, тяжелое впечатление на людей, потому что он говорил о дне Господнем как о дне расплаты; он говорил, что движутся какие-то силы, идет далекий народ, который все сметет с лица земли. Это были ассирийцы. Ассирийская военная империя все ближе и ближе приближалась к границам Израиля, и постепенно ее контроль над древним миром становился все более ощутимым.

Но если Амоса можно называть основателем пророчества, первым пророком-писателем, то вторым был его современник, уроженец Северного царства, который жил в Самарии. Имя его Осия, или Осиус — это греческая транскрипция еврейс-

Пророки. Проретизм

кого имени *Хошеа*; слово это обозначает «спасение Господне».

Осия не был вольным крестьянином или пастухом, а был, по-видимому, священником. На его жизнь наложилась тяжелая трагедия, которую он изображает в виде символического действия. До сих пор биографы не могут понять, о чем там идет речь. Одни, например, немецкий историк Карл Корниль*, считают, что он был женат на женщине, которую очень любил, но которая его не понимала и постоянно ему изменяла. В конце концов он ее простил и принял, хотя в те времена закон и обычаи были значительно более суровы, чем в наши дни.

Другие считают, что он намеренно женился на блуднице. Вероятно, второе ближе к истине, хотя и первое не исключается.

Для того чтобы вы поняли, что сделал Осия, я должен подчеркнуть одну деталь: пророки часто прибегали к символическим действиям. То есть, выходя к народу, — а ведь это были простые люди, которые должны были запомнить сказанное им, — они изображали некие пантомимы. Не просто писали передовицу в газету, а что-то изображали перед людьми. Таким образом достигалось эмоциональное воздействие.

В прошлый раз с кем-то из слушателей мы дискутировали на тему о том, были ли пророки юродивыми. Например, когда пророк Исайя пытался при-

*Корниль Карл (1854—1920), немецкий протестантский библиист.

А. Мень. От рабства к свободе

остановить бессмысленную войну, он вышел на улицу обнаженный, с веревкой на шее и в цепях — как водили военнопленных — и ходил по улицам! Почтенный человек, царедворец, и в таком виде. И вся толпа бежала за ним. Все понимали, что если Исайя-пророк, приближенный царя, вот так ходит, молча, значит, это символическое действо, и оно действовало на сознание людей. Если пророк Осия женился на профессиональной женщине-блуднице — это было также символическим актом. Почему?

С древности религиозный завет отождествлялся с брачным заветом, с союзом сердец. Бог не подавляет, а любит человека. Поэтому община верующих людей соединяется с Ним в радостный союз любви — в брачный союз. Но когда люди начинают творить зло, топтать завет, — они изменяют Богу. Они оплевывают Его любовь.

И пророк демонстративно берет себе в жены женщину, которую бы ни один порядочный, уважающий себя человек в той среде не взял бы! Она уходит, потом она возвращается в самом несчастном виде, — и он ее принимает, прощает. Вся эта семейная, личная драма, в которую мы не можем до конца проникнуть, должна была встряхнуть людей и показать им, что они находятся не просто перед лицом *карающего* Бога, а перед лицом священной Божественной любви, которую они оскорбляют своими грехами. Что такое грех? Это не просто нарушение некоего священного «уголовного кодекса», а оскорбление Божественной любви.

*Пророк Осія. Миниатюра из «Толкований на книги пророков».
Конец X — начало XI века. Турин. Национальная библиотека*

Хотя пророк Осія и говорит о суде, но верит, что люди покаются. И Бог представлен у него в виде страдающего. Поразительная вещь!.. Он говорит:

Как виноград в пустыне,
Я нашел Израиля.
Как первую ягоду на смоковнице,
в первое время ее,
увидел Я отцов ваших.
Но они пошли к Баал-Пеору,
и предались постыдному.

(9. 10)

А. Мень. От рабства к свободе

То есть отреклись от Него... (*Баал-Пеор* – это идол; в синодальном переводе – Ваал-Фегор). Когда народ был юн, говорит Бог, Я поставил его на ноги, Я заботился о нем, Я все ему отдал, а он отвернулся от Меня.

Что сделаю тебе, Эфраим?

Что сделаю тебе, Иуда?

(Он говорит о Севере и Юге)

Благочестие ваше как утренний туман,
как роса, скоро исчезающая.

(То есть нечто совершенно пустое...)

(6. 4)

Пророк обращается к разным сословиям: и к власти имущим, и к духовенству, и к крестьянам, и горожанам:

Слушайте слово Господне, сыны Израилевы,
ибо суд у Господа с жителями этой земли.

Потому что нет ни истины, ни милосердия,
ни Богопознания на земле.

Клятва и обман, убийство и воровство,
прелюбодейство крайне
распространились,
кровапролитие следует за кровапролитием.

За то восплачет земля сия
и изнемогут все живущие на ней.

(4. 1-3)

Пророки. Пророчество

Бог говорит великие слова:

Я милости хочу,
а не жертвы.
И Боговедения более,
нежели всесождений

(6. 6)

Потом слова эти повторит Иисус Христос — как великий завет древности, завет Божий*. Бог хочет милосердия, а не жертвоприношения.

Но вы должны понять меня правильно: жертвоприношения не отменяются, это символ, который имеет свое значение, но милосердие — прежде всего! И если бы это было заложено в человека, не нужен был бы никакой закон. Но люди оторваны от Бога, поэтому их природа искажена.

Зоопсихологи знают, что в животное заложен некий механизм (об этом часто пишут, например, Конрад Лоренц), который ему мешает в смертельной схватке убивать представителя своего вида. Вы знаете пословицу «Ворон ворону глаз не выклюет»? Это правильная пословица. Известно из психологии птиц, воронов, что когда вороны дерутся, они свои мощные загнутые клювы держат в стороне, чтобы не попасть в глаз. Так что эта пословица вполне реалистичная. А человек — падшее существо. Он-то как раз и выклюет глаз ближнему.

* См.: Мф 9. 13.

А. Мень. От рабства к свободе

Почему человеку нужны заповеди? Потому что для него *этика не является чем-то врожденным, естественным* — об этом учат нас пророки, — а ее нужно взращивать, воспитывать. Нам не надо воспитывать в себе способность ходить на двух ногах — мы это делаем без заповеди.

Вы все помните книжку Герберта Уэллса «Остров доктора Моро». Существ, которых гениальный хирург делал из животных, все время тянуло лакать воду языком, бегать на четвереньках, пить кровь. И они создали себе некий закон, подобный этическому: не ходить на четвереньках, не лакать воду языком и прочее. Для нормального человека таких законов придумывать не надо. А вот настоящей этики в нас нет.

Когда сейчас в прессе употребляют неплохое, но ничего не значащее слово «общечеловеческие ценности», мы все-таки должны твердо знать, что все это дано человеку, но нет в нас механизмов, которые бы автоматически, от природы, действовали бы в нас и делали нас добрыми. Это заблуждение XVIII века, которое дорого обошлось веку XX-му.

В отличие от сурового Амоса, говорившего о жажде, которую будет испытывать человек, лишившись слова Божьего, Осия, сердце которого было способно прощать, верит в Божественное прощение. Его пророчество напоминает нам от том, что Бог по природе Своей есть Любовь:

Пророки. Проретизм

Как поступлю с тобою, Ефрем?
Как предам тебя, Израиль?..
Повернулось во мне сердце Мое,
возгорелась вся жалость Моя!
Не сделаю по ярости гнева Моего,
не истреблю Ефрема;
ибо Я Бог, а не человек.

(11. 8-9)

Грешники не будут отвергнуты — милующая любовь Божия будет свободно изливаться на них, если они раскаются и скажут:

Пойдем и возвратимся к Господу,
ибо Он уязвил — и Он исцелит нас.

(6. 1).

Итак, с одной стороны, суд, с другой стороны, прощение. И в обоих случаях у основателей проретического движения мы находим главную мысль о служении человека Вечности через развитие в нем добрых начал.

Но как все это будет происходить в истории? Это стало предметом откровения, размышления, творчества третьего великого пророка VIII века, пророка Исайи, о котором я буду говорить в следующем раз, потому что он заслуживает совершенно особенного рассмотрения.

Пророк Исайя наиболее часто цитируется в Новом Завете; филологи, литературные критики

А. Мень. От рабства к свободе

подчеркивают, что это классик библейской литературы, величайший поэт, величайший общественный, политический деятель. Это он был прототипом Пушкинского «Пророка»; он первый заговорил о грядущем Спасителе-Помазаннике, Царе — Мессии-Христе. Поэтому главнейшие пророчества о явлении Иисуса Назарянина мы находим в Книге пророка Исайи, и к ней мы обратимся в следующий раз.

4 апреля 1990 года

Книги Исайи, Софонии, Наума, Аввакума, Иеремии

Сегодня мы будем говорить об одном из величайших пророков древности, о пророке Исае. Вся его жизнь связана с Иерусалимом, в котором он родился в 765 году и уже в молодые годы был призван Господом на служение.

В это время маленькая Иудея, которой правил царь Ахаз, отказалась объединяться с Сирией и Ефремом против господства Ассирии. В ответ на это войска Сирии и Ефрема двинулись на Иерусалим. И вот тогда на пути у царя встал Исая. Он сказал: «Город — священен. Бог задумал о нем нечто вечное. Он будет неприкосновенным. Но только ты должен в это верить. Если ты уверуешь — ты устоишь». Ахаз отверг предложение пророка просить у Бога знак. И тогда пророк сказал: «Сам Господь даст знамение: молодая женщина примет во чреве, родит сына и дадут имя ему Эммануил», — то есть «С нами Бог». *Им-ану-Эль* — С нами Бог. *Им* — «с»; *ану* — «нами»; *Эль* — «Бог»*.

* См.: Ис 7.14 — первое мессианское пророчество пророка Исайи.

А. Мень. От рабства к свободе

В те времена было принято называть детей самыми причудливыми именами, но именно в знак чего-то. И своим сыновьям тоже Исайя дал символические имена. Итак, должен родиться некий младенец, который символизирует милость Божию над святым городом. И поэтому имя его будет *Эммануил* — «С нами Бог».

В III — II веках до нашей эры, когда библейские тексты переводили на греческий язык, переводчик в пророчестве об Эммануиле по непонятной причине заменил слово *алма́*, которое по-русски означает «юница», «молодица», то есть молодая женщина, на слово *партéнос* — «дева». Получился такой абсурдный, с точки зрения здравого смысла, текст: «Дева родит сына».

Над этим много бились комментаторы. Одни считают, что это просто ошибка переводчика, другие видят в этом боговдохновенное пророчество переводчика. А третьи, особенно французская школа экзегетов, считают, что до нашей эры у учителей существовала длительная традиция, которая имела в виду рождение *чудесного* младенца.

В Ветхом Завете, как и в Новом, всякое рождение было чудом. Очень часто рождение великих людей совершалось при обстоятельствах необыкновенных: рождается Самсон, родители которого долгое время были бездетны; рождается Исаак у Авраама и Сарры — они тоже были бездетны. Согласно апокрифическому Евангелию от Иакова, Дева Мария родилась у бездетных родителей. Этим как бы

подчеркивается таинственная власть Промысла над жизнью человека. И толкователи думали, что здесь тоже должна присутствовать какая-то тайна.

Так или иначе, перед нами неоспоримый факт: греческий переводчик написал слово *партенос* — дева. И когда евангелист Матфей составлял свое Евангелие, когда он писал о рождении Христа, он привел слова Исаяи об Эммануиле, прибавив: «Это свершилось. Да сбудется реченное через пророка Исаяю: се, Дева во чреве приимет, и родит Сына». Дева родит — это значит будет какое-то особое воздействие Духа Божия.

Надо сказать, что, несмотря на законы, которые постоянно действуют в мире, в какие-то узловые моменты истории и развития мироздания проявляется таинственная, исключительная творческая сила Божья. В частности, это касается создания жизни и создания человека.

Возникновение жизни есть чудо. За миллиарды лет существования Земли она не появлялась. Не появляется и теперь. Только в Средние века думали, что жизнь может зарождаться в грязи: теория самозарождения, аутогенезис. Но с этим было покончено в прошлом столетии. Французская академия наук решила этот вопрос, объявив премию тому ученому, кто докажет либо возможность аутогенезиса, либо его невозможность.

И еще молодой тогда Луи Пастер провел гениально простой опыт и доказал, что самозарождения жизни не бывает. Причем не просто самозарожде-

А. Мень. От рабства к свободе

ния какой-то ткани, а клетки. Клетка — это вещь удивительно сложная. И современная цитология, то есть наука о клетке, вынуждена стоять на старом принципе цитологов, что *целлула*, клетка, происходит только от клетки, а не из какого-то хаотически существующего вещества.

*Гюстав Доре.
Пророк Исайя (Исайя 6:8-13)*

Итак, мы видим, как в узловые моменты истории совершаются удивительные вторжения Творца в ткань мироздания. Видимо, пророк имел в виду какое-то особое Божественное воздействие: пока этот ребенок вырастет, хотя бы немного начнет понимать, отличать добро от зла, — враги будут повержены, уйдут от стен города. И в самом деле, все произошло быстро. Пророчество Исайи о том, что город будет спасен, исполнилось. Ассирийцы вторглись в Сирию, и войска ефремо-сирийской коалиции должны были отступить, чтобы сохранить хотя бы собственную территорию.

А потом Исайя начал длительную, плодотворную работу по преобразованию общества. Он стал наставником и духовным руководителем нового царя Иерусалима — Езекии (*Хизкияху*). Это был человек разумный, набожный, смелый. Он очень высоко ценил Исайю. И при нем произошла грандиозная реформа культа. Все следы язычества старались удалить из Храма. Даже медный змей, который хранился, по преданию, со времен Моисея и был предметом народного почитания, был выброшен и уничтожен, чтобы не давать людям повода для языческого соблазна.

Исайя первый заговорил о том, что в будущем наступит новая великая эра. Вот одна из его проповедей:

В тот День утвердится —

(«День» — это некая великая эпоха, эра)

А. Мень. От рабства к свободе

гора Дома Господня во главе гор,
возвысится над холмами,
и соберутся к ней все племена,
и придут народы многие и скажут:
пойдемте поднимемся на гору Господню
к дому Бога Иаковлева,
и Он научит нас путям Своим,
и пойдем мы по стезе Его*.

(2. 2-3)

Это пророчество либо абсолютно не исполнилось, либо исполнилось в Евангелии, потому что из святого города пришло Слово для всех народов, Оно преобразило историю и продолжает в ней действовать.

Ибо из Сиона выйдет учение,
и Слово Господне — из Иерусалима.
И Он будет судить между племенами
и говорить ко многим народам.
И они перекуют мечи свои на плуги
и копья свои на серпы.
И не поднимет меча народ на народ,
и не будут больше учиться воевать.

(2. 3-4)

Теперь вы уже знаете, откуда происходит это крылатое выражение «перекуют мечи на орала»; орала — это плуги.

* Стихи из пророков цитируются автором в собственном переводе.

Езекия не раз поддавался соблазну участвовать в военных походах и заговорах, которые плелись все время в Сирии, недовольной контролем ассирийских царей. Однажды, когда он все-таки отпал от ассирийского царя, немедленно явилась карательная экспедиция. И он, как мы знаем из документов ассирийской хроники, с большим трудом откупился.

Когда народ ждал, что вот-вот придут ассирийцы, Исаяя пытался использовать этот народный страх, чтобы люди покались. А тем временем события становились все более грозными. Самария, столица Северного царства, была осаждена ассирийцами и в 722 году до нашей эры пала. Все население было выселено на восток. Иерусалим остался один — столица маленького царства на юге, царства колена Иуды — Иудеи. И если бы он был раздавлен, мы больше бы ничего не имели, мы не имели бы самой Библии. И тогда пророк Исаяя выступил с мессианским предсказанием. Он говорил о том, что там, где царствует тирания, где сегодня наступают ассирийцы, будет явлено совсем другое царство. Вот его пророчество:

Народ, ходящий во тьме,
увидел великий свет,
живущим в кромешной тьме
свет воссиял...
Ибо иго, над ним тяготевшее,
ярмо на плечах его
и жезл угнетателя его

А. Мень. От рабства к свободе

Ты сокрушил, как в день Мадиама.
И всякий солдатский сапог
и в крови валявшийся плащ
сожжены будут, отданы в пищу огню.

(9. 2, 4-5)

Почему? Что случилось? Почему кончается
время торжества нечестия?

Ибо для нас рождено Дитя;
Сын нам дан;
владычество на плечах Его,
и нарицается имя Его:
Чудо-Советник, Бог-крепок,
Отец вечности, Властитель покоя.
Велика Его власть.
Его мир беспределен
на престоле Давида и над царством Его.
Утвердил Он его и упрочил
справедливостью и правдой —
ныне и вечно.
Это сделает ревность Господа Силы.

(9. 6-7)

Эти слова читаются Церковью всегда в день
Рождества Христова, потому что перед нами образ
некоего грядущего Царя: «Чудо-Советник» — Он
мудр. «Бог Крепкий» — Он действует не силой че-
ловеческой, а крепостью Божией. «Отец вечности»
(вечность в данном случае синоним Вселенной) —

Он Отец всей Вселенной, «Князь мира» — Властитель покоя, примирения.

И вот наступает новый кризис. К власти в Ассирии приходит жестокий завоеватель Сеннахирим (Синахериб). В Музее изобразительных искусств вы можете увидеть копии рельефов того времени. Сеннахирим разрушил Вавилон, который ему сопротивлялся. Сеннахирим подчинил всю Сирию. Он едва не раздавил Иерусалим. И вот по какой-то причине он вторично двигается на Иудею, и это происходит около 700 или 690 года. Город застывает в ужасе. Тогда пророк Исайя пытается ободрить царя. В его Книгу вкраплен фрагмент летописи, необычайно яркой, показывающий мастерство летописца.

Ассирийские солдаты вокруг стен. Начинают переговоры. Одни кричат сверху, другие отвечают снизу. Надменно говорит о Боге *рабшак*, ассирийский военачальник, начиная разговаривать с представителями осажденных: «Где боги тех народов, которые я покорил? Открой ворота и сдайся нашей власти». Он поносит не только Иерусалим, но и самого Бога... И когда он предлагает сдаться, иудеи сверху кричат ему: «Говори на другом языке, говори на арамейском, чтобы народ не слышал». Они боялись, что простой народ, который обычно меньше всего страдал во время капитуляции — в основном вырезали, казнили знать, — простой народ не выдержит всего этого и сам потребует, чтобы открыли ворота. Но тот продолжал кричать на иудейском наречии, чтобы все слышали. И тогда

А. Мень. От рабства к свободе

Исайя пошел к царю и сказал: «Это слова гордыни, но они ничего не означают. Бог сохранит город».

И царь пошел в Храм и положил письмо от ассирийцев перед жертвенником в знак того, что он не может больше ничего сделать. Тогда Исайя обращается против народа — это его знаменитая обличительная речь. Для него нашествие врага не просто случайное событие — оно глубоко связано с нравственным состоянием общества. Он постоянно его обличал. Будучи, как мы бы теперь сказали, патриотом, он вовсе не считал, что льстить народу — значит приносить стране пользу. И он говорит так:

Слушайте, небеса, и внимай, земля,
ибо Господь говорит:
Сыновей взрастил и воспитал Я,
а они восстали против Меня!
Вол знает хозяина своего,
и осел — ясли господина своего,
а Израиль не знает,
народ Мой не разумеет.
Горе племени грешному,
народу, обремененному беззакониями,
отродью злодеев,
сынам погибели!
Они оставили Господа,
оскорбили Святого Израилева,
отвернулись от Него.
Как вас бить еще,
упорных в своем исступлении?

Вся голова ваша в язвах,
сердце ваше лишилось силы!
От ног до головы
нет на вас здорового места:
язвы, рубцы, воспаленные раны,
не смягченные елеем!
Земля ваша опустошена,
города сожжены,
поля ваши на глазах ваших
поедают чужие!
Запустело все, как после разорения чужими.

(1, 2-7)

А люди говорили ему: «А разве мы не были благочестивыми? Разве мы не приносили Богу жертвы, обеты? Разве мы не посещали храмы и не возносили молитвы?» На это Исайя отвечает:

Слушайте слово Господне,
князя Содомские!

(«Содом» — символ падения)

Внемлите учению Бога нашего,
народ Гоморрский!
К чему Мне множество жертв ваших?
говорит Господь.
Я пресыщен сожженными баранами
и туком откормленных тельцов.
И крови быков и ягнят, и козлов Я не хочу.

А. Мень. От рабства к свободе

Когда вы приходите пред лицо Мое,
кто требует от вас этого?
Довольно топтать дворы Мои!
И не приносите больше ненужных даров! —
они для Меня отвратительное каждение!
Новомесячий, суббот и торжеств,
постов и праздников не выношу Я —
они Мне в тягость,
Мне тяжело терпеть их.
Когда вы простираете руки ваши,
Я отвращаю от вас Свой взор.
Сколько бы вы ни молились,
Я не слышу.
Ваши руки полны крови!
Омойте, очистите себя.
Удалите от глаз Моих
ваши злодеяния,
перестаньте делать зло,
научитесь творить добро;
ищите правды,
удерживайте насильников,
защищайте сироту,
вступайтесь за вдову.

(1. 10-17)

Конечно, часто повторяемые, эти слова действовали на сознание народа. И Исайя выдвинул учение о бичах Божиих: ассирийский тиран — это только бич Божий (как потом называли Аттилу), потому что он вразумляет, действуя в истории,

вразумляет отступивших. И если народ покается, то он будет спасен. И это произошло.

Если вы помните, у Байрона есть знаменитые стихи, которые начинаются словами: «Ассирийцы пришли, как на стадо волки». Это как раз касается истории осады Иерусалима. Внезапно Сennaхирим (или Синахириб) снимает осаду, кончается блокада, он стремительно возвращается к себе в Ниневию, и там вскоре погибает от руки заговорщиков.

Что случилось? В Библии говорится: посланник Божий прошел по рядам войска Сennaхиримова и погубил его. Геродот пишет: на ассирийцев напали мыши и перегрызли все их колчаны, все, что у них было. Согласно Иосифу Флавию, на ассирийцев напала смертельная язва. Существует гипотеза, что от скученности солдат вспыхнула эпидемия: мыши в древности были знаком эпидемии, потому что именно тогда начали догадываться, что они являются разносчиками заразы.

И раскопки показали, что под стенами Иерусалима и других мест, особенно под стенами Лахиса, где была особенная осада (это город в Иудее), находится огромное братское кладбище, где похоронены ассирийские солдаты, причем похоронены поспешно. Очевидно, это люди, погибшие во время эпидемии. Так или иначе, город на какой-то период был спасен.

Но Исайя к этому времени понял, на основании своего жизненного опыта, что великим царем духа, великим царем Божьей правды не будет ни

А. Мень. От рабства к свободе

один из реальных монархов. Он ведь жил при дворе, знал и понимал — каковы люди. Когда Он разочаровался и в своем воспитаннике Езекии, Он не оставил открывавшуюся ему истину о великом бессмертном Небесном Царе грядущем. Тогда (уже в начале VII века) он написал свое последнее, третье messiанское пророчество.

Оно начинается метафорой: древо дома Давида, то есть царского рода Давидова, через которое должен был прийти Мессия, срублено — срублено, потому что осталось крошечное государство вокруг Иерусалима, подчиненное власти ассирийцев. И он изображает его так: вот срубленное дерево, и вдруг из него появляется молодой росток; так явится этот Царь.

И вырастет ветвь из срубленного древа Иессеева,
и Побег — из корня его;
и Дух Господень почитет на Нем:
дух премудрости и разума,
дух разумения и силы,
дух познания и благочестия.
Он будет судить не по тому, что видит,
и будет решать не по слухам,
но Он будет судить слабых праведно,
дела бедняков земли решать по истине,
и палицей уст Своих победит землю,
дыханием Своим — злодея,
поясом Его будет справедливость.

(11. 1-5)

Сначала это кажется только какой-то социальной утопией: что-то на земле происходит в отношениях между людьми. Но завершается это пророчество эсхатологической картиной возвращения Эдема.

Как вы помните, Эдем — это тот чудесный сад, где не было вражды, куда человек пришел, чтобы быть в гармонии с природой. Но он был отнят у людей, потому что они сами себя поставили вне гармонии, восстав против Творца. А явившийся новый Царь должен вернуть людей к Отцу Небесному, от которого те отпали, и вместе с этим вернется и Эдем, вернется и благословенная гармония мира. Вот как это изображает Исайя:

Тогда волк будет жить рядом с ягненком,
барс ляжет рядом с козленком,
львенок и телец будут обитать вместе,
и дитя малое поведет их;
и корова будет с медведицей,
вместе лягут и их детеныши;
лев будет есть солому, как вол,
и младенец будет играть у гнезда гадюки,
и в нору аспида дитя вложит руку.
Не будут больше творить зла и бесчестия
на святой Горе Моей,
ибо земля наполнится познанием
Господним,
как море наполняется водою.

(11. 6-9)

А. Мень. От рабства к свободе

Познание — значит внутреннее постижение, любовь, слияние с Божественной благодатью. Благодать, *хэсед*, — значит «милость». Милость, величайшая милость, любовь Бесконечного к конечному.

Таким образом, Исайя становится провозвестником спасения. Бог представлен у него как святой. В его теологии одной из главных черт Бога является святость. Необходимо знать любому читающему Библию, что это означает. Слово «святость» на еврейском языке происходит от корня *кадбш* — «свя-

Юлиус Шнорр фон Каросфельд.
Поражение Сеннахирима по молитве Езекии (4 Царств 19:32-35)

той», значит «не такой, как все», обособленный, отделенный, непостижимый, иной, всецело иной, тем самым стоящий над миром зла, над царством зла. И вот эта святость должна проецироваться на нас. Тем самым мысль Исаяи соединяется с древней заповедью Моисеевой о том, что человек должен быть святым: «Будьте святы, — читаем мы в Книге Левит, — как и Господь ваш свят». Это значит, что те, кто хочет послужить Господу, должны, живя в мире, сердцем всецело принадлежать Ему, быть посвященными Богу.

После смерти Исаяи и его воспитанника Езекии начинается длительная языческая реакция. Последующие монархи расправляются с пророками и устанавливают двоеверие как закон. Пророческое слово на некоторое время замолкает. И лишь на исходе VII века появляются пророки: Софония, Наум, Аввакум. Кто были эти люди? Мы о них очень мало знаем.

Софония выступает в момент кризиса нечестивого режима. Он выступает с песней о «Дне гнева» — о возмездии. В каждом реквиеме есть латинский текст о «Дне гнева», «Дне суда»: «Deis irae, dies ilia...»

Есть такой фильм «День гнева» по очень хорошему рассказу одного советского фантаста*. «День гнева» надо понимать не в нашем смысле — это не гнев человеческий, а то, что мы условно называем «гневом Божиим», то есть это соприкосновение

* Речь идет о рассказе Севера Гансовского «День гнева».

А. Мень. От рабства к свободе

нечистого с чистым. Пример наглядный: когда раскаленная лава ползет с горы и вдруг низвергается в озеро или реку, происходит почти взрыв, вода вскипает в мгновение ока. Вот это и есть соприкосновение нашей ограниченности, нашей злобности, греховности, нашего несовершенства с Божественным огнем и с чистотой. Тогда происходит взрыв, и это и есть «*Deis irae, dies ilia*»...

Потом, около 612 года до нашей эры, появляется пророк Наум, *Нахум*. Книга пророка Наума небольшая, и она относится к локальному политическому событию, но очень важному уже для нашего времени. Ассирия терпит жестокое поражение. Мидийцы, персы, вавилоняне — все обрушиваются на нее; это очень ярко описано в книге советского востоковеда.

Книга пророка Наума — книга вечная, хотя Ассирия как военная держава уже давно не существует. Пророк хочет сказать, что зло, которое сеет насилие, — оно возвращается на насильников. Кровь рождает кровь. И мы с вами, дети XX столетия, убедились в этом с такой очевидностью, что если мы этого не поймем, то мы не заслуживаем того, чтобы быть причастными к историческим событиям. Под какими бы лозунгами и девизами ни шло насилие, оно всегда порождает еще худшую вражду.

В этот период, вероятно, были записаны предсмертные строки Исаяи (мы точно не можем сказать, когда это было) — строки, которые имеют огромное

значение. Потому что Исаяя провозглашает профетический универсализм почти как догмат. Ибо все народы приходят к Богу, и уже нет между ними стены и разделения. И Ассур (то есть Ассирия), и Египет так же служат Господу, как ветхозаветная Церковь. И это соединение язычника и политического врага у престола Божия — свидетельство великого откровения о том, что перед Богом все люди равны, как и все народы.

А пророк Аввакум в своей небольшой Книге ставит тяжкий вопрос о страдании невинного. Первый раз в Библии поднимается эта тема. Почему пророк Аввакум ее поставил? Дело в том, что с ослаблением Ассирии царства Израиля и Иудеи возродились, они объединились, и все шло в лучшем направлении. Именно тогда воцарился монарх по имени Иосия, *Йошияху*. Он нашел в Храме старый пергамент, на котором были записаны слова Моисеевы, запрещающие существование языческих алтарей. Царь разорвал на себе одежды в знак печали и приказал по всей стране уничтожить эти святилища; сам объехал все города (страна-то была маленькая) и начал интенсивную реформу, преобразование духовной жизни. И вдруг происходит катастрофа.

В 609 году до нашей эры, когда рушились последние оплоты бывшей Ассирийской империи, все соседние государства пытались принять участие в разгроме ассирийцев. В частности, туда двинул-

А. Мень. От рабства к свободе

ся халдейский князь Навуходоносор (Халдея была южной частью Месопотамии). Не желая усиления Вавилона, из Египта выступила армия фараона Нехо II. Фараон должен был идти через Палестину, и царь Иосия преградил ему путь. Под городом Мегиддо произошло сражение, в самом начале которого Иосия был смертельно ранен, увезен с поля и скончался.

Это был чудовищный удар. Потому что можно было еще понять гибель нечестивцев, но этот

*Юлиус Шнорр фон Каросфельд.
Царь Иосия внимает слову Господню (4 Царств 22:8-13)*

благочестивый царь умер в расцвете своей деятельности. Фараон Нехо не стал задерживаться, проследовал дальше к истокам Тигра и Евфрата; там он встретился с Навуходоносором, который, в конце концов, оказался сильнее.

Так вот, вопрос о страдании невинного — с юридической и с нравственной стороны беспокоил, мучил пророка Аввакума. Поэтому среди церковных песнопений всегда, в любой всенощной есть один гимн, посвященный Аввакуму. И, в частности, в пасхальном песнопении четвертая песнь начинается словами: «На Божественной стражи. Богоглаголивый Аввакум да станет с нами и покажет светоносна Ангела».

Что это за «Божественная стража»? Аввакум описывает, как он молился, поднявшись на башню. Башня — вероятно, какая-то часть храмовых сооружений. Он думает о том, что будет происходить в истории, вокруг, в мире; он смотрит в темное, звездное небо, а потом записывает свою молитву:

О, Господи! Доколе взываю я,
а Ты не слышишь?
Кричу Тебе про обиду,
а Ты не спасаешь?
Зачем Ты даешь мне видеть неправду
и смотреть на бедствия?
Грабеж и насилие предо мною,
царит вражда, возникает раздор.
Оттого потерял уже силу закон
и не совершается справедливость,

А. Мень. От рабства к свободе

и нечестивый побеждает праведного,
оттого извращается правосудие.

(1. 2-4)

Вместо утешения Бог говорит о новых бедствиях, которые грядут. Идут халдеи. Кончилась эра ассирийцев, египтян, халдеи идут, как господа окружающего мира. И эта картина поднимающейся новой империи приводит пророка в содрогание.

Господи, не Ты ли издревле
Бог мой? Святой мой!
Не дай погибнуть мне!
Ведь только для суда Ты попустил его.

(то есть халдеев)

Оплот мой! Для кары Ты поставил его.
Слишком чисты Твои очи,
Чтобы смотреть на злодейство!
Ты не можешь выносить вида нечестивого.
Как же Ты смотришь на злодеев
и молчишь,
Когда нечестивый пожирает праведного?

(1. 12-13)

И дается ответ таинственный, лапидарный, потом легший в основу очень многих духовных произведений Библии.

Вот, у надменного не устоит душа.
Праведный же верою своею жив будет!
(2.4)

На этих словах впоследствии апостол Павел строил все свое богословие. Вера есть смелый вы-

*Пророк Аввакум. Миниатюра из Нового Завета с Псалтирью.
XIV век. Государственный исторический музей*

А. Мень. От рабства к свободе

зов миру, в котором совершаются чудовищные преступления. Вера — это не слепота, а прорыв человека, который возвышается над миром насилия, беззакония и зла, который открывает иной духовный, нравственный миропорядок, светлый мир. «Праведный своей верой жив будет», то есть вера является жизнью духа, потому что она связывает человека с Вечным.

В заключение я хочу назвать имена еще двух пророков. Один из них Иеремия*. Ему приписывали «Плач Иеремии» и поэтому считали его «плачущим». И Виктор Михайлович Васнецов изобразил его на своей фреске в Киевском Владимирском соборе как оплакивающего свою судьбу и свой народ. Но Иеремия был не столько плачущим, сколько бичующим.

О жизни и личности его мы знаем больше всего. Он писал о своих внутренних переживаниях, о том, что творится у него в душе. И главная его трагедия заключалась в глубочайшем противоречии между тем, чего хотел он, и тем, что ему велел Бог.

Бог велел ему обличать царя, народ и повелеть им прекратить военные действия. А Иеремия выглядел в глазах соотечественников как коллаборант,

* Второй пророк, о котором отец Александр собирался рассказывать, был, несомненно, великий пророк-мистик Иезекииль, который проповедовал своему народу в вавилонском изгнании. К сожалению, эта запись не сохранилась.

капитулянт, «враг народа». Его неоднократно ставили в колодки перед воротами города; его бросали в яму, где он едва не погиб. И когда уже царь, не послушав его, выступил на войну против Навуходоносора (это была, естественно, безумная война), Иеремия писал, проповедовал, говорил! Но ничего, кроме ареста, он не дождался.

Царь, понимая, что дело кончится трагической развязкой, ночью приходит к нему в тюрьму и спрашивает: «Что будет дальше? У тебя есть слово от Бога?» Иеремия: «Есть! Есть! Если ты сейчас не прекратишь — конец твоему роду и городу». Но царь уже был в руках военной партии и не мог изменить ход событий.

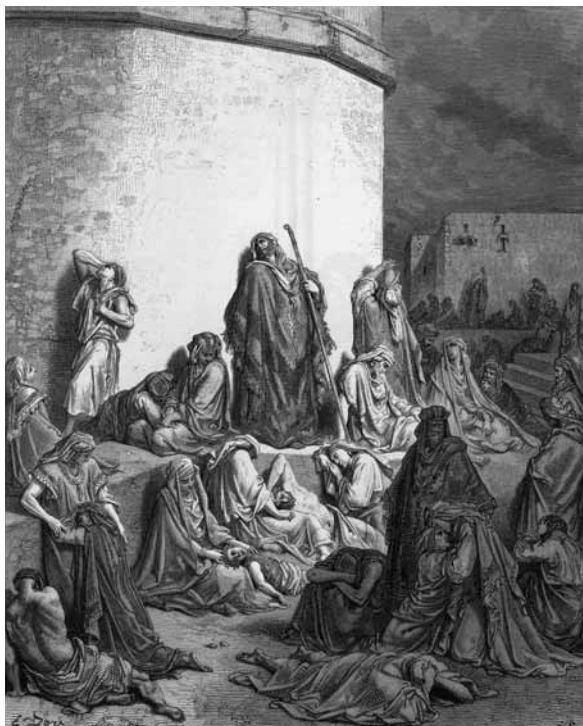
В 597 году войска Навуходоносора сумели пробить брешь в стенах Иерусалима. Царь вместе с семьей и приближенными выскользнул через эту брешь и пытался бежать на запад через Иордан, но вавилонские воины его настигли; он предстал перед Навуходоносором как изменивший ему вассал. На его глазах убили его детей, а его самого ослепили и отправили в Вавилон как военнопленного.

И тут для Иеремии наступил самый чудовищный момент его жизни, самый позорный, самый страшный — вавилонский комендант города вывел его из темницы. Им было хорошо известно — разведка ведь работала не только в XX веке, но и в VII веке до нашей эры, — им было известно, что это Иеремия, авторитетный пророк Иерусалимского Храма, постоянно требовал прекращения сопротивления. И вот враги

А. Мень. От рабства к свободе

выводят его из тюрьмы, освобождают и предоставляют ему возможность идти, куда он хочет. Таким образом, как бы подтверждалось его предательство.

Конечно, он хотел уйти к себе в деревню; он был родом из деревни Анатот под Иерусалимом.

*Гюстав Доре.
Плач о Иерусалиме (Иеремия 39:1-9)*

Оттуда двадцатипятилетним юношей Бог призвал его, и как он ни сопротивлялся, как он ни отказывался, но он не мог не выполнить Божественного посланничества. Но в тот момент он вдруг понял, что, может быть, ему лучше остаться в городе. Своим здравым смыслом он мог поддержать оставшихся людей, потому что хотя царь был низложен, но Навуходоносор еще не собирался полностью уничтожить город и страну.

В городе был поставлен наместник, и Иеремия сделался его советником, но ненадолго. Прошло несколько лет, мятежные партизаны напали на наместника и убили его. Навуходоносор отправил карательный отряд в Иерусалим, и повинные в этом мятеже люди бежали (это были в основном солдаты) с семьями, с женами, детьми — они бежали в Египет. Они и увели с собой Иеремию, чтобы он разделил их судьбу.

Всю жизнь он говорил о примирении людей. Всю жизнь его не слушали...

[Обрыв записи]

11 апреля 1990 года

Учительные книги

Сегодня мы с вами переходим к третьему разделу Ветхого Завета, который по традиции называется *Ктувím*, или *Кетувим*, что в переводе с древнееврейского языка означает «Писание» — по-гречески *графе*. В русско-славянской традиции этот раздел принято называть «Учительными» или «Дидактическими» книгами. Греческий термин *Агиог-рафы* означает «Священные Писания».

Один исследователь как-то заметил, что когда от книг пророков, с их потрясающим пафосом, с их бурными событиями, напряженной поэтикой, с включенностью авторов в такую очень непростую и драматичную историю своего времени переходим к Учительным книгам, мы как будто бы падаем с неба на землю. Но это лишь поверхностное впечатление.

Действительно, авторы Учительных книг исходят не из особенного, мистического опыта пророков, которые созерцали Вечного лицом к лицу. Они исходят не из идеи Священной истории, которой пронизаны Исторические книги. В их книгах нет высших апокалипсических повелений Божьих, как в Декалоге, как в Десяти заповедях. В Десяти заповедях сказано: «Я твой Бог» — и это говорит Бог.

А. Мень. От рабства к свободе

В Учительных книгах вы почти никогда не услышите голоса самого Бога. Это голос обычного человека. Нередко это опыт среднего человека, того, кого принято называть *middle man*. Но почему же составители священного канона присоединили к нему этот третий сборник, в котором нет идеи Священной истории и мессианизма, идеи вторжения Бога в историю и призвания народа Божия, идеи ветхозаветной Церкви?

Надо сказать, что значительная часть Учительных книг написана как бы в безвоздушном пространстве, то есть крайне трудно определить, когда они были созданы, при каких обстоятельствах и кто их писал. Например, пророк Амос, основоположник библейского пророчества, жил в совершенно определенное время, в VIII веке, и мы знаем, что в это время происходило в Греции (это была эпоха колонизации и Гесиода), что происходило в Вавилоне, Ассирии, в Египте. Учительные книги почти не содержат никаких исторических аллюзий. Их очень мало. Они лишь говорят о жизни, о том, как она протекает — в сущности, всегда и везде. Вот почему создается впечатление, что мы падаем с неба на землю.

Какие книги входят в этот сборник? Это Песнь Песней, Книга Экклезиаста, Книга Премудрости Соломона, Книга Притчей Соломоновых, Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, и Книга Иоанна. В этот же раздел включили Псалтирь и Книгу Эсфири. Но это включение механическое, просто

А. Мень. От рабства к свободе

для удобства. На самом деле Псалтирь — совершенно особый, отдельный цикл библейской поэзии, который суммирует, синтезирует все содержание Библии. Там есть темы, связанные с Законом — с Пятикнижием, темы, связанные с историей, и темы Учительных книг. Поэтому одну беседу мы специально посвятим Псалтири как историческому, литературному и религиозному феномену.

Учительным книгам повезло, потому что у нас их неоднократно переводили. После традиционного синодального появилась Книга Иова в переводе Аверинцева; Песнь Песней и Экклезиаст перевел Игорь Михайлович Дьяконов; Песнь Песней имеется и в переводе Эфроса.

Псалмы переводились многими русскими историками, поэтами и филологами. Часть псалмов перевел Михаил Никольский; я думаю, вы должны знать имя отца русской ассириологии. Он умер как раз когда началась Октябрьская революция. Был самоучкой (в смысле восточной филологии); закончил нашу Духовную академию. Это был замечательный человек. Он самостоятельно овладел чтением клинописи, переводил массу текстов, писал прекрасные исследования, и, в частности, ему принадлежит перевод псалмов.

Кто были авторы Учительных книг и когда они создавались? Я не буду углубляться в детали, но скажу вам, что те авторы, которые стоят в заголовке, — условные. В целом вся эта литература в науке называется «хохмическая литература», от еврейс-

кого слова *хохма́* — мудрость, или «софиологическая (софийная) литература», от греческого *софия*, что тоже означает мудрость. Некоторые ее просто называют — «Писания мудрецов».

Есть законодатели, пророки, историки, а здесь — мудрецы. Мудрецы — авторы, наиболее связанные с традицией Древнего Востока в целом. Большинство из них прекрасно знают поэзию и прозу Египта и Вавилона, космогонические и лирические поэмы Востока, к тому же они очень хорошо знакомы с этими странами. Скажем, книга Иова показывает, что автор ее бывал в Египте, он отлично описал африканских животных, например страуса, без всякой мифологии, четко, как будто его видел.

По мнению большинства ученых, корпус *Кетуви́м*, или «Учительных книг», сложился в V—IV веках до нашей эры, то есть после того, как иудеи вернулись из вавилонского изгнания, где они прожили около полусотни лет. Первый караван репатриантов вернулся в 538 году. Страна была разрушена; Иудея превратилась в крошечное княжество со столицей Иерусалимом; княжество называлось Егуд и подчинялось Иранской империи.

В это время исторические события заволакиваются туманом. Летописцы умалкают. Вернее, мы не находим никаких летописных свидетельств в Библии. И только по отдельным обрывкам, которые дают нам раскопки, мы что-то узнаем. Например, в конце прошлого века в Египте, на острове Элефантина были раскопаны поселения иудейско-

А. Мень. От рабства к свободе

го военного гарнизона. Иудеи служили в качестве наемников у фараонов, и там в V веке у них был даже, вопреки закону, свой храм и колония, которая потом была ликвидирована. Археологи нашли там папирусы с арамейскими надписями, которые позволяют нам немножко заглянуть в мир этих людей, — это деловая и частная переписка, документы, жалобы в администрацию. Существуют отдельные отрывки и намеки и из персидских источников.

*Юлиус Шнорр фон Каросфельд.
Возвращение из Вавилонского плена (Ездра 1: 1-5)*

Столь же скудные данные содержатся в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия. Вот почти все. Мы можем только догадываться, что творилось в этом маленьком мирке, который дал такие гениальные произведения, как Книги Иова и Экклезиаста. Какие духовные и, вероятно, политические кризисы должны были проноситься над древним Иерусалимом, чтобы оттуда исторгся такой голос! Возможно, однако, что некоторые части Учительных книг, их элементы, сложились еще до Вавилонского плена, до изгнания, и сохранили более спокойный, классический дух.

Писания мудрецов часто называют Соломоновыми. Вы должны были бы знать, изучая древнерусскую литературу, что в ней было немало книг, посвященных легендам Соломоновым: «Повесть о Соломоне и Китоврасе» (вы проходили по истории древнерусской литературы); были древнехристианские «Оды Соломоновы», были написанные перед Рождеством Христовым «Псалмы Соломоновы».

Книга «Премудрость Соломонова» (она есть в православных и в католических изданиях Библии, в протестантских ее нет) — это александрийское писание, очень утонченное, написанное в оригинале на чистом, совершенном греческом языке. Соломону же приписывается и Книга Экклезиаста, и Песнь Песней, и Книга Притчей. Но, я еще раз говорю, что эти названия условные. Соломон, будучи символом мудрости, стал как бы патроном

А. Мень. От рабства к свободе

целого клана мудрецов и нескольких поколений переписчиков. *Соферим* значит «писцы» — так назывался класс профессиональных, как бы мы теперь сказали, литераторов. Они были и переписчиками книг, и собирателями древней литературы, и создателями новой литературы — то есть они были писателями того времени.

Звеном, которое соединяет Учительные книги с допленным периодом, является Книга Притчей. Я, кажется, вам уже говорил, что Иисус Христос создал новый жанр притчей. Те короткие новеллы, которые мы встречаем в Его проповедях, — это особый Его прием. В Ветхом Завете слово «притча» означало иное: это был афоризм, обычно двустрочный, в котором одна строка или повторяла другую по смыслу, или была ей антитетична, или ее смысл шел по возрастающей и усиливал смысл первой строки.

Хотя в Библии эта книга называется Книгой Притчей Соломоновых, она состоит из ряда сборников, которые принадлежат различным лицам: это и мужи, книжники времен царя Езекии, современника пророка Исайи, и некий Лемуил, или *Лемуэл*, — непонятно кто это, личность не отождествлена — и афоризмы, действительно собранные Соломоном.

Все это — изречения житейской мудрости, довольно часто приземленные, хотя и не лишённые благородства. Они интересны потому, что внутри книги происходит возрастание идеи премудрости, или *софии*, потому что начинается с простого, с идеи, что премудрость — это умение управлять сво-

ей семьей, своим домом, своим характером, своим княжеством, своим царством. Премудрость — это еще и политическая мудрость: тактика и стратегия правления.

Но постепенно авторы ставят вопрос: а где же источник этой премудрости? И они начинают прозревать, что кроме семьи, государства есть Премудрость, которая охватывает структуру всей Вселенной.

Разумеется, у них не было тех знаний о сложности мироздания, какие есть у нас сегодня. Но они уже знали достаточно много, чтобы понять величие и сложность мира и чтобы задаться вопросом: какова же Премудрость, положенная в основу мира?

«Вся Премудростию сотворил еси» — в славянском переводе, или по-еврейски *бе-хохма* — «в Премудрости». Значит, на самом деле имеется в виду та Божественная Информация (с большой буквы), информация в современном смысле, та Разумность, о которой говорил Альберт Эйнштейн, когда утверждал, что его вера — преклонение перед бесконечным Разумом, который проявляется во Вселенной.

Все это уже было понято создателями Книги Притчей. И последний, тот, который завершил эту книгу, написал для нее пролог и целый ряд поэтических разделов, в которых Премудрость Божия становится уже таинственной ипостасью. Она становится неким голосом Вечности, который обращен к человеку. И там есть такие слова, что Премудрость (она ипостасируется, олицетворяется)

А. Мень. От рабства к свободе

создала себе дворец. Она его построила на семи столбах. Вспоминается стихотворение Владимира Соловьева: «У царицы моей есть высокий дворец, на семи он столбах золотых».

София, хохма, Божественная Премудрость... Она обращается к людям и зовет их, зовет их к себе. Вот как она себя провозглашает:

Когда Он уготовлял небеса
я [Премудрость] была там;
когда Он проводил круговую черту
по лицу бездны,
когда утверждал вершину облака,
когда укреплял источники бездны,
когда давал морю устав,
чтобы воды не преступали пределов его,
когда полагал основания земли:
тогда я была при Нем художницею,
и была радостью Его каждый день,
ликуя пред лицом Его во все время.

(8. 27-30)

Таким образом, мы видим здесь некую аналогию Божественного Логоса, Божественного Разума. Она предшествует миру. Разумность мироздания — она предшествует самому мирозданию.

Господь сотворил, создал меня
в начале путей Своих,
прежде творений Своих от века.

Искони я помазана

(то есть посвящена)

и от начала, прежде бытия земли.
Я родилась, когда еще не существовало
бездны,
когда не было источников,
обильных водою.
Я родилась прежде гор,
сооружена прежде холмов,
когда Он не создал ни земли, ни полей,
ни начальных пылинок вселенной!

(8. 22-26)

И еще автор говорит:

Господь премудростью основал землю,
утвердил небо разумом;
разуму Его разверзлись бездны,
и облака кропят росю.

(3. 19-20)

И здесь соединяется все: и человеческая мысль, и мысль, закодированная в мироздании. То есть, оказывается, есть глубокая связь между человеческой разумностью и Разумом мирового целого.

Где эта тайна? В чем она? И кто знает ее? Автор останавливается перед этой тайной с вопросом, который сегодня открыт и для философов, и для уче-

А. Мень. От рабства к свободе

ных. В чем смысл? В чем источник мироздания? Кто знает?

Бог — вот кто знает к ней путь,
и Он ведает место ее...
Когда Он ветру давал мощь
и полагал меру движенью вод,
и для дождя назначал устав,
и стезю для громоносных туч, —
вот тогда Он узрел, исчислил ее,
испытал ее и устроил ее, —
и сказал человеку так:
«Вот бояться Господа — это мудрость,
и удаляться от зла — разум».*

(Иов 28. 23, 25-28)

Тут маленькое примечание для слов «бояться Господа». В книге Притчей мы читаем «Начало премудрости — страх Господень»**. Но некоторые спрашивают: на чем же строится это космическое религиозное сознание — на страхе, на ужасе? На самом деле в Библии есть два слова, обозначающие слово «бояться». Одно — это страх чего-то неприятного, опасного (грома, молнии, болезни), а другое — боязнь-трепет. Это то, о чем писал знаменитый немецкий историк религии Рудольф Отто в своей классической книге «Священное».

* Перевод С. Аверинцева.

** Ср. Притч 1. 7.

Рудольф Отто (умер в 1937 году) показал, что человеку свойственна особая нерациональная эмоция, эмоция священного восторга, смешанного с ужасом перед тем, что превосходит его собственный уровень: перед Вселенной, перед Богом, перед вечностью. Начало мудрости — это трепет перед вечностью. Кто подходит без благоговения к вечности — никогда не почувствует ее величия. Он как бы закроет себя железной броней и будет сидеть внутри собственного изолированного кокона. Надо быть открытым к вечности, чтобы ее почувствовать. А без нее жизнь — это просто полет осенних листьев и более ничего.

Если говорить о гамме мыслей и чувств в Учительных книгах, то надо сказать, что она огромна: от ликования до отчаяния. Ликование — это Песнь Песней, отчаяние — Иов и Экклезиаст. Об Иове и Экклезиасте мы поговорим в следующий раз, а сейчас я остановлюсь на Песни Песней.

Книга эта называется *Шир ха-ширím*, что, если переводить буквально, означает «Лучшая из песен», «Самая прекрасная из песен». *Шир ха-ширим Шломо*, то есть — «Лучшая из песен Соломона». И по традиции считалось, что эту любовную песню написал сам Соломон. Но, очевидно, это не так. Потому что царь всегда фигурирует в ней в третьем лице, в контексте часто неприязненным или отчужденным.

Историки литературы, поэты очень много спорили, является ли она просто сборником отдельных

А. Мень. От рабства к свободе

маленьких поэм, как говорил Гербер, «блестящие жемчужины на одной нити», или это цельная драма? Французский филолог, историк Эрнест Ренан считал, что по всем признакам Песнь Песней — это драма.

Наверное, некоторые из вас читали повесть Куприна «Суламифь», написанную на эту тему. Это совершенный вымысел писателя. Там говорится о любви царя Соломона к девушке Суламифь, которая была погублена.

*Юлиус Шнорр фон Каросфельд.
Песнь Песней (Песнь Песней 2:1-6)*

Едва ли тут речь идет об этом. Прежде всего, о любви царя и девушки никакой речи там нет. Девушка ищет своего жениха, а ее жених — пастух — ищет ее в полях. И каким-то странным образом она попадает в гарем царя. Я думаю, что наиболее правдоподобны мнения тех, кто считает, что это слова девушки, насильственно уведенной в гарем.

Можно легко себе представить, что царь набирал себе для престижа огромный гарем — если он где-то видел хороших, красивых девушек, то приказывал их туда отвозить. И я думаю, что с точки зрения средней девушки это считалось большой удачей и большой честью, потому что она становилась, конечно, не царицей, но все-таки обитательницей дворца. Решались и материальные проблемы. И здесь, как мне кажется, речь идет именно о девушке, которая восстала против роскоши, против этого дворца, потому что любила другого человека.

В книге упоминается очень древний город Фирца, который был столицей Северного Израиля еще в X веке до нашей эры. Упоминание такого архаичного места показывает, что, по-видимому, основы текста очень древние. Но нам ведь важно не это, а важен смысл.

Я зачитаю вам несколько строк, и вы поймете, что далеко не восторг от пребывания в гареме запечатлен в этой книге... Девушка не хочет, она убегает, убегает ночью, но воины хватают ее по дороге, а ей всюду слышится голос любимого:

А. Мень. От рабства к свободе

Голос милого!
Вот он подходит,
Перебираясь по горам,
перебегая по холмам, —
Мой милый подобен газели
или юному оленю.
Вот стоит он
за нашей стеной,
Засматривает в окошки,
заглядывает за решетки.
Молвит милый мой мне, говорит мне:
«Встань, моя милая
моя прекрасная, выйди!
Ибо вот зима миновала,
Ливни кончились, удалились,
Расцветает земля цветами,
Время пения птиц наступило,
Голос горлицы в краю нашем слышен,
Наливает смоковница смоквы,
Виноградная лоза благоухает —
Встань, моя милая,
моя прекрасная, выйди!..
Дай увидеть лицо твое,
дай услышать твой голос...»*

(2. 8-14)

Она спит.

*Песнь Песней о. Александр цитирует в переводе
И. Дьяконова.

Я сплю, но сердце не спит...
Голос милого — он стучится:
«Отвори мне, моя милая, моя сестра,
моя нетронутая, моя голубка,
Голова моя полна росой,
и мои кудри — каплями ночи!»
Сняла я хитон —
не надевать же его снова!
Омыла я ноги —
не пачкать же их снова!
Мой милый руку
просунул в шелку —
От него моя утроба взыграла.
Встала милому отворить я,
а с рук моих капала мирра,
с пальцев — текучая мирра...

(5. 2-5)

Это любовь. Страсть — в хорошем смысле слова. Не платоническая отнюдь, не какая-то сентиментально-романтическая, а живая подлинная любовь двух существ, которые сохраняют удивительную чистоту при настоящей чувственной привязанности друг к другу!

Положи меня печатью на сердце,
Печатью на руку!
Ибо любовь, как смерть, сильна,
Ревность, как ад, тяжка;
Жаром жжет —
Божье пламя она —

А. Мень. От рабства к свободе

И не могут многие воды любовь погасить,
Не затопить ее рекам, —
Кто ценою своего достояния
станет любовь покупать,
тому заплатят презреньем.

(8. 6-7)

Значит, настоящую любовь нельзя купить. И звучат эти бессмертные слова: «Любовь, как смерть, сильна!»

Когда вам будут говорить, что Священное Писание бесплотное, что оно отрицает мир, любовь, красоту жизни, — то вспомните об этой книге. Литературно она построена как переключка хоров и солистов. В ней есть голос жениха, голос невесты, голос хора. Это девушки из гарема Соломона, девушки из окружения этой невесты. Она вовсе не Суламифь, а *шуламйт* — просто жительница местности, она шуламитянка. И она отнюдь не дитя гарема.

Я черна, но собой прекрасна,
девушки Иерусалима!
Как шатры Кедара,
как завесы Соломона, —
Не смотрите, что я смугловата,
что меня подглядело солнце, —
Мои братья на меня прогневались, —
виноградники стеречь мне велели, —
Свой же виноградник не устерегла я.

(1. 5-6)

И в это время раздается голос жениха:

Как прекрасна ты, милая,
Как ты прекрасна,
Твои очи — голубицы!

Невеста отвечает:

Как прекрасен ты, милый, и приятен,
И наше зелено ложе.

Жених:

Крыша дома нашего — кедры,
Его стены — кипарисы.

Невеста:

Я — нарцисс равнины,
Я — лилия долин!

Жених:

Как лилия между колючек —
моя милая между подруг!

(1. 15 – 2.2)

Только внимательное чтение помогает различать, где голос жениха и где голос невесты.

Любовь является величайшим даром Неба для человека, поэтому она должна была найти отражение в Библии. Ей должны были быть посвящены не только отдельные эпизоды, но особая книга. Я еще раз подчеркну, что огромная нравственная чистота этой книги соединяется в ней с глубоким и страстным, в хорошем смысле этого слова, чувством.

А. Мень. От рабства к свободе

И более того, потом, столкнувшись со средневековой литературой, вы, вероятно, найдете одну немножко странную на первый взгляд вещь: для средневекового комментатора эта книга о любви двух молодых существ является и книгой мистической, книгой о любви Бога к человеку. Какая же тут связь?

Дело в том, что Священное Писание так возносит человеческую любовь, что делает ее символом единства — высшего единства между Богом и человеком. Поэтому религиозный союз у пророков часто выступает под видом брачного союза. Вы помните, когда я вам рассказывал про пророка Осию, у которого была неверная жена и он страдал от ее неверности. Эту драму пророк связал с драмой народа, с драмой ветхозаветной Церкви, отпадающей от Бога, и со страданием Бога, которому изменяет человек!

Такова высота любви, которую Библия связывает здесь с этой тайной. Вот почему впоследствии апостол Павел скажет о том, что «будут двое одна плоть. Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и Церкви»*.

Вот почему сразу, почти без перехода, от отношений любящих средневековый автор переходит к отношениям Бога и человека. Таким образом, Песнь Песней была истолкована аллегорически. И великие поэты, такие, как испанский поэт и мистик Хуан де ла Крус или Бернар Клервосский, зна-

* Еф 5. 31-32.

менитый французский толкователь, или Григорий Нисский, греческий комментатор IV века, — кто бы ни писал о Песни Песней, они всегда прочитывали ее многослойное содержание и видели в земной человеческой любви образ любви вечной и Божественной.

Я начал с того, что говорил об обыкновенном человеческом опыте. Да, авторы этих книг исходят из обычных вещей: любовь и вражда; повседневный труд, богатство и бедность; проблемы жизни, проблемы старости и одиночества. То есть то, что мы с вами все так или иначе переживаем. Это исходная точка для авторов сборника *мегилóт* (*мегилá* означает «свиток») — так называется эта часть Библии.

И если Песнь Песней говорит о красоте мироздания, весенней природе и любви, то Книга Иова и Книга Экклезиаста говорят о трагичности человеческой жизни, о тени, которую отбрасывает мироздание, о том мрачном, что в нем есть. Иными словами, как Библия не закрывает глаза на прекрасное, на любовь, так не закрывает она глаза на то страшное, что есть в мире: страдание, несправедливость, смерть. Но к этим двум книгам, особенно известным благодаря новым переводам, мы обратимся в следующий раз.

18 апреля 1990 года

Книга Иова и Книга Экклезиаста

После сегодняшней встречи у нас останутся три лекции по Ветхому Завету. Конечно, я еще раз повторяю, что мне пришлось быть очень сжатым; на самом деле эта тема требует гораздо большего времени. Но и обзорный метод обладает своими преимуществами, потому что он дает представление о целом. Легче потом обращаться к деталям, когда имеешь общую картину. Когда вы отходите подальше от полотна, вы видите все в целом. Потом вы можете рассматривать отдельные детали и какие-то аспекты.

Но поскольку у нас осталось мало встреч, то я должен сказать, что если мы будем живы, то в будущем учебном году я хотел бы так же обзорно остановиться на Новом Завете. Может быть, постараться немножко более подробно рассказать, но немножко. Следующей у нас будет Псалтирь, которой мы закончим тему Учительных книг.

Сегодня я хотел бы остановиться на двух очень важных книгах третьего раздела Ветхого Завета — Учительных, Дидактических книгах, или так называемых Писаниях, — на текстах, о которых вы достаточно много слышали: это Книга Иова и Книга Экклезиаста.

Множество поэтов, художников, музыкантов пытались отобразить эти книги, и как музейщики вы должны знать, что и в русском искусстве к ним неоднократно обращались мастера живописи. Вспомните, кто из русских живописцев XIX века обращался к Книге Иова и Экклезиасту? Да, Репин! Репин Илья Ефимович. Он написал картину «Иов и его друзья». А в поэзии Книгу Иова перелагал Дмитрий Сергеевич Мережковский — писатель, поэт и критик, который до сего дня был зашифрованной, совершенно неизвестной фигурой, а сейчас его стали быстро и успешно издавать. Собственно говоря, он создал стихотворное переложение Иова.

Сегодня обе эти книги мы имеем в хороших современных переводах. Прежде всего, это перевод Книги Иова, выполненный Сергеем Сергеевичем Аверинцевым, и перевод Книги Экклезиаста, выполненный Игорем Михайловичем Дьяконовым, крупным ленинградским востоковедом, — вы, вероятно, о нем знаете, слышали или читали некоторые его книги.

О чем Книга Иова? Она о том же, о чем бурные строки романа Достоевского «Братья Карамазовы». Там даже есть такая глава, если вы помните, которая называется «Бунт». Бунт Ивана, бунт против Бога во имя справедливости.

Поразительно, что Достоевский, любивший Священное Писание, не дочитал Книгу Иова до конца и не заметил, что бесконечно дорогие ему темы составляют стержень этой книги, ее кровото-

чашую сердцевину. А он знал лишь только раму — традиционное обрамление книги, известное ему по церковным чтениям.

В «Братьях Карамазовых» слова церковного чтеца он вкладывает в уста старца Зосимы: «Бысть человек в земле Уц, имя ему Иов». (Великим постом в церкви всегда читается Книга Иова.) И Достоевский устами своего героя произносит не слова из Библии — это очень характерно, я хочу обратить на это ваше внимание, — а его герой говорит: «У меня была книжка “Сто историй из Священной Истории”»*... На самом деле эта книга называлась «Сто рассказов из Священной Истории». Я эту книжку сам видел. Это переложение библейских сюжетов, причем далеко не самое удачное. Вот это и запомнилось Достоевскому, а не само Священное Писание, поскольку оно было только что переведено.

В юности Достоевского Книга Иова читалась только по-славянски. Он с восхищением вспоминает переложение, сделанное, в сущности, для детей. В этом проглядывает трагическая черта истории нашей культуры.

* «К воспоминаниям же домашним причитаю и воспомина-
ния о священной истории, которую в доме родительском, хотя
и ребенком, я очень любопытствовал знать. Была у меня тогда
книга, священная история, с прекрасными картинками, под
названием: «Сто четыре священные истории Ветхого и Нового
завета», и по ней я и читать учился. И теперь она у меня здесь
на полке лежит, как драгоценную память сохраняю».
Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы, Кн. VI, ПСС, т. 14,
М., 1976, с. 264.

И Достоевский увидел в этой книге лишь терпение Иова, терпение, которое вошло в крылатые выражения, в поговорки: терпеливый, как Иов, Иов многострадальный. Но Достоевский так и не узнал, что Иов был, можно сказать, одним из его героев, и отнюдь не терпеливым, а самым бунтующим из всего Священного Писания. Пожалуй, что другой такой фигуры нет.

Создатель Книги Иова — это неведомый нам человек, священный писатель, имени которого мы не знаем, и эпохи, когда он жил, тоже не знаем; очевидно, это было около 400 года до нашей эры, то есть он писал примерно в те времена, когда Сократ учил в Афинах.

Как хорошо теперь известно, в древнем Вавилоне существовало немало произведений, которые объединяются общим условным названием «молитвы страдальцев», или «сетования несчастных». Сейчас переиздали книгу Самюэля Крамера «История начинается в Шумере». В ней уже есть переложение, перевод и комментарии к одному из древнейших текстов на эту тему.

Проблемы страдания человека, нравственные проблемы, проблема человека перед лицом Бога и вечности — это не XIX и не XVIII век, а это глубокая древность. Я всем рекомендую хотя бы пролистать книгу Клочкова «Духовная культура Вавилона» и книгу Вейнберга (прибалтийского востоковеда) «Человек в культуре Древнего Ближнего Востока»,

которая вышла несколько лет назад, — там об этом сказано немало.

Существовала целая литература на эту тему (Клочков дал перевод важнейших текстов) — сеговения человека, который ищет правды на Небе. С другой стороны, библейский автор хотел поставить вопрос в самом широком смысле слова, в том смысле, который впоследствии философ Лейбниц назовет теодицеей. Теодицея (богооправдание) — это термин, связанный с нравственной, философской, жизненной проблемой: как сочетать тайну Промысла со страданиями мира.

Чтобы заострить этот вопрос, неведомый автор взял в качестве обрамления старинную бродячую легенду о праведнике, который невинно, мужественно страдал. Стоически перенес он все бедствия и в конце концов был за это вознагражден. История кончается благостно — это happy end, и в ней есть что-то трогательное и очень поучительное.

Мужество и терпение — вещи святые, великолепные, их всегда нам не хватает, поэтому Достоевский этот аспект Книги Иова воспел на страницах своего романа. Множество текстов на тему из Иова существует и в византийской литературе.

Но как строит автор свое повествование? Он маньерист, то есть он стилизует свой рассказ под старинный, под архаичный. Жил человек в земле Уц, то есть где-то на юге Палестины; он не израильтянин, а принадлежит к одному из восточных еврейских племен. Он во всем прекрасен, добр,

Книга Иова и Книга Экклезиаста

прям, праведен. У него богатства библейского шейха: множество верблюдов, овец, множество детей.

Потом начинается пролог на Небе. Представлен Господь, восседающий, подобно царю, на троне, и вокруг Него стоят сыны Божьи — *бенé ха Элохíм* — это как бы Его придворные, ангелы. Среди них стоит один весьма скептический ангел, который там назван *satán* (отсюда русское «сатана»), что значит «противоречащий», «противящийся»... Но это на самом деле пока еще не дьявол. Это просто один из ангелов, у которого в силу какой-то его особенности такой строптивый характер.

Все ангелы говорят Богу, что они видели мир прекрасным. А вот у этого сатаны — сомнения. И тогда Бог спрашивает его: «А видел ли ты Моего служителя Иова?»*

В еврейском оригинале слово *эвед* означает «раб». В данном случае под словом «раб» имеется в виду «мой рыцарь» (по-немецки — *knecht*). Подревнерусски это будет «отрок», то есть «тот, кто мне верен». «Видел ли ты Моего служителя, раба Иова?» А этот сатана говорит: «Видел, но что ж тут такого, что он так Тебе верен? У него все есть и есть *за что* быть верным — он ведь корыстно приобрел себе свою праведность, потому что Ты его одарил всем: детьми, овцами и верблюдами».

И тогда начинается спор о душе Иова. Но он не должен вызывать в вас нравственное возмущение

* В синодальном переводе: «Обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова?» (Иов 1. 8).

А. Мень. От рабства к свободе

оттого, что Бог делает ставку на Иова, поскольку в данном случае перед нами очевидная стилизация, условная картинка. Бог говорит сатане: возьми все, что ты хочешь от него, только не вреди его жизни. И мгновенно, как в романе Вольтера «Кандид», неправдоподобно, кучей, друг за другом валятся на него бедствия: погибают все сыновья; не успевает он узнать об этом, как погибают все его дочери; в общем, он остается гол как сокол.

Тогда Бог говорит сатане: ты видишь, что он тверд. Но сатана не так-то прост и говорит: он тверд, потому что Ты его не тронул; ладно, дети, верблюды, а вот самого его! «Шкуру за шкуру»^{*} — говорит он (приводит такую старую поговорку). Тогда Бог говорит: ты можешь повредить и ему, только жизнь его сохрани.

Сатана ввергает Иова в тяжкую болезнь — что-то вроде проказы, из-за которой он должен отдалиться от людей. И вот, он лежит на гноище, на какой-то помойке, уже брошенный, как живой труп. Жена говорит: «прокляни Бога — Он убьет тебя, и ты умрешь — что тебе так мучиться?» Но Иов отвечает: «я ж получал от Бога хорошее — потерплю и плохое; Бог дал — Бог взял. Да будет имя Господне благословенно!» И так он стоял твердо.

Потом к нему пришли трое друзей, три дня и три ночи сидели оцепеневшие, глядя на несчастья этого человека, но он все равно был тверд. Потом Бог все ему восстановил. Так кончается история первого Иова, которого заметил Достоевский, и

^{*} В синодальном переводе: «Кожу за кожу», см. Иов 2. 4.

Книга Иова и Книга Экклезиаста

которого всегда изображают во всех парафразах, в переложениях, учебниках, священных историях. Но на самом деле это только пролог и эпилог.

А основное — это середина книги и по величине, и по значимости. Здесь уже автор, воздав дань стилизации, старине (уже тогда это была старина), подходит к мучившей его проблеме и начинает разворачивать драму.

«Драма» — я говорю это уже в литературном смысле слова, потому что Книга Иова — пожалуй, единственная во всей Библии книга, которая напоминает античную трагедию — в ней звучат голоса героев. Говорит Иов, говорит один из его друзей, другой, третий. Потом Иов снова отвечает, потом отвечают друзья — немножко искусственное построение, местами оно сбито — вероятно, из-за ошибок переписчиков. Но идет несколько циклов их бесед, причем постепенно они теряют характер живой беседы и переходят в поэтические монологи и самого Иова, и его друзей. И вот здесь разворачивается самое главное — бунт Иова.

Автор приводит друзей к Иову, но сначала они молчат. Это главное, что человек может иногда принести своему другу, находящемуся в страдании, — просто страдать с ним молча. И они так и поступили. Их тактичность, деликатность поражают.

Потом Иов отверзает свои уста и начинает говорить: «Проклят день, когда я родился!»

Посмотрите текст: вы не увидите там сетований относительно сыновей, верблюдов и богатства.

А. Мень. От рабства к свободе

Он говорит совсем о другом. Это голос человека любой эпохи, любого народа и племени, любой страны — это голос отчаяния. Это голос внутренней катастрофы, причем не просто катастрофы от обстоятельств жизни, а голос человека, который верил в гармоничность мира и вдруг видит, что все

*И. Репин.
Иов и его друзья (фрагмент) (Иов 2:3-13)*

рушится, человека, который глубинно верит в Бога и хочет Ему доверять. Но здесь его доверие начинает колебаться. Вовсе не потому, что на него, невинного человека, случайно свалились жизненные бедствия.

То есть вопрос поставлен с такой остротой, с какой в литературе мы не встречаемся. Один из русских критиков конца XIX — начала XX века Булгаков (это не Сергей Булгаков, богослов, и не Михаил Булгаков, и не отец его, а еще один был Булгаков) написал небольшую, но очень интересную работу, которая называлась «Иов, Прометей, Фауст». Таким образом, он поставил Иова рядом с Прометеем, как мятежником, и Фаустом, который тоже бросает вызов судьбе*.

Что больше всего ужасает самого Иова? То, что Бог существует, конечно, для него нет сомнений. Но ему страшно: а не является ли Бог равнодушной природой? Как сказано у Пушкина: «и равнодушная природа красую вечною сиять»**...

Если это так, то все рушится, это уже не Бог, а псевдо-Бог. Момент очень острый. И жизнь человеческая вдруг представляется автору не такой благословенной, как раньше, а чем-то совершенно жалким и ничтожным. Вот несколько строк из 14-й главы:

* См.: *Булгаков Ф. И.* Иов, Прометей и Фауст. — «Исторический вестник», 1884, № 9.

** Из стихотворения А. С. Пушкина «Брожу ли я среди улиц шумных».

А. Мень. От рабства к свободе

Человек, рожденный женой,
скуден днями, но скорбью богат;
он выходит и никнет, как цветок,
ускользает, как тень, и не устоит...
Да, для дерева надежда есть,
что оно, и срубленное, оживет
и побеги станет пускать вновь...
А человек умирает — и его нет;
отходит — и где его искать?
Если воды в озере пропадут,
иссякнет и высохнет ручей;
так человек — ложится и не встанет вновь,
не проснется до скончания небес,
не воспрянет от своего сна*.

(14. 1-2, 7-8, 10-12)

Вы можете спросить меня, а как же бессмертие человека? Но к тому времени учения о воздаянии по ту сторону земного бытия в Ветхом Завете еще не существовало. Существовало представление, заимствованное из других цивилизаций. Напомню вам о представлении Гомера. Помните, как выглядит преисподняя, откуда Одиссей вызывает души умерших? Или поэму о Гильгамеше, который хочет узнать тайну земли, и его друг, Энкиду, приходит из преисподней и говорит о том, что это мрачные пещеры, в которых витают полусонные духи. И нет награды (в хорошем смысле награды). Все одинаково: добро и зло там, в

* Книгу Иова о. Александр цитирует в переводе С. С. Аверинцева.

этой пыли и черноте чахнут. Тогда возникает вопрос: а где же правда, есть ли она? Я повторяю, Библия ставит этот вопрос с большой остротой.

Почему раньше этот вопрос так не ставился? По всей видимости, довлело родовое сознание. Родовое сознание, которое удовлетворялось тем, что будет справедливость, которая восторжествует в народе, в детях, внуках, в твоём роде, в клане, в племени. Но с какого-то времени вырастает личностное самосознание, и человек спрашивает о своей личной судьбе.

Были толкователи, и теперь ещё есть, которые думали, что Иов есть прообраз, прототип народа Божия, что он воплощает Израиль. Ничего подобного! Вопрос, который он ставит, касается индивидуума. Это история судьбы личной. Это слова о человеке, жизнь которого проходит как сон. Жизнь его пролетает, и он уже ничего не может найти.

Отсюда становится все тошнотворно. А самое главное, что Иову непонятно, с точки зрения прежней, несколько упрощённой схемы, что с ним произошло. Ведь в сказках добро всегда побеждает и награждается, а зло повержено. Почему это так? Права ли сказка? Да! Она права! Она права в глубочайшем, метафизическом, общеисторическом смысле.

Зло обязательно будет наказано. Обязательно будет торжествовать добро. И в этом смысле сказка — величайшая мифологема человеческого сознания. Но! С другой стороны, в конкретной действительности это происходит не так очевидно, то есть далеко не так быстро, как мы хотим. Это не выглядит как упро-

А. Мень. От рабства к свободе

ценная сказочная схема. За сказкой наступает время взрослости. И вот таким взрослым стал Иов.

А его друзья еще живут старой схемой. Они обращаются к нему с увещаниями. Один говорит: быть может, ты согрешил в чем-то? Покайся. Он говорит: нет, я не виновен перед Богом. Другой говорит, что все равно человек перед Богом грешен. И каждый из них излагает свою теорию теодицеи, богооправдания. Иов выслушивает их. Вроде бы хорошие слова, благочестивые.

Надо сказать, что, тайно полемизируя с ними, священный автор крайне объективен, он вовсе не создает карикатуры, он не изображает оппонентов Иова в виде идиотов. Это мудрые люди, которые излагают традиционный религиозный взгляд на вещи. Один говорит, что трудности — это Божье возмездие для укрепления души — и это верно.

«Блажен, кого обличит Бог,
и наказания от Крепкого не отвергай».

(5. 17)

Но Иова интересует уже не только своя судьба.

Из города стоны людей слышны,
и души убиваемых на помощь зовут;
и этого не прекратит Бог!

(24. 12)

Значит, он уже задумывается о всех безумствах, которые творятся в мире.

Книга Иова и Книга Экклезиаста

К чему злые остаются жить,
достигают старости в расцвете сил?
В счастье провожают они свой век
и сходят в преисподнюю легко.

(21. 7, 13)

И это вызывает у него не только возмущение,
но отвращение к жизни, потому что если несправедлив Бог, то кто тогда справедлив?

Тошной стала мне моя жизнь!
Жалобам моим волю дам,
в горечи души моей заговорю!
Скажу Богу: не засуживай меня,
открой, за что Ты на меня напал?

(10. 1-2)

Здесь я должен подчеркнуть родство тематики Иова со скованным Прометеем Эсхила. У нас Прометея стилизуют под некоего атеиста-революционера, который пытается свергнуть бога Зевса. Это, в лучшем случае, вульгарная интерпретация. Прометей тоже бог, как и Зевс, только в другом ранге. И когда Эсхил пытается противопоставить Прометея и Зевса, то на самом деле греческий поэт борется за образ истинного Бога — против мрачного образа диктатора и тирана.

То же самое, правда, по-своему, происходит у Иова. Он борется, он хочет прорваться к истинному Богу — через маску обстания, которое его тер-

А. Мень. От рабства к свободе

зает и мучит! И он не остановится, пока что-то не произойдет.

И идут между Иовом и друзьями споры. Идут дискуссии. Пока у Иова не срывается горькое слово: «Жалкие вы утешители — я не могу вас слушать!» Но, в конце концов, он начинает кричать уже к Богу, потому что их слова звучат для него как насмешки.

«Заступись Сам за меня пред Собой!

(заметьте, какое интересное выражение)

Иначе кто поручится за меня?!

И вдруг у него вырывается вопль надежды:

Но нет, я знаю: мой Заступник жив,
и в конце встанет над прахом Он,
и, когда кожа моя спадет с меня,
лишаясь плоти, я Бога узрю!
Да, сам я узрю Его,
мои не вчуже увидят глаза —
истаивает сердце в моей груди!

(19. 25-27)

Очень странное, трудно поддающееся комментированию ощущение, что все-таки он до конца стоит в вере. Он знает, что ему будет дан ответ, несмотря на все его негодование и обличения.

Друзья спорят и умолкают. Умолкают, потому что Иов разбивает все их богословские аргументы. И

надо сказать, что какой-то очень древний переписчик, или книжник, благочестивый комментатор не выдержал этой картины — ведь Иов своими кошунствами заставил умолкнуть трех богословов! И поэтому он вводит еще одного героя — Элиу, молодого человека, который, как ему кажется, говорит более убедительно. Но это ничего не прибавляет. Если вы будете читать книгу Иова, вы заметите, что этот Элиу вдруг появляется неизвестно откуда, произносит свои речи и также неожиданно куда-то исчезает.

На самом деле отвечает Бог. Вдруг из грохота бури раздается голос Божий. Автор не дает нам какого-либо объяснения. А Бог только спрашивает Иова: «вот ты все за Меня решил; а где ты был, когда Я создавал землю? Видел ли ты, как Я...» — и далее идут картины Вселенной. Описание бесконечной, невероятной глубины и тайны мироздания.

«Почему ты думаешь, что Я должен все строить так, как думаешь ты?» Речь Бога полна картин природы — это очень поэтические строки, — но Иов их не слушает. Ему это уже совершенно не важно, потому что произошло то, чего он хотел, о чем он мечтал!.. Произошла встреча.

Он увидел и услышал Бога. И неважно, что Он говорит. В это мгновение все проблемы решились. Но решились не дискурсивным, не логическим путем, не путем построения какой-то новой метафизической теодицеи, а путем гигантского мгновенного озарения, которое позволило Иову, герою притчи, все это охватить и принять. И он говорит:

А. Мень. От рабства к свободе

Я раньше только о Тебе слышал,
(как и мы, когда говорим о Боге — отчужденно, как
о каком-то предмете,)

а теперь я вижу Тебя.

(19. 27)

Это редчайшая, потрясающая тайна мистического противостояния, встречи, когда Бог перестает быть «Оно», а становится «Ты», Личностью, которая обращается к личности.

В этой книге нет ответа теоретического — и в этом ее огромная сила. Потому что подлинные тайны никогда не могут быть исчерпаны дискурсивным эмпирическим рассудком. Хотя впоследствии появилось немало других теодицей, и они и впредь будут появляться, Книга Иова учит нас, что последняя тайна никогда не может быть втиснута в прокрустово ложе наших рассудочных мыслей.

Но чтобы люди не думали, что старая идея о том, что добро в конце концов вознаграждается, — всего лишь иллюзия, пыль, для этой цели автор кончает все счастливым концом — *хэппи эндом*.

Причем, что замечательно (на это вы должны обратить внимание): Бог одобрил Иова, восставшего. Он одобрил не друзей, которые Его защищали, не богословов, не церковных деятелей (выражаясь современным языком), а человека, который как бы нагим стоял перед Ним. У него ничего не было. Он не принадлежал никакой Церкви, никакой общине. Земля Уц — это гористая пустынная земля, и он

не израильтянин и не язычник, ни то, ни се. В библейской книге он представлен как бы вне времени и пространства.

Недаром древние комментаторы пытались датировать книгу Иова чуть ли не домоисеевым временем, чуть ли не первобытными временами, хотя на самом деле это искусное произведение великого, гениального и высокообразованного литератора. Обилие новых слов, арамейских выражений, конечно, показывает, что книга эта поздняя.

Так вот у Иова было главное: глубокий, серьезный, благоговейный подход к Богу. Вот почему он кричал перед Ним, почему он требовал, почему он вызывал Бога на суд! Потому что он не принимал веры как какой-то игры, баловства. И поэтому для него хитросплетения теологов, от лица которых выступали друзья — Билдад, Шафар, Элифаз, — выглядели несерьезно, это были попытки хрупкими человеческими усилиями построить картонный домик богооправдания. Бог не нуждается в оправдании! Он сам приходит, и тогда все решается.

Но Книга Иова и трагичная. Недаром Карл Густав Юнг в своей книге «Ответ Иову» говорил, что в Библии нет и не было настоящего ответа на страдания мира, а ответом послужило явление Христа. Ибо в лице Христа тот Бог, который потрясал перед лицом Иова созданным Им космосом, вошел в человеческую судьбу и разделил с нами человеческую участь и страдания; Он вместе с нами принял и смерть.

Другая книга этого же плана и этого же стиля, написанная примерно в ту же эпоху, называлась *кохэлет*, что значит «говорящий в собрании» (*кахаль* по-еврейски значит «собрание»), или Экклесиаст (Экклесиаст).

Экклесия в античном полисе — народное собрание. Автор книги выступает под псевдонимом царя Соломона, уже ставшего легендарной фигурой. Это поэзия, так же, как и Книга Иова. Но поэзия мрачная. Мне всегда казалось, что это заговорил тот же Иов, но Иов с другой судьбой. Если тот Иов потерял детей, потерял имущество, потерял положение в обществе, — этот ничего не терял, а только приобретал. И для нашего времени эта тема имеет колоссальное значение.

Именно поэтому составители Священного канона и взяли Книгу Экклесиаста в корпус Библии. Она во многом противоречит основным мировоззренческим установкам Священного Писания. Мы найдем там цикличное представление о мироздании: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки», и кружится ветер, и все — ничего не меняется!

Хавél хавелím! — по-еврейски значит «величайшая тщета», «погоня за ветром» или *vanitas vanitatis* — величайшая «суета сует». По-русски слово «суета» сегодня означает мельтешение, а на старорусском языке, на церковнославянском это значит «пустота», «тщета». А «суета сует» — означает высшая степень бессмысленности.

Книга Иова и Книга Экклезиаста

Герой этой книги изображен царем, который имеет все, что только может иметь человек. И он думает: в чем же для человека смысл и польза? Он начинает все исследовать — всевозможные наслаждения и познания, но все оказывается суетой. И рефрен его мрачен:

...кружит, кружит на бегу своем ветер
И на круги свои возвращается ветер;
Бегут все реки в море, —
а море не переполнится;
К месту, куда реки бегут, —
Туда они продолжают бежать;
Все — одна маята, и никто рассказать
не умеет, —
Глядят — не пресытятся очи, слушают,
не переполнятся уши.
Что́ было, то́ будет; и что́ творилось,
то́ творится,
И нет ничего нового под солнцем.
Бывает, скажут о чем-то: смотри,
это новость!
А уже было оно в веках,
что прошли до нас*.

(1. 6-10)

Что пользы человеку от всех трудов его,
над чем он трудится под солнцем?

(1. 3)

* Книгу Экклезиаста о. Александр цитирует в переводе И. Дьяконова.

А. Мень. От рабства к свободе

Ведь это очень важно было — задать себе этот вопрос. Почти никто его не задавал... В чем же смысл существования? Человек сегодня стремится вырабатывать условия для жизни и без конца их потреблять. И когда он это получает, вдруг оказывается, что он не получает полного удовлетворения.

Здесь мы еще не можем окончательно осознать то, что все больше осознают на Западе. Нравственные трудности западного мира нам еще не понять, ибо мы всегда думаем, что если бы у нас было столько же продуктов, сколько в Швеции, то мы бы уже были счастливыми людьми. Это иллюзия голодающих, но это не объективная действительность.

Надо понимать, что если бы все для человека решалось избытком вещей, которые нужны ему для существования, не было бы многих мировых проблем. А проблемы эти есть. Оказывается, человеку этого недостаточно.

Я сказал себе: давай испытаю тебя весельем, —

Познакомься с благом!

Но вот — это тоже тщета;

О смехе промолвил я: он безумен,

И о веселии: что́ оно творит?..

(2. 1-2)

Ни в чем, что очи мои просили,

я не отказывал им,

Ни от какой радости не удерживал сердце...

Но оглянулся я на дела,

что сделали мои руки,

Книга Иова и Книга Экклезиаста

И на труды, над чем я трудился, —
И вот, все — тщета и ловля ветра...

(2. 10-11)

И прославил я мертвых, —
 что умерли давно, —
Более, чем живых, —
 что живут поныне.
Но больше, чем тем и другим, благо тому,
 кто совсем не жил...

(4. 3)

Это парафраз некоторых изречений из ранней греческой поэзии. В частности, существовала легенда о том, как поймали Селена и пытались у него узнать, в чем же настоящее счастье. Тот долго отмалчивался, но, в конце концов, ответил, что лучше умереть как можно раньше, а лучше всего вообще не родиться — вот тогда ты будешь счастливым.

Глубокая неудовлетворенность жизнью была свойственна греческой цивилизации. Но занимал ли автор Экклезиаста этот вопрос у греков? Есть такая теория, что он действительно пользовался греческими источниками. Я думаю, что достаточно посмотреть на пессимистическую поэзию Вавилона и вообще окружающего Востока, чтобы понять, каковы были истоки этой книги.

Дальше идет мудрость, и она оказывается не столь интересной.

А. Мень. От рабства к свободе

И не может человек найти суть дела,
Сколько б ни трудился искать человек...

(8.17)

Ибо участь сынам человека и участь скоту —
Одна и та же им участь:
Как тому умирать, так умирать и этим,
И одно дыхание у всех, и не лучше скота
человек;
Ибо все — тщета.
Все туда же уходит,
Все — из праха, и все возвратится в прах;
Кто знает, что дух человека
возносится ввысь,
А дух скота — тот вниз уходит, в землю?

(3.19-21)

И, в конце концов, ему кажется, что надо просто смиренно ползти по жизни. Это очень мрачный вывод.

Я узнал, что блага нет человеку,
кроме как есть, и пить, и делать благое
в жизни.
Но даже если кто ест, и пьет,
и видит благо в труде,
то это — Божий дар.
Я узнал: все, что Бог творит, —
это будет вовек:
Нельзя ничего прибавить,
и нельзя ничего отнять.

(3. 12-14)

Книга Иова и Книга Экклезиаста

Это уже не Бог, это уже какой-то рок. Пригоршнями черпает автор Книги Экклезиаста все то фатальное, что было в языческом мирозерцании, для того чтобы сгустить атмосферу и дать почувствовать читателю трагичность бытия. И чем дальше мы читаем, тем поразительней становится, как же эта книга могла быть признана священной. Трудись, человек, ничего ты не узнаешь, никуда ты не проникнешь, мир неизменен, — это при библейском-то взгляде на Царство Божие как будущее мира и человека! — мир совершенно неизменен. И будешь ты так ползти и ковыряться до поры:

До поры, как затмится солнце,
И свет, и луна, и звезды...
И запрутся на улицу двери,
Как затихнет голос зернотерок,
И еле слышен станет голос птиц,
И поющие девушки притихнут...
Ибо уходит человек в свой вечный дом,
И наемные плакальщики на улице кружат;
До поры, как порвется серебряный шнур,
И расколется золотая чаша,
И разобьется кувшин у ключа,
И сломается вóрот у колодца.
И прах возвратится в землю,
 которою он был,
И возвратится дыхание к Богу,
 Который его дал...

(12. 2-7)

А. Мень. От рабства к свободе

Конечно, трудно было вынести такое заключение, и, как полагают, позднее один из книжников, учеников этого автора, приписал в конце смягчающие строки:

Выслушаем сущность всего:
бойся Бога и заповеди Его соблюдай,
потому что в этом все для человека.
Ибо всякое дело Бог приведет на суд,
и все тайное, хорошо ли оно, или худо*.

(12. 13-14)

И все-таки не случайно эта книга была введена в канон Священного Писания. Она должна была стать глубочайшим предостережением человеку, который часто оказывается под влиянием иллюзии, что он может насытиться чем-то земным.

В Библии не было того аскетического элемента, который был в Индии. И для того чтобы создать как бы контрапункт посюстороннему мировоззрению, была введена вот эта мелодия суетности и тщеты. Поэтому и знаменитый Фома Кемпийский, средневековый христианский аскет и мистик, начинал свою книгу «Подражание Христу» со слов, взятых из Экклезиаста — *Vanitas vanitatis*.

Если вырвать Экклезиаста из контекста Священного Писания, от него будет такое впечатление, какое получил Лев Толстой (конечно, не в

* Стихи 12. 13-14 о. Александр цитирует по синодальному переводу Библии.

молодости, а в период своего кризиса), когда читал его вместе с трудами Шопенгауэра и буддистскими изречениями. Но в том-то и дело, что Библия — это не просто склад различных книжек, а это некое здание, которое выросло органично. И здесь обязательно должна была быть антитеза, потому что Священное Писание не говорит о правде, которая должна быть на земле. Но через Экклезиаста оно предупреждает нас: полную ставку на земной мир делать нельзя. У человека есть иное устремление и иные высокие задачи, которые превосходят тот уровень, к которому человек привык раньше.

Экклезиаст — это Иов, который не испытал несчастий, но в то же время пришел к очень тягостному и пессимистическому взгляду на жизнь. Это говорит о том, что не только бедствия могут поставить человека перед трагичной картиной бытия, а даже состояние полного благополучия.

В целом Библия говорит нам, что это тяжелое состояние человека есть следствие искажения природы всего нашего вида; что человек существо не естественное, а сверхъестественное, но при этом имеющее жесткие связи с естественным миром и имеющее в себе болезнь, которую мы называем болезнью первородного греха, или грехопадения. И даже тот, кто не знает об этом учении, если посмотрит на историю человечества, заглянет в собственную душу, сможет сказать словами героя: «что-то в датском королевстве неблагополучно».

Да, что-то в человеческом мире неблагополучно. Этот мир прекрасен! Он полон взлетов, прозрений, гениальных возможностей и их осуществлений, но что-то в нем неблагополучно. Именно поэтому в этом мире так тяжело чистому и светлому, именно поэтому в этом мире неизбежны столкновения и борьба, именно поэтому наш мир — это мир мучеников; именно поэтому человек, даже пресыщенный всеми его благами, в конце концов, приходит к вопросу: а зачем я существую?

Вот скоро выйдет отдельным изданием книжка Льва Толстого «Исповедь». Я думаю, что каждому из вас стоит потратить время и прочесть эту книгу. Толстой однажды пришел к этой мысли, и она перевернула его жизнь. В нас бытует ошибочное мнение, что человек начинает задумываться над вечностью, когда ему плохо. Говорят: «Религия — это от слабости или... от несчастий». Это неверно.

Хрестоматийный пример — это Экклезиаст, который задумался над проблемами, когда у него все было, а в реальной истории — это Лев Толстой, который упивался строчками Экклезиаста. Когда ему было примерно 50 лет и он был на гребне славы, когда он был уже автором «Войны и мира» и «Анны Карениной», имел любящую и любимую семью, был богатым, был славным человеком, могучим физически и полным всевозможных замыслов и интересов, — вдруг его жизнь остановилась. Вдруг он понял, что он больше не может, что он задыхается.

Книга Иова и Книга Экклезиаста

Он спрашивал себя, вместе с Экклезиастом, зачем это все. Зачем?

Зверь этого вопроса задать себе не может. Этот вопрос задает себе только человек. Ибо человек есть существо, причастное к каким-то иным измерениям бытия. И это существо, сопоставляя высшие измерения с эмпирической реальностью, познает порой огромную дистанцию между идеалом и тем, что происходит. Поэтому человек будет всегда искать не только кров, пищу и подобные им элементарные вещи, но он всегда будет спрашивать: для чего я существую? почему я живу? есть ли в этом смысл и цель? А ответ на это Священное Писание дает не в одном изречении, а в целом потоке мыслей, откровений, образов. Эти образы завершаются в Евангелии, которое несет в себе ответ на вопрос о смысле жизни.

И в заключение я должен подчеркнуть, что наличие Книг Иова и Экклезиаста в Библии показывает ее глубокую жизненность, диалектичность, что она не боится столкновения мнений и проблем, она живая, как жива жизнь.

Библия — это не просто благостная серия пресных афоризмов, а, как видите, в ней есть стремление найти ответы на самые острые вопросы. Далеко не все человеческие сомнения в ней выражены, но в ней есть устремление к Богу, пока не рушатся все преграды и пока человек не сможет прикоснуться — почти осязаемо — к той последней тайне, с

А. Мень. От рабства к свободе

которой мы обручены навсегда — обручением трудным, тяжким, как свобода, но счастливым по своей таинственной природе.

Вот на этом мы сегодня с вами и закончим, а потом, в следующий раз, перейдем к такому интересному литературному памятнику, как Псалмы, или, как их называли в Древней Руси, Псалтирь.

У нас осталось всего три встречи. А в будущем году, если Бог даст, — будет Новый Завет.

Отвечаю на вопросы:

Почему Вы считаете, что Елиуй был введен в текст позднее?

Это не моя точка зрения, это точка зрения 99% историков, богословов и литературоведов. Если Вы возьмете текст, то увидите, что сначала говорится о трех друзьях. И кончается — тремя друзьями. И этот Элиу (или Элиуй в греческом переводе и в нашем синодальном), он вдруг возникает, как некий небесный персонаж, — и исчезает. И по языку его монологи отличаются немножко. Но это не принципиальный вопрос.

Соломон был столь мрачен, пока не нашел свою Суламифь; после этого он написал «Песнь Песней» совсем в другом настроении. (Смех, оживление в зале.)

Вообще, историки литературы и теологи очень часто экспериментировали с этими тремя книгами:

Книга Иова и Книга Экклезиаста

Экклезиаст, Книга Притчей и Песнь Песней. Одни считали так: что когда Соломон был юный, он написал любовную книгу Песнь Песней; когда он стал мудрый, зрелый, — он написал притчи; а когда он стал старый, и ему стало все противно, — он написал Экклезиаст. (Смех в зале.)

Была другая концепция: сначала ему было очень плохо. (Смех, оживление в зале.) Потом он нашел себе Суламифь и написал Песнь Песней. Конечно, все это на самом деле было не так просто, и реальный Соломон, я думаю, умер за 600 лет до того, как была написана Книга Экклезиаста. Это книга уже плод зрелой цивилизации, зрелой жизни — в ней мудрость веков!

Соломон жил на заре израильской цивилизации, когда все было проще, и такие проблемы многих людей не волновали...

Кстати, Экклезиаст ведь говорит, что он и любовь испытал, и все, и в конце концов во всем разочаровался. Потому что человек ищет Абсолютного, а в жизни в лучшем случае встречает лишь его отображение.

24 апреля 1990 года

Псалтирь

Вы все хорошо знаете, что на протяжении ряда поколений на Руси дети учились по книге, которая называется «Псалтирь». По этой книге учились еще и в XX веке в церковно-приходских школах. Опять-таки, как музейщики, вы должны знать об уникальных изданиях Псалтири, некоторые из которых у нас имеются в факсимильных изданиях: Хлудовская Псалтирь, Киевская Псалтирь. Это огромные книги и очень дорогие, сделанные с большой любовью. На полях рисунки, изображающие события и переживания героев.

Если начать перечислять поэтов, которые слагили стихи или создавали парафразы на темы Псалтири, то, пожалуй, придется перечислить почти всех крупнейших поэтов Западной и Восточной Европы и России. Достаточно сказать, что одной из первых русских книг (допетровского времени) была как раз рифмованная Псалтирь Симеона Полоцкого, изданная в XVII веке. Она была издана роскошным образом; иллюстрации для нее делал знаменитый изограф Симон Ушаков. Симеон Полоцкий написал предисловие к этому изданию, где указал, что имеет право на переложение Псалтири в виде стихов, потому что в оригинале это — поэзия,

А. Мень. От рабства к свободе

и он передает ее средствами более позднего поэтического языка.

Вслед за этим идет вереница имен: это и Ломоносов, и Тредиаковский, и Сумароков. И этот список доходит до наших дней. Почти все псалмы вошли в мировую литературу не только из Библии, но и из поэзии. Если говорить только о русской, то перечислять можно бесконечно.

Так что же такое Псалтирь? Я думаю, что вы все знаете, что часто Новый Завет издается вместе с Псалтирью. Почему? Потому что Псалтирь, по определению Василия Великого, церковного писателя IV века, как бы является *суммой* всего Ветхого Завета. Когда печатается Новый Завет, то в виде континуума всей ветхозаветной структуры дается Псалтирь. В Русской Православной Церкви Псалтирь каждый месяц прочитывается почти по несколько раз. Если в богослужении не делать пропусков, то в нем предусмотрено полное прочтение Псалтири. Таким образом, со времен Крещения Руси весь народ, ходивший в храм, слышал эти слова постоянно. И они пронизали все, они вошли в культуру, фразеологию и менталитет церковного человека.

Рукописные и машинописные издания Псалмов, карманные и огромные фолианты всегда сопровождают и культурную, и церковную жизнь человека. У нас, в Русской Православной Церкви, существует «Следованная Псалтирь». Это текст Псалтири, в дополнение к которой дан Часослов, то есть цикл молитвословий на разные периоды суток.

А. Мень. От рабства к свободе

Теперь несколько слов о названии. Слово «Псалтирь» женского рода — поэтому на конце мягкий знак. Это не соответствует оригинальному названию. В оригинале она называется *Се́фер те-хилím*, что значит «Книга хвалений», книга хвалы, восторгов, славословий, то есть ее можно было бы назвать «Книгой славословий».

В греческих переводах появилось иное название: *Псалтериум* — от струнного инструмента, похожего на небольшую арфу, игрой на которой с древности сопровождалось речитативное пение псалмов. Псалтири, маленькие арфы, мы видим на памятниках Древнего Востока — Месопотамии и Египта. Звук этого струнного инструмента, этой небольшой арфы, не такой огромной, как иногда рисуют на картинках, служил сопровождением для пения.

Наша Псалтирь, в нынешней ее форме, состоит из пяти частей, сборников, которые были собраны по числу первых книг Библии, составляющих Пятикнижие Мосеево. Это книги: Бытие, Исход, Числа, Левит и Второзаконие. Уже в Ветхом Завете люди понимали, что Псалтирь — это некое подобие Пятикнижия.

Если вы коснетесь богослужебной традиции Русской Православной Церкви, восходящей к византийской традиции, а затем раннехристианской, то увидите, что речь нашего богослужения состоит либо из псалмов, которые входят в Псалтирь, либо

Псалтирь

из парафразов псалмов (или стихов и гимнов на темы псалмов).

Псалмов 150. Существует 151-й псалом — это стихотворение юного Давида, который идет на бой с Голиафом. Никто толком не знал, когда этот текст возник, но на берегах Мертвого моря среди кумранских рукописей нашли древний текст этого псалма; таким образом, он, по-видимому, возник за 100 — 150 лет до нашей эры.

Когда вы откроете старинную Псалтирь, рукописную или типографского издания, то сразу же перед титулом на фронтисписе увидите изображение царя Давида. Поэтому многие думают: вот это книга, а это — автор. И в разговоре часто говорят: Псалтирь Давида, или псалмы Давида. Почему это так? Написана ли эта книга одним человеком, и в частности царем Давидом? Нет. Это лишь обобщенное неточное традиционное название.

Прежде всего, есть псалом, который прямо приписан Моисею, другой — царю Соломону. Есть целые группы псалмов, которые не имеют авторства, не имеют надписания, и группы псалмов, авторы которых звучат довольно странно, например, «псалом сынов Кореевых». Сыны Кореевы — это наследственная группа музыкантов, певцов в древнем Храме. *Корах* — имя их родоначальника, в греческой транскрипции — Корей. Так же и «сыны Асафовы» — Асаф тоже был руководителем этих хоров.

Псалтирь — это *храмовая книга*, сложившаяся в богослужении Иерусалимского Храма, того Хра-

А. Мень. От рабства к свободе

ма, который был построен после Давида. Книга эта слагалась в течение многих поколений, но Давид имеет к ней прямое отношение.

Этот царь, воин, драматическая судьба которого привлекает и до сих пор многих художников и поэтов, был человеком больших страстей, жизнь его была полна многих приключений; любовь, дружба, война, смерть, грех, покаяние — все наполняет его биографию.

Существовало две крайних точки зрения. В старину если было написано «псалом Давида» — все считали, что его написал сам Давид. И тогда возникает образ поэта — ранимого, чувствительного человека, которого постоянно окружают какие-то опасности, который много страдает.

Один мой друг сказал, что он не мог по-настоящему понять Псалтири и поэзию псалмов, пока у него не случилась в жизни беда. В это время он ничего не мог читать, и когда однажды открыл эту книгу, она у него вдруг зазвучала. Она звучит на протяжении многих столетий, хотя написана в исключительно древние времена, во времена Рамсесов и Ассурбанипала. Очевидно, некоторые духовные и душевные тайны остаются с нами, побеждая любое время.

Псалтирь — мистическая книга. Это *книга о душе*, стоящей перед лицом Бога, но не о душе какого-то победившего все страсти мудреца, не о душе стойка, который смотрит на мир уже отрешенными

Псалтирь

глазами, а речь идет о душе мятущейся, страстной, полной горечи, огня, восторга, наивности.

Давиду принадлежит, быть может, с десяток псалмов — он положил начало гимнам этого жанра. Постепенно стало выясняться, что многие псалмы написаны значительно позже, например, в псалме 50-м говорится о том, что разрушенные стены Иерусалима будут восстановлены; значит, он написан уже много веков спустя после Давида. (Стены были разрушены в 587 году, а Давид правил в 1000 году до нашей эры).

Тогда возникло гиперкритическое направление. Оно было связано с работами, появившимися в XIX веке, работами де-Ветте*, Юлиуса Вельгаузен** . Некоторые ученые библеисты стали считать, что все псалмы возникли в поздний период, лет за 200 до Рождества Христова.

Изложение этой точки зрения вы найдете в книге Николая Михайловича Никольского «Царь Давид и псалмы». Это небольшая, достаточно талантливая, но очень тенденциозно написанная книга, вышедшая в 1906 году в Петербурге. Это единственная у нас критическая книга о псалмах. Но она сегодня устарела в том смысле, что гиперкритицизм автора не позволил ему увидеть истоки псалмов.

* Де-Ветте Вильгельм (1780—1849) — немецкий протестантский богослов.

** Вельгаузен Юлиус (1844—1918) — немецкий востоковед и библеист, основоположник современной библейской критики.

А. Мень. От рабства к свободе

Современный исследователь псалмов Зигмунд Мовинкель* и целый ряд других скандинавских исследователей установили, что многие псалмы связаны с архаическим праздником Нового года, когда утверждалось царствование Бога.

Dominus regnum! — Господь царствует! — это один из текстов псалмов, который вошел и в нашу, и в западную литургию. По-церковнославянски: «Господь воцарися в лепоту облечися», то есть «Бог воцаряется, облеченный великолепием».

Царствование Божие, или, как мы говорим, Царство Божие, как некая реальность присутствует в Псалмах во всей своей полноте. Начиная с первых псалмов, где восхваляется реальный земной царь, они постепенно подводят нас к идее подлинного Царства Божия, то есть к той цели, к которой устремлена вся человеческая история. И тогда те величайшие, светлейшие истины, которые, подобно маленьким зернам, посеяны в человечестве, должны расцвести, ибо это есть замысел Творца.

В начале нашего столетия Герман Гункель**, один из крупнейших протестантских исследователей древнего Востока и Библии, сумел разделить псалмы на ряд жанровых групп (это чисто научная проблема, я не буду вас в нее вводить). Он утверждал следующее: не следует искать датировку каж-

* Мовинкель Сигмунд (1884—1965) норвежский протестантский экзегет.

** Гункель Герман (1862—1932) — немецкий протестантский исследователь Библии.

Псалтирь

дого псалма, а надо смотреть на то, о чем этот псалом. Это коллективная мольба всей ветхозаветной Церкви, это голос индивидуума, личная молитва, прославление царя, псалом-покаяние. И он создал классификацию псалмов, которой до сих пор с успехом пользуются богословы.

В псалмах мы находим всю гамму или всю палитру ветхозаветного учения. Мы находим там слова, напоминающие нам пророка Амоса, который говорил о суде над миром, о непрекращающемся суде, когда правда Божия сталкивается с неправдой человеческой, мы находим там удивительные слова о милосердии Творца, подобные тем, что говорил пророк Осия.

Вот несколько слов из 102-го псалма. К сожалению, для большей понятности я буду цитировать по синодальному переводу. Переводить надо заново. Я сейчас был в Библейском обществе, в Штутгарте, — там целый шкаф занимают одни только переводы Псалтири на современные языки. Участвуют поэты, ученые, филологи. И поэтическая структура псалма, и его духовная тайна раскрываются гораздо лучше с точки зрения разных переводов.

Щедр и милостив Господь,
долготерпелив и многомилостив.

«Многомилостив» — слово, которое трудно перевести. *Рав хэсед*; *рав* — это «много»; *хэсед* — это любовь, жалость, сострадание Божие к человеку.

А. Мень. От рабства к свободе

Не до конца гневается
и не вовек негодует.
Не по беззакониям нашим сотворил нам,
и не по грехам нашим воздал нам.
Ибо как высоко небо над землею,
так велика милость Господа
к боящимся Его.
Как далеко восток от запада,
так удалил Он от нас беззакония наши.
Как отец милует сынов,
так милует Господь боящихся Его.

В этом отрывке сразу проглядывает вся поэтическая структура, так называемая поэтическая симметрия: как далеко восток от запада, так удалил Он от нас... как отец милует..., так милует Господь... — это переключки. Здесь вы не найдете рифмы, ярко выраженного ритма, здесь ритм смысловой.

Псалмопевцы — люди, лишенные иллюзий, они представляют себе мир как арену борьбы, суровых испытаний. Иногда мы там встречаем очень грозные, страшные слова, из которых можно было бы сделать вывод, что таинственная сила, которая потрясает мироздание, которая творит и звезды, и живые существа, — что она либо равнодушна, либо жестока по отношению к миру; и тем не менее человек, псалмопевец, находит, что тайна мира удивительным образом связана с Божественной любовью к «Адаму», Адаму как единству человеческого рода. Вот 8-й псалом:

Псалтирь

Господи Боже наш!

Как величественно имя Твое
по всей земле!

«Имя» — это тайна, мистическая тайна Бога.

Слава Твоя простирается превыше небес!

«Слава» — термин *kavód* — означает излучение таинственной мощи Творца — это совсем не то, что мы имеем в виду, когда употребляем слово «слава». Поэтому так трудно переводить эти тексты.

Из уст младенцев и грудных детей

Ты устроил хвалу ради врагов Твоих,
дабы сделать безмолвным врага и мстителя.

То есть враги Божии восстают (а они всегда были, есть и будут!), но те, кто слаб, кто еще не имеет физической силы, младенцы, — они прославляют Бога за победу над силами тьмы. А дальше идет созерцание космоса:

Когда взираю я на небеса Твои,

дело Твоих перстов,

на луну и звезды, которые Ты поставил:
то что есть человек, что Ты помнишь его,
и сын человеческий,
что Ты посещаешь его?

Не много Ты умалил его пред Ангелами;

славою и честью увенчал его;

поставил его владыкою над делами рук Твоих;
все положил под ноги его...

А. Мень. От рабства к свободе

Это антропоцентризм, который лишен иллюзии, потому что человек древности, может быть, и не представлял себе мир таким огромным, как представляет его сегодняшний человек, но все-таки он уже понимал, что мир велик.

Вот вам маленький пример: есть древневавилонское повествование о полете героя на орле в космос — это поэма об Этане. Когда этот герой поднимается, он видит землю величиной с грецкий орех. Значит, он уже представлял тогда пространство столь великим, что можно увидеть землю крошечной; в своем внутреннем воображении он поднимался еще выше, чем современные космонавты. Не надо думать, что человек древности представлял себе мир в виде маленькой коробочки.

Так вот, размышляя над огромностью мироздания, псалмопевец говорит: когда я смотрю на дела рук Твоих, я думаю, кто же такой человек, что Ты обращаешь на него внимание? И сразу дополняет, что человек стоит превыше всей твари, Бог поставил его почти как Ангелов, то есть подчинил ему, сложил к ногам его все творение. Но псалмопевец продолжает эту тему и говорит, что, несмотря на величайшую сверхчистоту Бога, Он не уничтожает человека, потому что Он бесконечно добр. Надо сказать, что для человека того времени это было открытием, потому что древний мир очень часто представлял себе конечное, предельное Бытие как суровое, жестокое и даже капризное. И вот откровение: Бог полон любви к каждому из нас и поднимает человека на неизмеримую высоту.

Но в то же время нельзя думать, что Бог полон просто одной лишь благодати, — нет. Суд остается. Ибо Бог свят. То, чему учил пророк Исайя, — все это содержится в Псалмах.

Есть и другая тема. Мы с вами говорили о главных парадигмах Священной истории. Какие это парадигмы? *Обетование*: Бог обещает миру свершение Своих замыслов. Далее: *рабство* — как начальное состояние людей. *Освобождение* — как результат веры людей, которые пошли навстречу неведомому! И, наконец, *Земля обетованная* — это та земля, которую человек должен не просто получить пассивно, а та, которую он должен завоевать определенными усилиями.

Такова и история всей Церкви, такова и, согласно псалмам, история каждой души. Потому что здесь все время тема общины перекликается с темой индивидуума.

Когда совершилась катастрофа и Навуходоносор II разрушил Храм Божий и увел иудеев в Плен, они не проклинали Навуходоносора, а корили себя. Этому учили их пророки: искать причину *в нравственном состоянии общества*. И вот тогда был создан, или был переработан в этом духе самый знаменитый псалом, который читается в храме за каждой службой. Это псалом 50-й, он еще называется «псалом покаянный». Вот несколько строк из него:

Помилуй меня, Боже,
по великой милости Твоей.

А. Мень. От рабства к свободе

...ибо беззакония мои я сознаю,
и грех мой всегда передо мною.
Тебе, Тебе единому согрешил я...

Когда человек сделал что-то нехорошее по отношению к другим людям, он прежде всего виноват перед Святым.

...лукавое пред очами Твоими сделал,
так что Ты праведен в приговоре Твоем
и чист в суде Твоем.

Еще несколько очень примечательных строк из этого псалма:

Господи! отверзи уста мои,
и уста мои возвестят хвалу Твою.
Ибо жертвы Ты не желаешь, —
я дал бы ее; к всесожжению
не благоволишь.
Жертва Богу — дух сокрушенный;
сердца сокрушенного и смиренного
Ты не презришь, Боже.

То есть, человек в древности думал, что можно какими-то магическими действиями ублаготворить Небо; но оказывается, что жертва Богу не нужна, а Ему нужно сердце, сокрушенное и смиренное.

Конечно, вы спросите, а что же это значит — сокрушенное и смиренное сердце? Может быть, это какое-то самоуничижение, которое паче гордости?

Ничего подобного. Смиранный — это человек особаго состояния духа. Кроткие (*анавим*) — это те, кто ненавидит насилие, кто хочет привнести в мир твердость, чистоту, доброту и мудрость. Поэтому Христос в Своей проповеди говорит: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».

Заметьте, оборот какой: они наследуют землю — но какую землю? А это все те же парадигмы: *освобождение из рабства и грядущий мир*, который здесь символизируется некоей обещанной землей.

«Блаженны кроткие», то есть они счастливы. Значит, кротость — это не слабость, а сила. Как раз в озверении, в жестокости проявляется слабость людей. И мы всегда знали, что такие люди, как Муссолини, Гитлер, Сталин были слабыми людьми. Они обладали силой воли, для того чтобы насаждать свое насилие, но на самом деле внутри они были людьми глубоко несостоятельными, и вся их деятельность была попыткой скомпенсировать свою недостаточность. Таких людей рождает комплекс неполноценности.

Смиранный человек этим комплексом не страдает, потому что он знает, что он и перед Богом, и перед миром такой, какой он есть. Ему не надо никаких компенсаторных механизмов. Смирение — это величайший здравый смысл. Гордыня — это искажение перспективы. Когда она становится патологической — мы имеем манию величия. Мания величия у психически больного человека — это не что иное как патологическое преувеличение гор-

А. Мень. От рабства к свободе

дыни. Поэтому очень легко увидеть гордыню в ярком, карикатурном свете мании величия.

Псалтирь — это книга мистики и свободы. Мистики, потому что она учит человека о возможности каждой души приблизиться к Богу. Поэтому древнейшие, архаические слова, написанные две с половиной, а может быть, и более тысяч лет тому назад, звучат сегодня очень актуально:

Как лань желает
к потокам воды,
Так желает душа моя
К Тебе, Боже!

Всякий человек, который любит, знает, что дистанция, отделяющая его от любимого существа, становится порой невыносимой, и он хочет к нему приблизиться. Такая любовь наполняет душу, открытую к Богу. И как олень стремится к источнику, не боясь хищника (эти образы все очень конкретные, реальные), так душа жаждет Божества. Олень идет к источнику, где его может ждать хищник, но ему так нужно напиться, что он идет вопреки всему. Эти слова из 41-го псалма.

Вот почему Иисус Христос так любил псалмы и, даже умирая, молился словами псалмопевца.

21-й псалом — это псалом страдания человека, который любит Бога; и Бог не дает ему гарантий, не создает ему благоприятных условий, а открывает его всем ветрам. И этот человек спускается на самое дно страдания и оттуда взывает: *ламма́, ламма́*

Псалтирь

савахвані — «Почему? Почему Ты меня оставил?»* И все кончается победой и торжеством: пройдя через это испытание, человек торжествует.

Именно этот псалом, умирая, произносит Христос на кресте. Люди не понимали, когда Он восклицал: *Эли, Эли* — «Боже Мой, Боже Мой». Кто-то говорил: он зовет Илию-пророка, потому что на древнееврейском языке имя Илия звучит как *Элийау*. А многие наши современники, читая Евангелие поверхностно, думают, что Христос просто восклицал эти слова, находясь в отчаянии. Нет, это была молитва, которая кончается совсем не словами отчаяния, а прославлением Творца:

Ибо Господне есть царство;
и Он — владыка над народами.

Вот идея универсализма — побеждается всякое зло.

Ты, Господи, не удаляйся от меня;
сила моя! поспеши на помощь мне;
избавь от меча душу мою,
и от псов одинокую мою.
Спаси меня от пасти льва,
от рогов единорогов, услышав, избавь меня.

(Пс 21. 20-22)

«Единорогов» — в оригинале стоит слово, означающее дикого быка, вроде зубра.

* Ср.: Мк 15. 34.

А. Мень. От рабства к свободе

Недавно я был на симпозиуме, и там выступал один видный переводчик, который говорил, что он был в Африке и переводил этот псалом. Слова «множество быков меня окружили» (в нашем переводе «множество тельцов обступили меня») перевести буквально было невозможно, потому что для африканского читателя, когда тебя окружает множество быков, это не беда, а, наоборот, счастье. И они все думали-думали, мучились, а потом поставили там слово, которое обозначает буйволов, диких африканских буйволов, — и все сразу стало на место, потому что буйвол действительно очень опасное животное, которого в Африке боится не только человек, но даже лев.

Еще одна тема, которая содержится в этой книге, — это тема двух путей. Она присутствует во всей библейской традиции. Почему она так важна нам? Мы находим ее в кумранских свитках. Она красной нитью проходит через все книги Священного Писания. Это весть *о свободе*. Вы понимаете, что если путь только один — никакой свободы нет. И когда Бог открывает перед человеком два пути — значит, человек может выбрать, и он должен выбрать правильно.

Первый же псалом начинается словами: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых», — это поется во время всенощного бдения. Значит, счастлив человек, который идет по доброму пути. А есть другой путь, который ведет к гибели... «Он (то есть тот, кто верен Богу) будет как дерево, посажен-

ное при потоках вод» — выражение, свойственное местам, где вода редкость, где найти ее трудно. «А нечестивые — как пыль, взметаема ветром с лица земли. Они не устоят». Этот, хороший, — как дерево, которое стоит у воды, а нечестивый — это пыль. Вот два пути.

Есть еще одна тема, очень важная в Псалтири. Это тема истории народа Божия. Здесь ведь все время повторяется вся история Церкви, начиная от Ветхого Завета и кончая Новым. Община находится перед испытанием, перед искушением, она падает куда-то на дно и оттуда зовет. Вы знаете такое выражение: *de profundis*.

«*De profundis*» — так называлась книга, изданная в 1917 году. Группа русских мыслителей написала эту книгу о событиях того времени. Большинство из них были авторами сборника «Вехи» 1909 года, в котором они предсказывали многие социальные, психологические и культурные бедствия. И когда эти бедствия наступили, они написали книгу «*De profundis*». Тираж, естественно, был быстро истреблен, потом оставшиеся экземпляры как-то сумели найти, и книга была издана на Западе. Я слышал, что у нас тоже она скоро выйдет*.

Итак, *de profundis* — значит «из глубины». Из глубины, из ямы зовет человек. И самый здесь трудный момент — когда испытывается вера. Герой находится в ужасном положении:

* Книга «Из глубины» вышла в 1991 г. в издательстве «Новости» в Москве.

А. Мень. От рабства к свободе

Господи! Как умножились враги мои!
Многие восстают на меня;
многие говорят душе моей:
«нет ему спасения в Боге!»
Но Ты, Господи, щит предо мною,
слава моя, и Ты возносишь голову мою.
Гласом моим взываю к Господу.

(Пс 3. 2-5)

Очень трудно перевести. «Гласом взываю» — это восточная тавтология. Церковнославянский перевод создавал кальку с греческого, иногда очень удачно. Перевод этот делали Кирилл и Мефодий в IX веке. И в нем есть такие обороты, которые очень точно передают оригинал, но по-русски так перевести уже нельзя. Например, «рыках от въздыхания сердца моего» — как это передашь? Человек «рычит», оттого что его сердце вздыхает; а «сердце» в данном случае означает не просто эмоции, а по древней терминологии «сердце» — это сам человек, его сознание, его мысль, он сам.

Если говорить об «идейных установках» Псалтири — они очень разнообразны. Есть псалмы, в которых речь идет о грядущем Царстве, — мессианские псалмы. Есть псалмы «восхождения», которые пел Иисус Христос в детстве, когда ходил паломником в Иерусалим. Есть псалмы личной молитвы, когда Христос, умирая, сказал: «в руки Твои предаю дух Мой», Он повторял слова псалма, который читался перед сном. Есть псалмы — акrostихи, алфавитные.

Я думаю, в старинных рукописях вы будете часто встречать алфавит в акростихе. Например, в псалме 36-м каждый стихок начинается с буквы алфавита. Но это передано только в Венском издании прошлого века и в Брюссельском; в наших синодальных Библиях этого нет, и алфавит пропадает.

Для чего это делалось? Для употребления в Храме, при этом акростих служил мнемоническому способу запоминания. У некоторых псалмов есть странные надписания: «начальнику хора» или «на Гефском оружии». Это значки для исполнителей. «Гефское оружие» — западный инструмент, взятый у филистимлян. «Начальнику хора» — мы до сих пор не знаем, что это точно обозначает, это какие-то музыкальные указания.

Существует много гипотез, и даже есть специальное исследование, рассматривающее данные надписания. Но вопрос этот частный; достаточно вам знать, что речь идет об указаниях для певцов при исполнении псалма. Некоторые, например, означают, что данный псалом поется как утренняя песня, или как песня урожая, или как песня девушек, если надписано *аламо́ф*. «Аламоф» на арамейском значит «девушки», «молодые женщины».

Некоторые псалмы посвящены культу, богослужению — они перекликаются с проповедью ранних пророков. Я должен подчеркнуть, что, несмотря на культовое происхождение псалмов, псаломопевцы отнюдь не считают, что обряд, церемония есть какое-то самодостаточное дело. Бог призывает людей:

А. Мень. От рабства к свободе

«Соберите ко Мне святых Моих,

(«святых» значит «посвященных Мне»)

вступивших в завет со Мною при жертве».

И небеса провозгласят правду Его,

ибо судия сей есть Бог.

«Слушай, народ Мой, Я буду говорить;

Израиль! Я буду свидетельствовать

против тебя:

Я Бог, твой Бог.

Не за жертвы твои Я буду укорять тебя;

всесожжения твои всегда предо Мною.

Не приму тельца из дома твоего,

ни козлов из дворов твоих;

ибо Мои все звери в лесах,

и скот на тысяче гор.

Знаю всех птиц на горах,

и животные на полях предо Мною.

Если бы Я взалкал, то не сказал бы тебе;

ибо Моя вселенная и все, что наполняет ее.

Ем ли Я мясо волов

и пью ли кровь козлов?

А люди так и приносили — в древней традиции это было как бы угощение Богу.

Принеси в жертву Богу хвалу,

и воздай Всевышнему обеты твои.

И призови Меня в день скорби;

Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня».

(Пс 49)

Псалтирь

То есть подчеркивается, что духовное служение — наиболее важное.

Есть псалмы, посвященные Закону. Когда мы говорим о Законе Божием, некоторые думают, что это все устарело и относится к Ветхому Завету. Нет, это не устарело. Каждый раз, когда совершается поминовение усопших в христианских православных храмах...

[перерыв в записи]

Здесь мы также имеем акrostих, то есть каждый раздел этого псалма начинается с буквы алфавита, для запоминания. И там говорится о том, что Божий Закон — *важнейший стержень жизни*, это не что-то формальное, вроде уголовного кодекса, а это то, над чем человек может размышлять: «И о законе Его размышляет он день и ночь» (Пс 1. 2). И когда апостол Павел выступал против законничества, он имел в виду вовсе не эту красоту и глубину Закона. Он учил о том, что время религии как Закона проходит, что человек не может быть спасен только соблюдением предписаний и запретов, а доверием Иисусу Христу и единением с Ним.

У нас в православных храмах псалмы читают на церковнославянском языке. Красоту церковнославянского перевода современному читателю не понять. Не таким читателям, как вы, а тем, кто в храме. В храме, как правило, люди понимают плохо. Но зато красота этого перевода — она это заслоняет.

А. Мень. От рабства к свободе

Было несколько попыток исправить ситуацию. Наверно, многие из вас знакомы с попыткой перевода псалмов, которую сделал Сергей Сергеевич Аверинцев. В журнале «Новый мир» за 1988 год напечатаны его статьи о духовности и культуре Древней Руси и Византии*. И в конце он приводит свой перевод Шестопсалмия — это шесть псалмов, которые читаются в начале утреннего богослужения.

В этом переводе он попытался соединить три главных элемента. (Этого, конечно, можно было достигнуть только с помощью его изощренного искусства.) А именно: древнееврейский как фундамент, основа; потом — структура греческого перевода и, наконец, церковнославянского. Он соединил все эти три пласта. Мы проводили опыты: в церкви читали Шестопсалмие по Аверинцеву, и никто не замечал, что это по-русски, и при этом говорили: смотри, как сегодня хорошо читает чтец — все понятно.

Не замечали, что текст новый, потому что у Сергея Сергеевича есть способность, благодаря его любви к стилю Вячеслава Иванова, Ломоносова и Державина, любви к этой величественной традиции, передать на русском языке текст псалма с таким как бы церковнославянским фоном. Это очень непросто. Я думаю, что еще не скоро церковнославянская Псалтирь будет заменена другими перево-

* Имеется в виду статьи Сергея Аверинцева: Византия и Русь: Два типа духовности. — «Новый мир», 1988, № 7, 9.

дами. Во всяком случае, русский синодальный перевод намного проигрывает церковнославянскому в своей поэтичности. Здесь переводчикам хотелось передать лишь смысл, а как вы знаете, в поэзии недостаточно смысла, а должно быть еще что-то.

Итак, как я уже говорил, Псалтирь подводит итог суровости Амоса, милосердию, провозглашенному от лица Божия пророком Осией, святости Божией, о которой говорил пророк Иезекииль и, наконец, религии сердца — об этом учил и ее осуществлял в своей судьбе пророк Иеремия. Это был скорбный борец против собственного народа, его, как я вам рассказывал, обвинили в предательстве, в измене, в отступничестве, но он более всего понимал, что воля Божия не есть потакание народным чувствам и чаяниям, а нечто совершенно особенное.

В Псалмах мы находим доверительное, почти детское отношение к Божественному. Это временами почти споры с Богом, в которых нет фамильярности или какой-то претензии; неведомый псалмопевец не создает только возвышенный гимн, который бы звучал обтекаемо, торжественно, а часто он полон смятения и отражает все те перипетии души, которые, в общем, свойственны любой внутренней, интимной линии жизни.

Человек здесь говорит с Богом с полной честностью. Нет, пожалуй, в поэзии такой честной книги, как Псалтирь. Иногда в священной поэзии Средних веков эта честность куда-то отступала,

отступала перед красочной архаичностью величия, имитирующего придворный этикет. К Богу обращались так, как обращался, например, вассал к своему сюзерену, говоря массу пышных слов и сохраняя при этом некую почтительную дистанцию.

В псалмах, конечно, есть и это, но есть и совсем другое. Оно напоминает то ощущение Райнера Марии Рильке, который писал в песне: «О, где Ты, мой Сосед?» Это понятие о соседе (Боге, который рядом) и создает ту непосредственность, ту страстность, которые свойственны диалогу между Богом и человеком. И здесь появляется слово, которое для Ветхого и Нового Завета является одним из ключевых: слово *шекáн* (в древнееврейском стоят три согласные буквы: ш-к-н) обозначает дом, шатер, а также того, кто живет рядом с тобой. *Шекан* — это еще и сосед; а то, что находится рядом, в таком не прямом смысле, это обитающий Дух Божий — *шехина*^{*}. «Шехина» есть мистическая тайна Божьего присутствия. Впоследствии это понятие глубоко войдет в самые различные направления библейской и постбиблейской мистики.

Так вот, псалмопевцы говорят (не называя этого слова) о шехине: это Дух Божий, который в мире, Он здесь, Он не трансцендентен миру, то есть не за пределами ему, а пронизывает все мироздание, Он — в любой стихии, в любом предмете, Он рядом. Поэтому я могу говорить с Ним, я могу слышать Его ответное слово. И Божье присутствие, прису-

^{*} В этом случае «к» звучит как «х».

Псалтирь

тствие космического Божественного огня мы можем чувствовать в обычной жизни и обозначается оно словом *шехина*.

Когда мы читаем в Евангелии от Иоанна о Слове Божьем, мы опять-таки подходим к богословию Псалтири. Потому что там часто говорится о Слове. «Слово Божье пребывает вовек». «Слово» — это не наше слово, а это *action*, действие, которое рождается по воле Сущего из безмолвия, из тайны того, что по ту сторону понимания. Слово уже становится Богом, действующим в мире, Оно творит мир.

Евангелист Иоанн пишет: «И Слово стало плотью». «Плоть» — это синоним человека. Слово стало человеком, «и обитало с нами». В греческой Псалтири (это переносится в Евангелие от Иоанна) — *эскéносе*, то есть поставил скинию, шатер; итак, греческое слово *эскеносе*, как и еврейское *шехина*, означает, что в центре нашего человеческого бытия, в центре человеческого социума, тайно от всех (кроме тех, кто открыт сердцем) Бог поставил Свой шатер, и Он обитает с нами. Это обитание Бога в мире, — которое стало не предчувствием, не каким-то мистическим мгновением в жизни одного человека, а реальностью, вошедшей в историю человеческого рода, — мы находим осуществленным в Евангелии. «И Слово стало плотью».

Псалтирь — одна из самых удивительных и неисчерпаемых книг Ветхого Завета. И хотя она написана очень давно и слагалась на протяжении

А. Мень. От рабства к свободе

многих десятилетий и столетий, она сохраняет целостность.

Историко-критическое исследование Псалтири, которое пытается разделить ее на части, определить, когда и что было написано, безусловно

Царь Давид. Армянская миниатюра. XIII век

нужно. Но поверьте, оно почти ничего не дает для глубинного понимания самого текста, в отличие от других частей Библии. Потому что Псалтирь нас приводит в то место, где человек находится наедине с собой и с Богом, где община наедине с Богом и с теми бурями, которые нас окружают, или, как говорил Андрей Белый, с «обстанием» мира.

В псалмах вы найдете одну особенность, свойственную библейской литературе и ее богословию. Эту особенность я бы назвал возрастанием. В Библии нет отдельных звеньев, которые затем уступают место новым. В истории науки мы видим, как старые звенья неизменно отмирают и куда-то уходят, и новый блок, новая парадигма вытесняет предыдущие, оставляя из них лишь немного.

Здесь же, подобно живому организму, из старых понятий, например, «царства», которое понималось вначале в чисто земном смысле, начинает постепенно проступать, брезжить, прорастать понятие о Царстве Бога, Который входит в этот мир и ждет, чтобы люди Его свободно приняли.

Идея спасения, сначала утилитарная, простая идея, как у любого ребенка, — спастись от зла — она все более и более становится идеей очищения человеческого духа и человеческого рода. Идея Божественной любви, которая воспринимается сначала как просто покровительство, как представление о том, что спасающая рука над тобою, потом становится все более и более тонкой, все более и более мистической.

А. Мень. От рабства к свободе

Это одна из черт не только Псалтири, но и многих других разделов Библии. Вот почему эта книга столь важна. Я еще раз перечислю, чтобы вы запомнили, что, во-первых, Псалтирь соединяет в себе все основные сюжетные и богословские идеи Библии. Во-вторых, она является книгой религиозной *par excellence* — по преимуществу, потому что это книга диалога между Богом и человеком.

Псалтирь — это не просто размышления. Как отмечает один из религиозных философов, когда мы говорим о Боге в третьем лице, мы Его не чувствуем, не касаемся; с Богом можно говорить только во втором лице, чтобы обращаться непосредственно к Нему. Когда о Нем говорят в третьем лице, Он превращается в предмет, в стихию, в вещь. А псалмопевец все время говорит именно с Ним.

В этом смысле Псалтирь можно сравнить с великим произведением христианской литературы — с «Исповедью» блаженного Августина, который не пишет о Боге, а говорит с Богом; это книга — «Исповедь», обращенная не к людям, а к Нему, что придает этому сочинению колоссальную силу. И хотя она написана в IV веке, до сих пор читается как что-то очень актуальное.

Борис Александрович Тураев, великий русский востоковед, очень тонко отметил, что Псалтирь — это особое звено, которое связывает Исайю и Иеремию с Евангелием. В ней, как вы слышали в прочитанных мною отрывках, есть откровение Бо-

Псалтирь

жественной любви, Божественной мощи. Именно в Псалтири мы находим как бы извергающую из себя снопы света Божественную любовь.

Вот почему во всех частях Земли, где только существует Библия, после Евангелия все обращаются к псалмам. Вот почему эти строки вошли в поэзию и мышление людей. В них вся жизнь человека: радость и страдание, поиск и находки, испытания и ожидание; страх, ужас, гнев — здесь есть все! Перед нами не розовая книга, а настоящая книга о жизни, написанная иногда, могу прямо сказать, кровью!

И когда этот многогранный подлинный человек, коллективный автор этой книги, предстоит Божественной тайне, он не становится от этого маленьким, ничтожным. Иногда в антирелигиозной литературе любят писать, что человек, входя под своды огромного храма, вдруг чувствует себя маленьким и незначительным. Я никогда не чувствовал свою ничтожность под сводами огромных храмов; наоборот, они поднимают тебя вверх. А когдаходишь под своды Псалтири — вдруг чувствуешь свою тождественность с этими авторами (или с этим коллективным автором), потому что все, о чем он пишет, свойственно и нам — вместе с ним мы переживаем и страдание, и радость, и ликование. Все нам кажется важным.

И я закончу, остановившись на двух псалмах хваления, чтобы можно было почувствовать, как псалмопевец возносит хвалу Господу. Это псалмы радости.

А. Мень. От рабства к свободе

Благослови, душа моя, Господа,
и вся внутренность моя — святое имя Его.
Благослови, душа моя, Господа
и не забывай всех благодеяний Его.
Он прощает все беззакония твои,
исцеляет все недуги твои...
Щедр и милостив Господь,
долготерпелив и многомилостив...
Дни человека — как трава;
Как цвет полевой, так он цветет.
Пройдет над ним ветер, и нет его,
и место его уже не узнает его.
Милость же Господня от века и до века
к боящимся Его...

(Пс 102. 1-3, 8, 15-16)

Невозможно читать по-русски. Я привык по-славянски, потому что звучит гораздо красивей, хотя и не совсем вам понятно.

Вот псалом 103-й. Интересно, что в русском переводе он надписан Давидом, в церковнославянском Давиду, это более правильно, а в оригинале *ле Давид*. Но это надо понимать не как точное указание на автора, а как псалом, который пелся в присутствии царя из рода Давидова, как бы выражая его чувства (повторяю, авторство здесь не важно).

Но что интересно — 103-й псалом очень напоминает гимн Эхнатона, гимн богу-Солнцу. Эхнатон жил в XIV веке до нашей эры, то есть почти за 400 лет до царя Давида. Гимн и псалом — они как

Псалтирь

бы перекликаются друг с другом. Я думаю, некоторые из вас читали этот гимн — он есть во многих антологиях по древневосточной литературе. В этом псалме дается картина мироздания:

Благослови, душе моя, Господа!
Господи Боже мой, возвеличился
еси зело...
Во исповедание и велелепоту облечлся еси.
Одеяйся светом яко ризою,
Простираяй небо яко кожу.
Покрываяй водами
превыспренняя Своя,
Полагаяй облаки на восхождение Свое,
Ходяй на крилу ветреню.
Творяй Ангелы Своя духи,
И слуги Своя пламень огненный.

(103. 1-4)

«Творяй Ангелы» следует перевести так: «Ты сделал духов Своими посланниками». Но на самом деле там стоит слово *ru'ah* — «ветер», поэтому надо — «сделал ветер Своим посланником» и «служой Своим — огонь», то есть Ты управляешь всеми стихиями.

Основаяй землю на тверди ея,
Не преклонится в век века.
Бездна яко риза одеяние ея,
На горах станут воды.

(103. 5-6)

А. Мень. От рабства к свободе

Бездна, согласно древним представлениям, об-
текала все мироздание; для нас это не водная безд-
на, как в древности, а бездна космоса. И дальше
идет картина мироздания в подробности:

Посылаяй источники в дебрях,
Посреде гор пройдут воды.
Напаяют вся звери сельные,
Ждут онагры в жажду свою...

(«онагры» — дикие ослы)

Насытятся древа польская,
Кедри Ливанстии, ихже еси насадил...

Кедры — это огромные хвойные деревья на горах
Ливана.

Тамо птицы возгнездятся,
Еродиево жилище предводительствует
ими...

(«еродий» — это аист)

Горы высокая еленем,
камень прибежище заяцем.

(103. 10-11, 16-18)

На самом деле в оригинале стоит слово «ша-
фан», которое перевели как «зайцы» — это такие
зверьки, родственники слонов; их называют дама-
нами (посмотрите в любой энциклопедии).

Псалтирь

Сотворил есть луну во времена,
Солнце позна запад свой.
Положил еси тму, и бысть ночь,
В ней же пройдут вси зверие дубравнии.
Скимни рыкающие восхитити,
И взыскати от Бога пищу себе...

«Скимны», то есть львы, молодые львы...
А потом наступает утро:

Возсия солнце, и собращася,
И в ложах своих лягут.
Изыдет человек на дело свое,
И на делание свое до вечера.

Дальше картины моря:

Сие море великое и пространное,
Тамо гади, ихже несть числа,
Животная малая с великими,
Тамо корабли преплавают,
Змий сей, его же создал еси
ругатися ему...

(103. 19-27)

Змий, или левиафан (в синодальном переводе), — это морское чудовище, мифологический образ, сотканный из представлений о морских животных, и его можно толковать по-разному; слово «левиафан» происходит от финикийского *лотану* — это олицетворение морской стихии, ми-

А. Мень. От рабства к свободе

ровой дракон. Но у псалмопевца он не бог, а морское животное типа лох-несского чудовища, которое плещется в водах. Дальше очень важные слова:

Вся к тебе чают, дати пищу
им во благо время.
Давшу Тебе им, соберут,
отверзшу Тебе руку,
всяческая исполнятся благости...

И вот важные слова:

отвращшу же Тебе лице, возмзутся,
отымеши дух их, и исчезнут,
и в персть свою возвратятся;

(103. 27-29)

То есть и животные, и растения, и человек — все живут духом Божиим; если нет духа, то они возвращаются в персть, то есть в пыль, в прах, в небытие...

«Благослови, душе моя, Господа», — так кончается этот псалом, как и многие другие.

И наконец, последний вопрос, который можно здесь поставить. Псалтирь называется книгой хвалений, славословий, в ней человек благословляет Бога. Что же это означает?

Мы часто в расхожих разговорах и в литературе встречаем мнение, что молитва есть выпрашивание, уговаривание, настаивание. На самом деле в глубине своей, хвала Богу — это не то, что хвала

Псалтирь

человеку. Богу не нужно это. Но любовь без хвалы не бывает. Вся лирическая поэзия теснейшим образом связана с этим.

Человек не может не говорить об объекте своей любви. Он говорит ему самые прекрасные слова. *Он радуется о нем!* — о том, что это существо есть, что оно существует. Так вот, в тайне мистики — славословие есть радость о Господе, радость, которая не может молчать, она подобна ручью, который пробивает все препоны и выходит наружу. И когда человек славит Бога, от этого он чувствует еще большую полноту жизни. Поэтому Псалтирь, хотя и является книгой бурь, тревог, страхов, поражений и снова побед, — она необыкновенно жизнеутверждающая.

Я говорил вам о своем знакомом, который понял Псалтирь только пережив горе, — он не только понял ее, а нашел что-то ему очень близкое в этой предельно архаичной книге, отделенной от нас 20 с лишним столетиями (а иногда почти 30, смотря какой взять псалом). Она обладает таинственной силой, которая выпрямляет исковерканную душу современного человека и делает ее полной мужества, надежды, жизнеутверждения — не ложного псевдо-оптимистического, которое надувается как пузырь и потом лопается, а подлинного, укорененного в самом бытии, когда человек находится рядом с Богом и чувствует Его присутствие.

В древности мудрецы иудейские говорили: если два или три человека собрались над священной книгой, то Дух Божий находится с ними. А Хрис-

А. Мень. От рабства к свободе

тос эти слова переиначивает и говорит: «Где двое или трое собраны во имя Мое, — Я там, среди них». Среди них — в гуще жизни, в центре жизни — это есть ось Библии и ось христианства.

Для того чтобы немножко поразмышлять над этим, я бы посоветовал вам заглянуть в одну удивительную книгу, которая называется «Соппротивление и покорность». Это сборник статей и писем, которые немецкий пастор Дитрих Бонхёффер писал в тюрьме, куда его бросили нацисты. Он был казнен в 39 лет, незадолго до конца войны.

Его книга, опубликованная после смерти его близкими, произвела огромное впечатление на английских, немецких, французских читателей; она переведена на многие языки. И вот в прошлом году впервые на русском языке эта книга с неплохими комментариями и вступлением была полностью напечатана в 10-м и 11-м номерах журнала «Вопросы философии»*.

Бонхёффер жил с Псалтирью, он очень часто ее читал. В критические моменты (ведь он не знал, чем все кончится), когда он переживал и ужас смерти, и внутренние кризисы, он писал: мы не должны оттеснять Бога на край жизни, туда, где у нас какие-то лакуны или провалы, а должны чувствовать Его в центре жизни (как он выражается, «в центре селения»). Это было выражением не слабости, а си-

* *Бонхёффер Дитрих. Соппротивление и покорность. Письма из тюремной камеры.* — «Вопросы философии», 1989, № 10/11.

Псалтирь

лы. Он был человек необыкновенного внутреннего мужества. И то, что Псалтирь, как и вся Библия, поддерживала его за решеткой, лишний раз доказывает ее огромное жизненное значение.

*Гюстав Доре.
Господь поражает левиафана (Исаия 27:1-13)*

А. Мень. От рабства к свободе

Спасибо, друзья. Я, конечно, мог бы говорить с вами о внешней стороне дела, о том, как определяется разбивка псалмов, что у нее есть двойная нумерация. В церковнославянских и русских текстах нумерация общая; но если сравнить с латинским, то она несколько отличается.

Почему возникло это отличие в нумерации? Вопрос второстепенный, потому что в Вульгате, например, некоторые псалмы соединены, некоторые разбиты на два. Кто из вас заинтересуется этим — в Брюссельской Библии есть специальная схема, для того чтобы ориентироваться в этих различиях. Но сами по себе они не столь важны. Мне кажется, это нужно знать тем, кто имеет дело с источниковедением, поскольку в старых текстах, когда вы будете изучать источники, встречаются ссылки на Псалтирь. Если это тексты латинские, или, скажем, английские, они не будут совпадать с нашей нумерацией на один порядок. Но эта сторона дела достаточно второстепенна, и вы можете прочесть об этом в любом кратком пособии.

Отвечаю на вопросы:

К сожалению, довольно трудно вам порекомендовать что-нибудь прочесть о Псалмах, потому что по-русски мало литературы. Есть книга Никольского, но она чисто историческая, потому что для него это просто памятник древневосточной ли-

Псалтирь

тературы. Это так, он прав. Но это не только памятник древневосточной литературы. Есть фундаментальная работа Юнгера «Вероучение в Псалтири», но это большой и несколько отвлеченный для вас труд. Он важен как систематизация различных догматических концепций в Псалмах.

А существуют святоотеческие толкования Псалтири?

Да, их довольно много. Есть которые приписываются Иоанну Златоусту, Иринею. Был такой русский богослов XVIII века, екатерининских времен, Ириней, архиепископ Клементьевский. Он в конце позапрошлого столетия написал двухтомное «Толкование на Псалтирь», и оно много раз переиздавалось, потому что являет собой свод святоотеческих толкований.

Перечень святоотеческих толкований можно найти в издании под редакцией Лопухина — это дорогая трехтомная «Толковая Библия».

Есть толкование Псалмов у Ефрема Сирина, христианского писателя-подвижника IV века, который сам был поэтом. Существовали разные имитации псалмов, уже в древности, скажем, были псалмы, которые писал кумранский Учитель Праведности; были псалмы Соломоновы, написанные около 60 года до нашей эры; были потом оды Соломоновы, были различные апокрифические Псалтири, написанные в подражание Псалмам; была Псалтирь Богоматери — серия молитвословий, об-

А. Мень. От рабства к свободе

ращенная к Деве Марии. Наконец, я уже говорил вначале, что есть множество русских и иноязычных парафразов и переложений псалмов.

Я надеюсь, что вы найдете и прочтете статью Аверинцева, — там переведено всего шесть псалмов. Это очень интересное решение, очень интересная попытка суммировать три пласта культуры, которые являются органической частью всей нашей цивилизации: древнееврейская Библия, эллинизм и эллинство, древнерусская литература и, наконец, русский язык — все эти пласты, которые связаны как в истории, так и в культуре, связаны в переводе Аверинцева.

30 апреля 1990 года

Эсхатология Ветхого Завета

<...> и я надеюсь, если будем живы — Бог даст... В будущем году мы так же попробуем сделать обзорный цикл по Новому Завету, по Евангелиям, Деяниям, Посланиям и Апокалипсису Иоанна Богослова. Ну, а сегодня — как бы завершающий штрих.

Хронологически — не в порядке расположения в наших изданиях книг Библии, а именно хронологически — одной из самых поздних книг Ветхого Завета является Книга пророка Даниила. Если с самого начала обратиться к ней непредвзято, она покажется двойственной, потому что первые главы — это сказание, история самого Даниила, его друзей, трех юношей — Анании, Азарии и Мисаила, — а потом внезапно все переходит на совершенно иной тон и стиль. Из мира драматичных, но в то же время эпических, счастливо заканчивающихся сказаний мы попадаем в область апокалипсиса.

Слово *апокалипсис* греческое, означает «откровение». Апокалиптической литературой принято называть литературу совершенно особого рода, которая возникла за несколько столетий до нашей

А. Мень. От рабства к свободе

эры и была пронизана ощущением грядущей мировой катастрофы.

Существует внебиблейская апокалиптическая литература. О ней вы можете прочесть в очерке Машкина «Эсхатология и мессианизм». Это ранняя работа, написанная в 1948 году. Она была включена в один из научных исторических сборников. Подробное библиографическое указание на эту литературу вы найдете в работе Машкина «История Древнего мира. Эсхатология и мессианизм». Он указывает на различные эсхатологические мотивы, но охватывает, конечно, не все.

Существует таинственная Книга Сивиллы, легендарной греческой прорицательницы, которая принесла в Рим книги о гибели мира, о будущих судьбах мира, о мировой катастрофе. От ее лица писали многие, и, как вы знаете, наряду с библейскими пророками на плафоне Сикстинской капеллы в Ватикане Микеланджело изобразил четырех Сивилл.

Различные книги предсказаний о будущем мира связаны с переломной греко-римской эпохой. Вообще, когда появился Александр Македонский, с этого времени мир содрогался в апокалиптическом ожидании конца. Конец действительно приходил в том смысле, что кончался некий огромный период истории человечества. И поэтому предчувствие гибели было у всех. Я рекомендую вам посмотреть очерк Фадея (Тадеуша) Зелинского. Это был профессор Санкт-Петербургского универси-

тета, польский ученый, но до революции все свои труды посвятил России, писал всегда на русском языке. В первые годы революции он вынужден был эмигрировать и жил уже в Польше.

Основная часть его трудов по античному миру опубликована на русском языке. У него есть небольшая работа, которая называется «Первое светопредставление». Она о том времени, когда Александр дошел до Индии, до фантастических стран, и греки впервые увидели Индийский океан с его огромными китами, которых никто никогда не видел раньше, когда преемники Александра делили гигантскую империю, когда был убит Август и совершился захват власти Суллой, — все это потрясало воображение людей.

Но первые намеки на апокалиптический жанр появились в иудейской среде, когда иудеи жили в изгнании, в Вавилоне. Пророк Иезекииль считается создателем апокалиптического жанра в Библии. Чем литературно характеризуется этот жанр? Во-первых, это усложненная, изощренная и изысканная символика. Авторы изображают события истории, но на самом деле перед нами не история, а параистория, метаистория, когда сущность исторических событий изображается под видом образов, символов, знаков.

Если пророки выступали как авторы своих произведений, как вестники Царства Божия, лично от себя передающие слово Божие, — авторы апокалиптических книг почти всегда выступали аноним-

А. Мень. От рабства к свободе

но или под псевдонимом. Им важно было показать, что им открылась какая-то модель мира, существующая извечно; что уже все где-то предрешиено, что им открылась как бы небесно-историческая карта. А если так, то хорошо, когда об этом говорит не наш современник (я имею в виду то время), а кто-то, говорящий из глубины веков.

Поэтому появляются апокалипсисы Еноха, потом целая енохическая литература переводится на многие языки, в том числе на эфиопский и на славянский. Один из древнейших текстов Книги Еноха сохранился до сих пор в славянском переводе; вы можете познакомиться с ним в переводе Сергея Сергеевича Аверинцева в книге «От берегов Босфора до берегов Евфрата».

На Руси Еноха читали с увлечением, переписывали, это была очень популярная книга, хотя она и не вошла в канон. Дело в том, что в древнейших преданиях человечества, в древнейших текстах Вавилона, Месопотамии существовало сказание о том, как бог Солнца взял к себе на небо одного из царей и показал ему все мироздание. Вот этот таинственный мудрец, увидевший мир, космос откуда-то с высоты — он как бы зафиксировался в традиции народов. Библия эту традицию не отвергла, хотя и отбросила всякие мифологические добавления.

В первых главах Книги Бытия мелькает Енох, на том месте, на котором хронологически, в порядке патриархов, древних царей должен находиться

допотопный шумерский царь Энмендуранн — этот древний «космонавт», который полетел на Солнце. На его месте появляется Енох, и сказано, что Бог взял его к Себе. Коротко сказано, и за этим кроется таинственная личность, вокруг которой, по-видимому, существовало немало сказаний и легенд. Для апокалиптика, мудреца, который стремился угадать тайну истории, такая фигура была наиболее привлекательной.

И вот появляется книга о тайнах космоса, истории, о тайне зла. Апокалиптическая литература сосредоточена на тайне зла, на борьбе между злыми и добрыми силами, тогда как в пророческой, пророческой литературе отсутствуют привычные для нас понятия о демонических силах. В древний период Ветхого Завета библейские учителя старались избегать этой темы, чтобы люди не соблазнились идолопоклонством. Потому что рассуждения о темных злых духах могли бы легко привлечь их к поклонению этим духам.

Это хорошо видно на примере нашего XX века — сразу, как только начинается какой-то темный оккультизм, люди тянутся к нему, как мухи на запах. И достаточно сказать, что в XX веке существуют храмы сатаны и всякая подобная демономания. А уж для древнего человека, для которого боги часто были и злыми, и добрыми одновременно, вера в демонов была отделена от политеизма тонкой перегородкой. Но ко времени апокалиптики монотеизм уже твердо утвердился.

А. Мень. От рабства к свободе

В эпоху эллинизма израильтяне больше не колебались, не отступали от единобожия, поэтому вопрос о происхождении зла становился острым и актуальным. И Книга Еноха пытается открыть эту тайну. Она говорит о том, как в древности некие ангелы научили людей магии, — это своеобразное толкование 6-й главы Книги Бытия, где сказано, что сыны Божии, то есть ангелы, полюбили дочерей человеческих, и у них родились дети, ставшие титанами. Место сложное, толкуется по-разному, но достаточно емкое для того, чтобы из него мог родиться и миф, и очень сложные гностические концепции, и впоследствии, наверно, знакомая вам драма-мистерия Байрона «Небо и Земля».

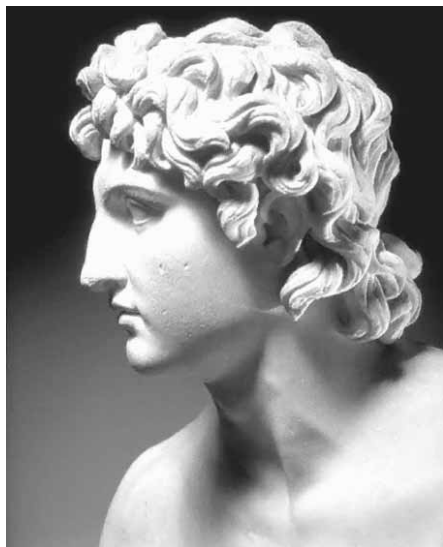
Апокалиптические книги приписываются различным мудрецам древности. Не только Еноху, но также Мелхиседеку, некоторым реально существовавшим пророкам: Моисею, Исае. Есть апокалиптическая книга, посвященная Ною, в которой Ной говорит от себя. Короче, это целый поток, из которого ветхозаветная Церковь приняла только Книгу Даниила. Она была написана в самых критических обстоятельствах.

Дело в том, что когда мы касались с вами Исторических книг, я говорил вам о попытке уничтожить библейскую религию, которая имела место во II веке до нашей эры. Напомню вам еще раз об этих обстоятельствах, кратко.

После раздела империи Александра Македонского Палестина и Сирия находились под властью

Эсхатология Ветхого Завета

Селевкидской династии, и один из правителей, Антиох Епифан, около 170 года до нашей эры пытался распространить свою власть и на Египет. Но тут вмешались римляне. В это время Рим, который боролся с Карфагеном и одолел его, боялся распространения влияния соперников; и когда Антиох высадился, его встретили римские отряды во главе с сенатором, который сказал: «Уводи войска».

*Александр Македонский.
Римская копия с греческой статуи. 338 год*

А. Мень. От рабства к свободе

Антиох, крайне раздосадованный, но понимая, что не может тягаться с римлянами, ответил, что просит время на размышление. Тогда сенатор, как рассказывает нам летопись, начертал вокруг него на земле круг и сказал: «Думай здесь». Это было вежливое указание, что «думай немедленно, сейчас». Пришлось «собраться с вещами» и уходить. Антиох отступил, но будучи в крайней досаде, начал сплачивать всех, кто был в его владениях. Ему хотелось создать некое единство в своем государстве, столицей которого была Антиохия — город в Сирии. Сейчас этот город исчез — на его месте небольшая арабская деревня.

Так вот, царь Антиох IV (его называли Епифан или Эпифан, что значит «явленный бог», так как он был убежден, что через него явился Зевс на земле), вероятно, был очень одаренным человеком, но странным и, может быть, немного безумным; но политически он был человеком достаточно дальновидным. Он начинал процесс, как бы мы теперь выразились, «идеологической обработки» всего населения своей державы, процесс создания моноидеологической структуры. И все религиозные доктрины, верования, традиции, культы, которые там существовали, должны были быть окрашены в эллинистический цвет с добавлением культа самого Антиоха.

Реформа эта проводилась повсеместно довольно успешно; например, сирийский бог Ваал-шамем, то есть бог неба, был обозначен как очередной

Зевс, и все это как-то соединялось и окрашивалось в греческие тона. Греческие обычаи, язык, моды, техника проникали всюду, на весь Ближний Восток, в том числе и в Иерусалим. Но когда Антиох выяснил, что в Иерусалиме не принимают его религии, он задумал решить эту проблему силой.

Вспыхнули первые в истории массовые религиозные гонения. Иерусалимский Храм был захвачен, во дворе его поставлен алтарь Зевсу, этому самому Ваал-шамему, богу неба; перед алтарем были принесены в жертву свиньи, которых в Ветхом Завете не разрешалось употреблять в пищу; все экземпляры Библии старались отыскать и сжечь — иудейская религия была запрещена. Народ начал бежать из городов в пустыню. Когда эмиссары царя стали разъезжать по городам, ставя всюду жертвенники Зевсу, то священник Маттафия призвал народ к восстанию, и началась тяжелая, сначала партизанская война против Антиоха-Епифана.

Началась «эра ужаса», которая продолжалось несколько лет, примерно между 170 и 164 годами, эра, когда появились первые мученики за веру, когда убивали детей вместе с матерями, вешали, бросали в пропасти, публично пытали.

В Маккавейской книге описано, как старого учителя закона Елеазара привели к судье, который предлагал ему отречься от своей религии, чтобы и другие последовали за ним. Но Елеазар ответил: «единственное мое желание — умереть за веру, и я не хочу сохранить свою жизнь ценой соблазна».

А. Мень. От рабства к свободе

Значит, в то время уже была выработана та житийная модель, которую вы встречаете в старинных житиях христианских мучеников. Гибель семи братьев Маккавейских, погибших на глазах у матери, которая присутствовала при их пытках и укрепляла в них стойкость, — это уже так называемая мартирология. У нас даже есть специальный церковный праздник в честь этих братьев и их матери.

И вновь с особой остротой стал возникать вопрос, который задавали и до этого: а что же ждет этих людей, которые отдали свою жизнь за веру? Если нет посмертного воздаяния, то все становится бессмысленным. Но уже в IV и III веках некоторые пророки говорили о том, что существует воздаяние, и воскресение из мертвых есть вершина и увенчание мировой истории.

Именно в это время появляется Книга Даниила. Она написана якобы от лица мудреца Даниила, который жил в вавилонском изгнании, в Плену. Никаких других свидетельств о том, что такое лицо существовало, у нас нет. Мы только знаем, что в Вавилоне ходили легенды о нем, что именем Даниил назывался очень древний угаритский царь, мудрец. Во всяком случае в VI веке о нем помнили. Перевод угаритского текста об этом царе есть в книге Шифмана об Угарите. Этот царь там называется Данилу.

Но для нас важна не столько историческая основа, сколько смысл Книги Даниила. Первая часть — это

манифест религиозной свободы. Это книга о том, как надо исповедовать свою веру и как надо за нее бороться. В ней несколько эпизодов, связанных между собой лишь общими героями. Антигерой — это царь Навуходоносор. Он весьма далек от исторического Навуходоносора, это тип богоборца. Он ставит в поле огромного идола, перед которым все должны поклониться. Но Даниил и его друзья отказываются это делать. Другой царь, Дарий Мидянин, издает приказ: никакой молитвы, никакого бога — кроме царя. Поклоняться только царю. Даниил продолжает молиться каждый день. На него доносят, его бросают в ров со львами, но львы его не трогают.

Отроки, друзья Даниила, отказываются нарушить Божий закон, и их бросают в гигантскую раскаленную печь, но они остаются живыми. Навуходоносор превозносится перед Богом — и вдруг его поражает безумие и он становится, как животное: питается травой и живет, как бессознательное существо. Это связано с его гордыней, потому что он выходит на башню и говорит: вот мой город, который я построил. Таким образом, эта книга анти-тираническая, она направлена против подавления веры; эта книга напоминала людям — хорошим, страдавшим, мучившимся — о том, как надо жить и действовать и что Бог все равно победит.

Вторая половина книги — это уже видения. Здесь образы переходят в *аллегории*, в аллегории исторических сил. Перед нами первая достаточно ясно выраженная, хотя и символически, иконно,

А. Мень. От рабства к свободе

образно, библейская философия истории. Это не падение вниз, как у греков, и не восхождение вверх, а это нарастание напряженности между двумя полюсами. Из моря выходят чудовища (символ сатаны) — противоестественные чудовища с крыльями орлов, с телами барсов, с клыками медведей — это мировые империи.

Империя есть уродство, что-то навязанное, ненормальное для общества, и поэтому она изображена как монстр. А потом появляется новое царство, и олицетворяет его некто, подобный Сыну Человеческому (по-арамейски *бар-энаш*), то есть просто человек. Он противостоит чудовищу, он идет подобно человеку и подходит к Престолу Бога, Который создает новое Царство. Империи рушатся, и возникает Царство Сына Человеческого. Тогда поднимаются праведники и сияют, как звезды, все погибшие за веру, все умершие — мир возрождается и преображается.

В этом как раз и смысл Книги Даниила: торжество Божественных замыслов, красота свершения и Сын Человеческий. Человечность Бога и Его Царства. Заметьте, что Христос всегда называл Себя Сыном Человеческим, напоминая об этом образе. Кстати, этот образ есть и в Книге Еноха. Это Мессия, Избавитель, это одновременно и олицетворение Церкви как народа Господня, это та *общность*, которая *прорастает в человечестве* — и тогда, и сегодня, и завтра. Прорастает, бросая вызов чудовищам.

Эсхатология Ветхого Завета

Книга Даниила — это последний раскат старого мира и переход к новой эпохе, эпохе новозаветной. Иисус Христос пришел в мир, наполненный апокалиптическими ожиданиями. В то же время

Гюстав Доре.

Мученическая кончина старца Елиазара (2 Маккавейская 6:18-31)

А. Мень. От рабства к свободе

греческий и иудейский миры сомкнулись, и начался интенсивный диалог. Появляется Филон Александрийский, родившийся за 20 – 30 лет до нашей эры. Человек, родным языком которого был греческий, автор интереснейших толкований на ряд библейских книг, деликатный, терпимый, прославленный, он создает те модели толкований, которые потом перейдут к отцам Церкви.

На греческом языке во второй половине I столетия до нашей эры пишется Книга Премудрости Соломоновой. Вы ее найдете в наших полных изданиях Библии. В ней уже идет полемика с эпикурейством – вульгарным, конечно. Эпикурейцы говорили: коротка наша жизнь, будем есть, пить, веселиться, в общем, такой плоский поверхностный гедонизм. Но они ошиблись, говорит автор Книги Премудрости.

И вот мир начинает приходить в брожение. В 30 году до нашей эры происходит знаменитая битва при Актейском мысе, в которой победа достается Октавиану Августу. Кто из вас забыл историю, вспомните фильм «Клеопатра» – там немножко все приукрашено, но битва морская изображается. Ее описывали Вергилий и другие поэты и историки того времени. Наступила пора единодержавия. Коллективные руководства, триумvirаты – все это постепенно кончалось борьбой между диктаторами, и один из них выходил на поверхность.

Началось все это за несколько десятилетий до того, когда Юлий Цезарь стал стремиться к единов-

ластия. Но он опередил время и был убит, как вы знаете, в 44 году. Поэты писали, что в час, когда он умер, затмилось солнце. И в Риме считали, что наступает время, предсказанное Сивиллой, — конец гигантского мирового периода, когда все погибнет в огне и неизвестно где возродится. Но к власти приходит Август и устанавливает мир во всей империи.

Огромное пространство, охватывающее Северную Африку, Западную и Восточную Европу, Ближний Восток, — оказывается под одним правлением. От Британии до Африки — все эти регионы пересекают римские дороги. Постепенно всюду устанавливаются римские законы; распространяется греческий язык, *койнэ*, он становится языком, на котором можно изъясняться от Испании до Индии и Средней Азии. Мир подготавливается к какому-то *универсальному событию*.

И когда свершилось *примирение*, Вергилий в своей 9-й эклоге напишет, что наступает царство Сатурна, грядет новое царство, потому что родился младенец, который установит над миром вечное господство после бесконечных, страшных гражданских и международных войн.

В мощном Парфянском государстве (на территории нынешнего Ирана, частично Средней Азии) пойдет слух о скором рождении *Саошианты* — «Избавителя мира». А в Индии в это время появятся два предсказания: о рождении нового Избавителя — Майтреи Будды, или нового воплощения Вишну, воплощения Калки, Избавителя, который придет

А. Мень. От рабства к свободе

на белом коне. В каждом народе в этот критический момент было ожидание великих событий.

Археологи изучали астрономические документы Древнего Востока того времени. Тогда еще в

Три отрока в пещи огненной. Новгородская икона. Конец XV века

Месопотамии не забыли клинописи, и были найдены таблицы вавилонских жрецов, которые рассчитывали движение планет. Астрология была в моде, как и теперь, потому что, безусловно, движение истории как-то связано с космосом. И человек хочет угадать эту связь (может быть, правильно делает). Но это стремление — оно всегда возрождается в эпоху, когда кончается одна эра истории и начинается другая. Тогда астрология достигает необычайно высокого уровня.

В Вавилоне с большим вниманием следили за созвездиями. Об этом свидетельствуют записи вавилонских жрецов на глиняных табличках. В 7 году до нашей эры они фиксируют положение «царских звезд» — Сатурна и Юпитера, когда они сходятся в знаке Рыб. Для них это сочетание имело огромное значение, ибо означало рождение великого царя. Это был 7 год до нашей эры...

Много-много веков спустя знаменитый немецкий астроном Иоганн Кеплер, заинтересовавшись астрологическими проблемами, задумался над тем, что обозначает звезда, описанная у евангелиста Матфея, — звезда Вифлеема. И он прочел у иудейского толкователя Исаака Абрабанеля, что в древности знаком грядущего Мессии считалось схождение Юпитера и Сатурна в знаке Рыб.

Кеплеру не составило большого труда подсчитать, что это происходило за семь лет до нашей эры. Новые находки, уже современные, указывают на то, что именно тогда жрецы Вавилона следили

А. Мень. От рабства к свободе

за этой таинственной звездой (или созвездием, или сочетанием звезд). Сегодня многие историки думают, что именно это их сочетание побудило восточных магов двинуться в Иерусалим, чтобы приветствовать новорожденного Царя.

Конечно, они плохо представляли, что они там найдут; возможно, они думали, что, придя в город, услышат шум и ликование толпы, которая приветствует родившегося во дворце царя. Но когда они прибыли в Иерусалим, ничего подобного не услышали. И им пришлось расспрашивать людей, как пишет евангелист Матфей, где родился царь иудейский? Но никто не мог им сказать, потому что царем иудейским был Ирод, которому было уже под 70. Детей у него было много, но половину из них он уже перебил, истребил, и новорожденных среди них не было.

А почему же маги пошли в Иерусалим? Корнелий Тацит, древнеримский историк, так же как и другие античные историки, говорит о том, что в это время по всему цивилизованному миру ходило такое поверье, что из Иерусалима выйдет тот, кто станет Властителем Вселенной. И поэтому маги, или волхвы, отправились именно туда. Их привела звезда. Когда их спрашивали в Иерусалиме об этом, они отвечали: «Мы видели звезду Его на восходе». В нашем синодальном переводе вы прочтете: «Мы видели звезду Его на востоке». В оригинале стоит греческое слово *анатоле*, но это означает не «восток» в буквальном смысле слова, а «восход», и

перевести это надо так: «Мы видели восхождение Его звезды».

Если они сами пришли с востока (очевидно, с запада прийти они не могли — там море), то они должны были видеть звезду на западе. Поэтому они говорят: «мы видели восхождение Его звезды и пришли поклониться Ему».

В русском переводе их называют «волхвы» — в соответствии со старинным древнерусским представлением о языческом жреце. В греческом оригинале стоит слово *μάγος*, или «маги». Маги были древним персидским племенем, которое выдвинулось впоследствии в жреческую касту, тесно связанную с религией Заратустры, с той религией, которая была как бы некоторым двойником библейской религии — она провозглашала вечного единого Бога и грядущее Царство, в котором будет одержана победа над тьмой. Это грядущее Царство должен был открыть Избавитель мира — *Саошиант*. И вполне понятно, что предвидя рождение такого царя, Саошианта, волхвы пошли Его приветствовать.

На этом узле и соприкасаются Ветхий и Новый Завет, древний и новый мир. Что мы видим в этот момент? Мир достиг очень многого. Почти всего того, чего он достиг сегодня. Материализм был? Был — это Демокрит и его ученики. Гедонизм, считающий, что только удовольствие является главной целью человека, был? Был. Было ли стремление «хипповать», ходить в чем попало и лежать на улице? Было. Это были киники и их последовате-

А. Мень. От рабства к свободе

ли, которые провозглашали: что естественно, то не постыдно — назад к природе! Был ли философский мистицизм? Был, — у пифагорейцев. Было и этическое учение: мудрость Сократа, мудрость Эпикура, мудрость стоиков, наконец. Все было.

Стоицизм — колоссальное, широко распространенное движение — утверждал, что человек должен мужественно противостоять неизменно вращающемуся миру, который все равно погибнет и возродится вновь, и ничто уже не будет иметь своего окончательного исхода. Мир не может стать лучше, и поэтому самая достойная позиция — это быть твердым. А ведь такая же позиция была и у буддизма.

Буддизм — классический, который не признавал Ишвары, личного Творца, в конце концов пришел к мысли, что человеку и миру лучше исчезнуть. Для того чтобы найти счастье, надо выбросить за борт и самого человека. Избежать несчастья — значит избежать жизни вообще, уйти из жизни. И вы посмотрите, какой колоссальный спектр учений, доктрин.

Я не упомянул сейчас о науке, но вы прекрасно знаете, что все основы современных наук, геометрии, астрономии, физики, биологии, психологии, поэтики, истории — все основы были заложены в античную эпоху и часто вмещались в одной могучей голове, какой была голова Аристотеля.

Вспомните Архимеда, Эвклида! До сих пор в XX веке школьники ползут по тропинкам, которые проложил Эвклид многие-многие столетия назад.

Значит, предпосылки для технической цивилизации уже были, то есть мир исчерпал все: и единобожие, и поклонение демонам и различным богам — и злым, и добрым. Человек как бы испытал все, что мог, чего мог достигнуть своими силами. И все это соединилось в Римской империи.

Если бы мы с вами оказались в Риме в 7 году до нашей эры, когда совершилось таинственное соединение двух звезд, то мы бы увидели на улицах Вечного города и изваяния старых греческих богов, к которым горожане относились уже формально и даже насмешливо; и таинственные храмы египетской Изиды, олицетворявшей для людей материнское начало — Мать-Землю; и места тайных сходов членов мистерий, которые давали клятвы не выдавать этих обрядов; и члены групп так называемых *бакханалий* — это люди, объединявшиеся для священных радений в честь Диониса. Отсюда слово «вакханалия», которое у нас означает разгул. На самом деле *бакханалия* — это «община». Ее члены подвергались в Риме гонениям.

Были и молитвенные дома иудеев, которые верили в единого Бога и утверждали, что следование Его нравственным заповедям есть путь к Царству Божию, но в борьбе за чистоту веры они настолько замкнулись в себе, что с величайшим трудом могли нести эту веру язычникам.

Мы найдем и греков, и римлян, и сирийцев, которые принимали ветхозаветную веру, их называют «прозелиты». Мы найдем в Риме и почитате-

А. Мень. От рабства к свободе

лей египетского Аписа и Сабазия*, и философских скептиков, и глубоких мистиков. То есть, можно сказать, вся лаборатория человеческих исканий в это время пришла в движение. И апостол Павел говорит нам, что когда наступила «полнота времен», тогда послал Бог Сына Своего. Новый Завет дается в центре истории, когда человек совершил колоссальный подвиг — вырвался из тисков материи, осознал себя и проложил пути в Вечность. Он задал жизни, природе, Небу, Богу самые острые вопросы. И приходит Евангелие, которое дает ответ.

Когда мы будем изучать текст Нового Завета (вернее, к сожалению, не изучать, а лишь обзорно проходить по нему), мы с вами увидим, какой же ответ дан на все эти вопросы.

Мне было очень приятно с вами видиться за эти месяцы. Если я был слишком короток, то в этом, к сожалению, повинны наши внешние условия. У меня вначале был иной план. Я хотел вас посвящать в некоторые тайны библейской науки, с точки зрения литературоведения, источниковедения, но я понял, что сначала мы должны познакомиться с сутью дела. Потому что Библия — это не просто исторический памятник, а нечто особое. Только поняв ее суть, мы можем говорить о вещах служебных, второстепенных. Потому что тогда становится

* Сабазия — бог-целитель, культ которого был распространен сначала во Фракии, потом в Греции (с нач. IV в. до н.э.) и в Риме (со II в. до н.э.).

Эсхатология Ветхого Завета

ясно, ради чего стоит размышлять над этими текстами, искать наиболее точное древнее прочтение, ради чего нужно уточнять переводы и так далее.

Тем не менее, я хотел бы, чтобы в заключение вы, по крайней мере, почувствовали, что корпус Ветхого Завета — сложный, буйный, противоречивый — это не просто прелюдия к Новому Завету, не просто предсказания, а он содержит в себе те непреходящие элементы, которые Иисус Христос санкционировал, одобрил и расставил как вечные христианские принципы.

30 мая 1990 года

Введение в Новый Завет

Я мог бы показать различные с точки зрения истории, литературы, теологии подходы к Новому Завету, то есть сделать синтетический обзор. Можно было бы остановиться на различных частных аспектах, более интересных для вас как для специалистов, — скажем, на истории манускриптов, истории переводов. Я думаю, что в этом есть смысл, но лучше это сделать в конце — когда мы с вами охватим целое, можно будет перейти к деталям. А сейчас — Новый Завет.

Нет необходимости говорить вам о том, какое огромное, мощное влияние оказывает Новый Завет на всю культуру земного шара на протяжении истекших двух тысяч лет. В настоящее время Новый Завет является священной книгой полутора миллиардов христиан, он высоко ценится и мусульманским миром, и очень многими людьми, которые стоят вне религиозных конфессий.

А центр, стержень Нового Завета — это *Евангелия*. Слово это происходит от греческого *евангέλιον*, что означает «радостная весть». В старину это слово употреблялось в тех случаях, когда вестник приносил с поля боя сообщение об успехе или победе или другие радостные известия. В Ветхом Завете слово

А. Мень. От рабства к свободе

«радостная новость» (*бесора́*) иногда употреблялось в духовном контексте — как весть с Неба, весть Божественная. Так вот, слово «евангелие» принесено в мир Христом в том смысле, в каком мы его употребляем сегодня.

В Библии, в Новом Завете нет слова «христианство». Его мы создали позднее, подобно таким понятиям, как платонизм, аристотелизм, манихейство, арианство. Это как бы учение, некая доктрина. Между тем то, что возвещается в Евангелиях, гораздо глубже и шире какой-либо доктрины. Это есть «Радостная весть» — так Христос хочет называть Свое учение.

Мы имеем четыре Евангелия. Возникает вопрос: почему четыре? Сначала исторический факт: уже во второй половине I столетия нашей эры их было четыре. Хотя общеизвестно (мы потом этого коснемся), что многие люди писали о Христе и в первом, и во втором, и в третьем и в последующих столетиях — никогда не исчезала и не уменьшалась литература о Нем. Но уже во II столетии епископ Лиона, города галльского, французского, Ириней пишет: Евангелий четыре, как четыре конца света, то есть он берет символ космичности и сравнивает его с четырьмя Евангелиями.

Во время раскопок на Востоке был найден манускрипт евангельской гармонии. Сирийский писатель II столетия Татиан (или «Тациан», как иногда его имя транскрибируют) составил из четырех Евангелий одно цельное повествование, которое

А. Мень. От рабства к свободе

называется «Диатессарон». Эта книга пользовалась почти таким же авторитетом, как наши четыре канонических Евангелия. И то, что Татиан взял за основу своей компиляции именно четыре канонических Евангелия, показывает, что в его время они уже были признаны в своем роде единственными и уникальными.

Вероятно, некоторые из вас видели книгу «От берегов Босфора до берегов Евфрата», вышедшую в переводах и под редакцией Сергея Сергеевича Аверинцева и посвященную сирийской, коптской и греческой апокрифической литературе; она вышла в прошлом или в позапрошлом году*. Кроме того, вышла книга «Апокрифы древних христиан» в переводах Трофимовой и Свенцицкой**.

Итак, даже с точки зрения чисто литературной мы сегодня можем понять, насколько четыре Евангелия возвышаются над апокрифической письменностью. В этой литературе вы найдете все: она является типичным фольклором с традиционными приемами народного творчества. В ней много украшений, иногда фантазий (иначе это не назовешь), которые кажутся нам не только неправдоподобными, но глубоко противоречащими духу Евангелий.

В связи с этим я напомним читавшим Евангелия (и тем, кто не читал) такой эпизод (из канонических Евангелий): когда Иисус Христос шел в Иерусалим, Он должен был остановиться в самарянской

* Книга была опубликована в издательстве «Наука» в 1987 г.

**М.: Мысль, 1989.

деревне; самаряне с иудеями враждовали и не приняли Его и учеников; усталые и раздраженные, они сказали: «Учитель! призови гром и молнию, как когда-то сделал Илия, пусть разразит этих самарян». А Он ответил им: «Не знаете, какого вы духа. Сын Человеческий пришел не губить, а спасать»*.

Весь этот эпизод есть в древнейших рукописях, но там нет фразы «Не знаете, какого вы духа». И большинство историков считает, что эта фраза попала туда из какого-то древнего текста. Но по внутреннему содержанию, по духу она глубоко гармонирует с тем, что составляет всю сущность Евангелия.

А в апокрифах? Мы видим там образ Христа, разительно отличающийся от того, который есть в канонических Евангелиях. В детстве Он то и дело старается проявить Свое могущество; например, из мести Он творит весьма неприятные чудеса. И если евангелисты целомудренно молчат о том, чего они не знают, скажем, о тайне Воскресения, которое нельзя описать, то апокрифы расцвечивают это самыми фантастическими красками: выходит Воскресший из гроба, за Ним идет фигура, все это видение достигает до неба, за Ним движется Крест и так далее, — то есть это совершенно не то, что мы находим в Евангелиях с их скупым, лапидарным, почти летописным стилем.

Надо сказать, что по сравнению с древней литературой Евангелия — это новый жанр. Были и биографии, и летописи, и эпосы, и поэмы, и исто-

* Ср. Лк 9. 54-56.

А. Мень. От рабства к свободе

рические повествования о тех или иных событиях, скажем, о Пунических войнах или еще о чем-нибудь, — была богатая литература. Но такой особый жанр, как Евангелия, был создан именно христианской Церковью.

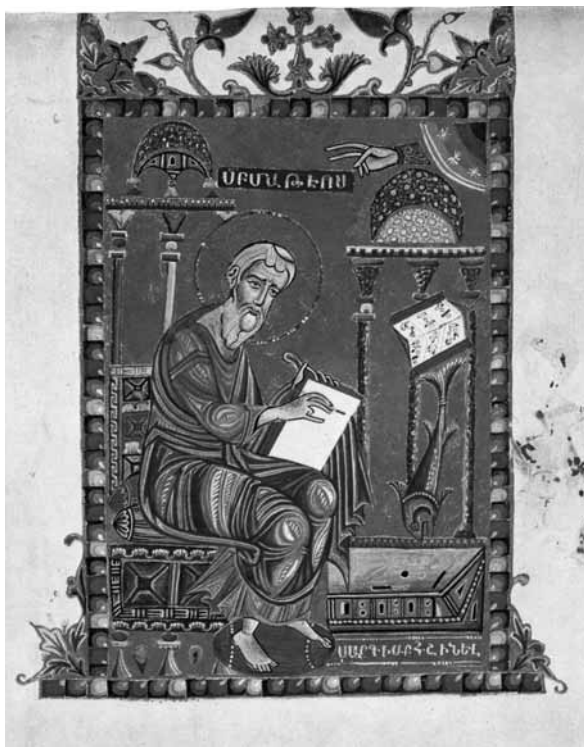
Маленькая, интересная для вас деталь: самый ранний текст Евангелия, сохранившийся и найденный при раскопках, — это кодекс, а не свиток. Дело в том, что в течение сотен и тысяч лет значительная часть человечества, а именно средиземноморская, пользовалась свитками — и в Греции, и в Риме, и в Египте. И только начиная с христианской эры кодексы, то есть книжки, начинают входить в моду. Они были более дешевыми. Во-первых, они позволяли использовать папирус или пергамент с двух сторон. Во-вторых, их можно было носить с собой — в кармане или в сумке. Свиток гораздо менее удобен; и у него вторая сторона, как правило, оставалась пустой.

Многие историки книги считают, что именно христианство, проповедуя широким кругам общества, стимулировало развитие кодекса. И сегодня, в общем, мы все свои книги, журналы и даже газеты печатаем в виде кодексов, свиток остался в прошлом.

Итак, Евангелия — это исключительно оригинальный жанр. Это не биография. Древний мир знал биографию? Да, конечно. Я думаю, что вы сами назовете биографов, которые вам известны; хотя бы взять Плутарха — этого уже достаточно. Биог-

Введение в Новый Завет

рафия обстоятельна; она начинается с родителей, семьи, происхождения, юности и последовательно проходит вместе со своим героем до его смерти. Евангелие – фрагментарно; последовательность

*Евангелист Матфей.
Армянская миниатюра. XIII век*

А. Мень. От рабства к свободе

повествования в нем очень относительная, только эпизод страданий, распятия Христова везде имеет характер связного рассказа.

В то же время Евангелие не является сборником каких-то поучений. Это — жизнеописание, но жизнеописание, которое имеет целью сказать людям о чем-то очень важном; не просто поделиться с ними некими событиями, свидетелями которых они были, а засвидетельствовать о вере. Большинство современных ученых считают, что Евангелия сложились на богослужебных, молитвенных собраниях, когда пелись псалмы, читалась Библия и тут же читались тексты, посвященные жизни и учению Христа.

Здесь мы должны остановиться на одной очень важной детали, характеризующей Евангелия. Учение, которое там излагается, не есть идеология, отвлеченная доктрина, философская концепция, а это есть нечто, неотделимое от Личности, от *образа* Того, Кто говорит с нами через эту книгу.

Это ось всей Библии, это ось всего христианства, это ось мировой истории. «Христос» значит «Царь». Он — Царь истории. Он совершенно исключительная Личность. Апостол говорит: Иисус Христос вчера, сегодня и завтра — Тот же*. Блаженный Августин Аврелий, великий писатель IV века (он пришел к христианству в зрелые годы), говорит: как поздно я узнал Тебя, Любовь! — какая прекрасная, какая древняя красота и вечно юная.

* Ср. Евр 13. 8.

Бесчисленное количество крестов, распятий, куполов, храмов, картин, поэм, молитв и музыкальных произведений — все это связывается и вращается вокруг одной Личности. Апостол Павел говорит даже больше: религия (как он говорит, Закон), то есть те традиционные, ритуальные, религиозные обычаи на самом деле тускнеют, как звезды перед Солнцем, когда является Христос. Через Него открывается людям не просто какая-то система моральных заповедей, а нечто гораздо большее!

У нас теперь принято говорить, что христианство приносит общечеловеческие ценности. Это верно. Но если уж говорить об этих ценностях, то скажу вам откровенно: возьмите «Нравственные письма» Сенеки, римского философа, современника евангельских событий, — все эти общечеловеческие ценности вы там найдете! И мужество, и выдержку, и доброту, и чистоту мыслей, и честность, и даже самоотверженность — все найдете. Это прекрасная литература. Так же как писания Эпиктета, римского стоика, как и писания других стоиков. Это великолепно. Это глубже, чем Монтень... И это, действительно, книга о жизни.

Недавно вышла в новом переводе книга императора Марка Аврелия «Наедине с собой». (Я читал ее в старом переводе.) Это одна из лучших книг мировой истории! Этот человек, которому подчинялась огромная Римская империя (конец II века нашей эры), — какие он находит слова о жизни, о

А. Мень. От рабства к свободе

смерти, обо всем... Вот тебе и общечеловеческие ценности — не нужно ни христианства, ничего.

Я говорю это к тому, что Евангелия содержат нечто, повторяю, бесконечно большее. А что содержат — вы должны понять и почувствовать по мере углубления в этот текст.

Знаменательно, что Христос никогда не говорил о Себе прямо, определяя Свою роль: это было всегда косвенное свидетельство. Он говорил: «Я есть дверь (врата)... Я есть виноградная лоза, а вы ветви». Он говорил: «Я и Отец — одно». Но это опять было тайной, потому что так мог сказать и индийский мудрец, который считал себя единосущным Брахману...

А в Апокалипсисе Он говорит о Себе: «Я есть Альфа и Омега, начало и конец». И когда Он должен был сказать о Себе как о Христе, Царе, Он не сказал: «Я — Царь». А Он сначала спросил учеников: «За кого Меня считают люди?» Они начали говорить: «за пророка, за Иоанна Крестителя, который ожил... за Илию-пророка». «А вы?» Тогда Петр сказал: «Ты Царь, Ты Христос, Сын Бога Живого». То есть Он всегда ожидает ответа человека, чтобы человек сам это почувствовал.

Он не навязывает ему извне Свою тайну. Почему? Потому что она с величайшим трудом формализуется в какой-то отточенной форме. Ее надо постичь внутренним видением. Ее надо услышать внутренним ухом; недаром Христос любил старинную поговорку: «кто имеет уши слышать, да слышит».

Можно иметь уши, но глухие. Этот звук особый. Это то, что дано человеку, единственному из всех существ, — услышать гармонию сфер, услышать голос Запредельного. И очень часто словами сказать об этом почти ничего нельзя. И все то, что говорится о Христе, это всегда метафора.

Образ Его поразителен тем, что нарушает все литературные традиции.

Во дни моей юности в советской литературе присутствовали такие «розовые» герои, которых по заказу изготавливали верноподданные писаки. Но даже они, создавая этих розовых, безгрешных «кавалеров Золотой Звезды» и председателей колхозов, — даже они обязательно где-то должны были найти в этих людях какую-то негативную черточку; иначе все становилось безнадежно, литературно, абсурдно. Ибо рельефна может быть только фигура, у которой есть тени. Я думаю, вам понятно: потому что все мы — существа с тенями. И вот каждый из четырех евангелистов создает совершенно светлый образ. И казалось, Он должен быть литературно неосязаемым, бесплотным. Но Он настолько могуч, что разбивает барьеры стран, языков, народов и эпох! Он остается живым и сегодня.

Вот эта тайна в христианском богословии называется тайной боговдохновения. Это значит, что люди, может быть, даже не обладающие ярким литературным талантом, под влиянием какого-то особого вдохновения создают уникальные произведе-

А. Мень. От рабства к свободе

ния; уникальные не в чисто литературном смысле, а по своим свойствам...

Уже полвека я читаю эту книгу, но все время нахожу в ней что-то новое. Она настолько многослойна, что как бы отвечает твоему настроению, твоему состоянию, она может тебя упрекать, она может вести с тобой беседу, она может от тебя закрыться и стать совершенно недоступной, просто набором букв.

С чем это связано? Если бы это написал один человек, если бы был один евангелист, мы, по крайней мере, имели бы право сказать: жил литературный гений, самородок, который и создал это. Жан Жак Руссо говорил, что создавший, выдумавший такой образ был бы более поразителен, чем сам оригинал.

Но мы находим четырех авторов. И поэтому, по-видимому, речь идет не о *создании* образа, а Его *отображении*. Я всегда вспоминаю слова немецкого историка Юлихера (он жил в начале нашего столетия), который очень глубоко изучал Евангелия и говорил, что чувствуется, как евангелисты едва справляются с той темой, с тем образом, с тем материалом, как он говорил, которым им надо было овладеть. То есть они были ниже сами по себе как писатели, как люди, ниже того, о чем они говорили.

Возникает естественный в ваших устах вопрос: но все-таки, стоит ли за этим сводным повествованием какая-либо реальность? Может быть, четыре

Введение в Новый Завет

автора, в конце концов, оказались гениями и создали эти произведения.

История борьбы вокруг этой проблемы — настоящий фантастический, приключенческий, детективный роман. К сожалению, на русском языке

Евангелие армянское. 1249 год. На серебряном позолоченном переплете изображены четыре евангелиста

ке никто не написал об этом — а ведь это была бы увлекательнейшая повесть. Но должен сразу вас предупредить, как людей, которые причастны и к науке, и к искусству. Подлинная наука никогда не ставила под сомнение реальность Иисуса Назарянина в истории. И те атаки, которые велись на Него в течение столетий, — они всегда были обусловлены не научными данными, не историей, не, скажем, археологией, а, как правило, различными философскими концепциями.

Не углубляясь в прошлое, начнем с XVIII века, когда господствует идеология деизма (подхваченная масонами). Что это было? На фоне общего кризиса христианских Церквей и общин возникает попытка создания антитезы, то есть философской *natur-religio* («естественной религии»), которая бы включала в себя простейшие, элементарные догматы: Бог, душа, бессмертие. Создатель сотворил мир, но Он в него не вмешивается; нет никакого Откровения, а человек предоставлен самому себе. Вот эта упрощенная концепция, с разными вариантами, — она казалась религией разума, или, как говорил Эммануил Кант, «религией в пределах только разума».

Ее отстаивали очень многие представители так называемого «Просвещения» XVII–XVIII веков. Но им хотелось, чтобы эта концепция вышла из кабинетов философов и захватила сознание масс. Для этого надо было противопоставить традициям Церкви свои традиции. Они использовали закрытые

деградирующие клубы строителей соборов — «вольных каменщиков», франкмасонов; так возникла альтернативная христианству псевдо-Церковь, со своими обрядами, со своими идеями, символикой и прочим.

Достаточно сказать, что деистом и масоном в этом смысле были Робеспьер, Лессинг, Моцарт — очень многие люди. И в этом была вина христианства; я не хочу это замалчивать. В результате кризиса Церкви интеллигентные, образованные люди искали опору в этой альтернативной концепции. Впрочем, в политическом смысле тут все было перемешано; потому что и вся королевская фамилия Людовика XVI тоже были масонами.

Оттуда начинается поход против Христа, который возглавляет сначала учитель восточных языков Реймарус. Его книга в защиту деизма «Апология истинной веры» никогда не была напечатана, фрагменты из нее опубликовал Лессинг, причем анонимно (не указывая имени автора), они есть и в английском переводе*. Но он еще не отрицает реального существования Христа.

В XVIII веке Шарль Дюпюи, деятель Конвента, тоже деист, пишет книгу, в которой утверждает,

* Реймарус Герман Самуэль (1694—1768), немецкий историк и филолог. Свой труд он озаглавил «Апология или оправдательное сочинение Богопочитателя, опирающегося на разум». См. о нем: А. Мень. Библиологический словарь. М., 2002, т.2, с. 25.

что Христос есть солнечное божество и не больше. Писатель-романтик, писавший под псевдонимом Вольней, современник Шатобриана, он в начале века пишет произведение по истории религии и свободные эссе: он едет осматривать памятники, изучает цивилизации — как Байрон, как многие ездившие на Восток и на Запад. Для него история Христа — это чистый миф.

Но потом эта концепция рушится и забывается. Потому что деизм отходит назад — он теряет свой кредит. А на первое место в начале XIX века выходит Гегель, гегельянство. И тут противники Евангелия, пытаясь использовать гегельянство, создают новую концепцию, согласно которой Евангелие есть продукт жестокой партийной борьбы внутри первых христиан — между сторонниками сохранения ветхозаветных иудейских обычаев и их противниками.

Эту концепцию разработал знаменитый немецкий историк, гегельянец, Фердинанд Христиан Баур (умер в 1860 году). Он преподавал в Тюбингене; там была протестантская школа экзегетики, образовавшаяся при Тюбингенском университете — кто только в нем не учился из великих, и Гегель, и многие другие; старинное здание; мне приходилось там быть; рядом жил Гельдерлин, в башенке, где он был уже безумным; в Тюбингенском университете учился и Давид Фридрих Штраус.

Юный человек, готовивший себя к пастырскому служению, Штраус, увлеченный Гегелем и

идеями Баура, в конце концов стал утверждать, что Христос не важен как историческая личность, а важна христианская идея, идея Христа. «А идея, — говорил он, — не разменивает себя на индивидуумы, идея охватывает только род. Идея не любит отдавать себя личности». В конце концов, он начинает анализировать Евангелия с этой точки зрения.

Штраус был человеком очень острого ума, огромной работоспособности; почти за год он написал книгу «Das Leben Jesu» («Жизнь Иисуса») — двухтомник, огромный (по 700 страниц каждый), со скрупулезнейшим — на это только немцы способны — анализом четырех Евангелий.

В ней он хотел показать, что Евангелия не только результат партийной борьбы между двумя группировками христиан и, следовательно, не отражают жизнь Христа, а они вообще есть система мифов, которые складывались вокруг личности Иисуса: Иисус существовал, но на Него почти механически перенесли все представления о грядущем Спасителе-Мессии.

Штраус начинает рассматривать каждый эпизод жизни Христа и говорит: а вот это было там, а это взято оттуда. И в конце концов от Евангелия почти ничего не остается. Причем его наблюдательность сыграла с ним слишком нехорошую шутку, потому что когда он начинает свои сравнения, он цепляется за мельчайшие детали. Например: у царя Давида, который жил за тысячу лет до Хрис-

А. Мень. От рабства к свободе

та, был советник, который стал предателем; когда он узнал, что его разоблачили, он вышел и удавился; Штраус говорит: вот откуда идет история Иуды. Понимаете, как будто за тысячу лет два человека не могли изолированно удавиться. И вот такие он находил параллели и их пересказывал...

Книжка его вышла в 1835 году, то есть еще при жизни Пушкина. Кстати, к нему приезжал Александр Андреевич Иванов, художник, автор картины «Явление Христа народу» и с ним пытался что-то выяснить. Но Иванов не знал немецкого, а Штраус не знал русского, они изъяснялись на латыни, которую оба уже забыли...

Итак, Штраус не знал, как выглядели представления о Мессии, о Божественном грядущем Царе в те времена, когда жили Христос и апостолы. На самом деле очень мало из этих представлений реально осуществилось в жизни Христа... Божественный Царь, согласно этим легендам, рождается в неизвестном месте и Сам даже не знает о Своем призвании; потом Он является в Иерусалим, где с неба спускается Илия-пророк, помазывает Его на Царство, и Он начинает новый эон, то есть новую эру мира. Нигде Он не представлен как Учитель, как проповедник, как, наконец, страдающий — этого ничего не было; поэтому неоткуда было выдумывать!

В конце концов, теории эти потерпели крах. Но и Штраус, и Баур утверждали, что Евангелия написаны через 150 лет после жизни Христа. Есте-

ственно, как можно считать рассказ достоверным, если он так поздно написан?

В 1863 году выходит книга Ренана «Жизнь Иисуса». Она сейчас переиздана, и я думаю, каждый из вас сможет ее прочесть; она выходила до революции в нескольких переводах и сейчас будет издана в двух издательствах. Ренан был семинаристом, готовил себя к церковной католической службе, очень был одаренный, талантливый человек; но в молодости в семинарии, столкнувшись с современной ему исторической наукой (40–50-е годы прошлого века), он оказался перед выбором: либо Католическая Церковь, либо наука. Это была ложная дилемма, но тогда она ему представлялась именно так. Ему пришлось выбрать науку, и это было честно, хотя он и сохранил очень большое уважение к своим учителям.

Отправившись в Палестину в составе экспедиции Наполеона III, он хотел там набросать книгу по истории христианства — истории ее начала. Под влиянием того же Штрауса и немецких авторов он хотел начать ее как историю идей. И вдруг все в нем переломилось.

Молодой ученый увидел Галилейское море; увидел заснеженную гору Ермон; прошел по улицам Иерусалима, был в Назарете и Вифлееме, и он увидел, как сам пишет, «пятое Евангелие». Все строки евангельские ожили, когда он соприкоснулся с исторической и географической реальностью Святой Земли.

А. Мень. От рабства к свободе

И тогда он решил написать книгу о жизни Христа по принципу биографии, восстановить Его образ. И прежде всего Ренан отбросил мнение гегельянцев, что Евангелия — поздние сочинения. Он утверждает, что они были написаны в I веке нашей эры.

Его книга вызвала бурю. За короткое время она выдержала 13 изданий. Но это была неудача. Потому что, блестяще изобразив (проработав) пейзажи, историческую обстановку, как бы оживив все, сделав прекрасный фон, Ренан на этом фоне поместил живую, психологически очень понятную фигуру Иисуса Назарянина, которая не имела ничего общего с евангельским Иисусом. Слабый человек, постоянно колеблющийся, склонный к двусмысленности, даже ко лжи, сентиментальный — такой человек не мог создать мировой религии.

А в конце XIX века великий немецкий ученый Адольф Гарнак провозгласил, что Евангелия относятся к самому первоначальному пласту христианской традиции и являются очень древними произведениями. С этого времени наука начинает стремительно двигаться в сторону сближения с традицией. А сегодня гипотезы тех ученых, которые считали, что какие-то греческие философы сочиняли Евангелие от Иоанна, потому что там стоит термин *Логос*, «Слово», — принадлежат вчерашнему дню; это не только не подтвердилось, но опровергнуто очевидными фактами.

Один факт хочу вам назвать. Современный исследователь Кумрана (вы знаете, что речь идет о

рукописях Мертвого моря) французский ученый Жан Карминьяк сделал однажды перевод Евангелия от Марка на тот древнееврейский язык, который присутствовал в Кумранских рукописях. И вдруг он увидел, что все легло блестяще. И тогда он стал дальше исследовать этот вопрос. Выяснилось, что вся фразеология, грамматика, структура, литературная форма Евангелий имеют под собой прочную семитскую основу.

Карминьяк пришел к выводу, что в основном все тексты Евангелий от Матфея и Марка первоначально были написаны на арамейском или древнееврейском языке, то есть самими апостолами в первом поколении. Он писал мне, что уверен — к 2000 году вопрос этот не будет вызывать споров среди ученых.

Другие же считают, не менее основательно, что здесь роль играет устная традиция. Вы, вероятно, знаете, как выглядит, по крайней мере внешне, книга Махабхарата — индийский эпос. В русском переводе, далеко не полном, это целая серия толстых, пухлых томов. Так вот, Махабхарату индийские сказители знали наизусть. Они могли в течение нескольких недель пересказывать ее слушателям.

На Востоке издавна существуют определенная техника и традиция запоминания текстов. В Палестине I столетия считалось даже дурным тоном записывать за учителем. Очевидно, у людей тогда склероза не было, они запоминали, повторяя из

А. Мень. От рабства к свободе

раза в раз, все время обкатывая. Они все знали наизусть. Поэтому ученые с полным основанием говорят, что устная евангельская традиция была не менее надежна, чем пергамент и папирус.

Вот чем объясняется сходство первых трех Евангелий, иногда дословное совпадение, — они так или иначе опирались на эту устную традицию, опирались на то, что происходило в Церкви постоянно. Там нельзя было, оказывается, выдумать. Авторы апокрифов, создававшие эту параевангельскую беллетристику, писали на свой страх и риск, домашним способом. А вот наши канонические тексты — они всегда произносились на собраниях, на общениях, это то, что рассказывали им люди первого поколения, и это то, что было записано за ними.

И еще одна, последняя черта Нового Завета. Книга Деяний апостольских (вы знаете, что она следует за Евангелиями) повествует нам о том, как христианство распространялось в первых общинах в 30 — 60-е годы I столетия.

Апостолы шли через крупнейшие города, они обходили деревни; христианство распространялось в наиболее важных культурных центрах — это была урбанистическая религия. Рим, Антиохия — столицы Востока и Запада с населением иногда в полмиллиона (что по тогдашнему времени было очень значительно). Многонациональное, огромное население империи... И у этих общин было множест-

Введение в Новый Завет

во проблем. Отношение к языческим праздникам, к имперским властям, отношения между христианами и теми иудеями, которые не приняли Евангелие. Там есть споры, которые бытовали в Палес-

Гюстав Доре.

Апостол Павел в синагоге в Фессалониках (Деяния 17:1-4)

А. Мень. От рабства к свободе

тине в евангельское время, — споры, которые были непонятны уже людям из греческой и из языческой среды в конце I века.

Иными словами, Новый Завет — это своеобразный сборник, совершенно подлинно донесенная до нас весть о центральном событии мировой истории.

В будущем мы рассмотрим отдельно каждого евангелиста, чтобы вы почувствовали, в чем литературные, богословские и другие особенности каждого из них. Замечательно, что мы имеем четыре Евангелия, четыре точки зрения на одну личность, личность Христа. Потому что если бы была только одна точка зрения, это бы сузило наш кругозор и наше видение. А так мы видим Его как бы стереоскопически.

Разумеется, в Евангелиях мы найдем противоречия. И это доказывает (от противного), что перед нами не искусственно созданный вымысел, а подлинные рассказы живых свидетелей.

В одном богословском институте ученый проделал следующий опыт, чтоб показать людям, откуда возникают евангельские противоречия. Он договорился с одним из студентов, что во время лекции тот ворвется к нему и, бросившись на кафедру, начнет его душить. И когда студент набросился на него, все вскочили, его связали и увели. Потом пришли полицейские и начался допрос. Одни говорили, что видели у него в руках пистолет, другие слышали выстрел, третьи не слышали

выстрела — то есть показания были все различные. Но профессор и этот студент уже заранее знали, что было в действительности. После этого он рассказал студентам свой замысел и что из этого получилось.

Субъективность человеческих восприятий в связи с каким-то событием — это вещь совершенно очевидная. Например, евангелист Марк говорит, что когда Христос умирал, два казнимых рядом с Ним разбойника Его поносили — озлобленные, умирающие люди. А Лука говорит, что один поносил, а другой его останавливал и обратился ко Христу со словами молитвы. О чем это свидетельствует? Это говорит о том, что Марк и Лука (они оба не были свидетелями на Голгофе) передают разные свидетельства — один сохранил то впечатление, которое поразило очевидца, что и эти люди были против Христа, а другой, может быть, рассказал услышанное человеком, который стоял ближе.

Есть расхождения и в сказании о рождении и детстве Христа. Правда, и тот и другой евангелист, и Матфей и Лука, которые рассказывают о рождении Христа, оба отмечают, что Он родился во дни царя Ирода. Это общее.

Здесь маленькое отступление. Вы знаете, что сейчас, через 10 лет, мы будем отмечать 2000-летие Рождества Христова. Но на самом деле мы должны это сделать раньше. Откуда нам известно, что Он родился ровно 2000 лет тому назад? Дело в том, что в VI веке некоему ученому монаху по

имени Дионисий (Дионисий Малый) было поручено выяснить точную дату рождения Христа. Он провел сложную астрономическую, математическую и историческую работу — очень, надо сказать, успешную для того времени, для раннего Средневековья — и определил эту дату, но впоследствии ее уточнили.

Иосиф Флавий, опираясь на свидетельство Николая Дамасского, сирийского историка, который написал книгу о царе Ироде, утверждает, что Ирод умер во время затмения. Книга Николая Дамасского не сохранилась, и тем более для нас важно, что Иосиф Флавий об этом рассказывает. Николай Дамасский одно время работал у Ирода, был его царедворцем, так что знал многие подробности его жизни. Так вот, когда историки рассчитали, то выяснилось, что это затмение произошло в четвертом году до нашей эры. То есть до того времени, когда, по традиции, совершилось Рождество Христово. Ошибка на четыре года для историка Средних веков — вина небольшая. И мы сохраняем существующую дату как традиционную.

Но когда же реально родился Христос? Значит, за четыре года до нашей эры Ирод умер. Мы знаем (из Евангелия от Матфея), что он велел убить младенцев от двух лет и ниже; следовательно, в момент, когда появилась звезда и когда Ирод узнал о рождении в Вифлееме Ребенка — особого, — этому Ребенку было уже около двух лет. А поскольку Ирод после этого вскоре умер, мы можем предпо-

лагать, что событие это произошло за шесть-семь лет до нашей эры.

У этой проблемы есть одна замечательная особенность. В 20-х годах историки исследовали астрономические записи вавилонских жрецов и обратили внимание, что те очень тщательно следили за движением царских планет, Сатурна и Юпитера, в 7 году до нашей эры. Дело в том, что согласно восточным преданиям, определенная конфигурация этих планет, их схождение в знаке Рыб, означала рождение Великого Царя. И именно поэтому вавилонские жрецы с таким пристальным вниманием следили за этим движением. И было это как раз в 7 году до нашей эры.

Впервые мысль об этом пришла на ум знаменитому астроному Иоганну Кеплеру — одному из создателей современной небесной механики. Кроме того, что он был ученый, он еще занимался астрологией и всякими тайными науками. Он прочел у одного иудейского комментатора, что звездой Царя-Мессии является соединение царских планет. Кеплер считал, что такое удивительное соединение царских планет было в 7 году до нашей эры. Быть может, как раз об этом идет речь в Евангелии от Матфея, когда появившиеся маги, волхвы, в Вифлееме и в Иерусалиме говорили: «Мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему». Так мы читаем в нашем синодальном переводе. На самом деле перевод должен звучать так: «Мы видели восхождение Его звезды». В данном контексте

А. Мень. От рабства к свободе

«восток» не сторона света, а именно восход. Вот такие интересные совпадения связаны с датой рождения Христа.

И последнее — почему мы празднуем Рождество 25 декабря? Кто из вас читал Евангелие от Луки, помнит, что в ту святую ночь, когда родился Христос, пастухи находились в поле. А на Востоке период зимы — это дожди, холод; овец загоняют под укрытия. Но когда весной появляется трава, их на круглые сутки выпускают в поле, и пастухи там живут с ними и ночуют. Следовательно, событие это

Волхвы.

Мозаика из базилики св. Аполлинария в Равенне. VI век

происходило тогда, когда пастухи жили под открытым небом, то есть в весенне-летнее время. Почему же тогда 25 декабря? Не было нигде такого указания в Библии. И христиане по-разному справляли день рождения Спасителя.

Иоанн Златоуст, знаменитый ученый, христианский проповедник IV века, пишет в одной из своих проповедей: «мы недавно ввели праздник Рождества». Иоанн Златоуст умер в начале V столетия. Почему — еще раз повторяю — выбрали 25 декабря? А потому что это был день рождения Солнца. 25 декабря, по старому астрономическому расчету, Солнце начинало набирать силу: это был праздник солнцеворота. И в Римской империи праздновали рождение Sol Invictus — Непобедимого Солнца. Так именовали бога Митру, так именовали разных солнечных богов. Вы все понимаете, какое значение имеет Солнце для жизни человечества, почему всегда человек перед ним преклонялся.

И христианство отождествило великое событие Рождества с рождением Солнца. Поэтому и праздничный гимн, который у нас поется, который исполняется в церквах в день Рождества, содержит такие слова: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия миру свет разума. В нем бо звездам служащий (то есть через этот свет разума служащий звездам) звездой учахуся, Тебе кланяться, Солнцу Правды» — через звезду звездопоклонники научились поклоняться Солнцу Правды — это такой поэтический образ.

А. Мень. От рабства к свободе

Так вот, «Солнце Правды» и «свет разума» — это явление Христа в мир, и поэтому этот праздник стал отмечаться 25 декабря. У нас, ввиду отставания старого юлианского календаря, введенного Юлием Цезарем (мы еще стоим на нем), этот праздник попадает на 7 января.

В дальнейшем мы, повторяю, рассмотрим особенности каждого евангелиста в отдельности и проследим связь Евангелий с самыми различными сторонами человеческой истории, культуры и искусства и главным образом — духовности. На этом сегодня думаю, закончим.

Отвечаю на вопрос:

Почему волхвы пришли в Вифлеем именно в дом, где остановилась Мария с семьей? Именно они искали Иисуса?

Ответ на это, пожалуй, дает Евангелие от Луки. Евангелист Лука рассказывает, что когда Иисусу исполнилось всего полтора месяца, по старинному иудейскому обычаю Мать понесла Его в Иерусалим, чтобы посвятить первенца Богу (Он был первенец). И там Его встретил старец Симеон, который при всех взял Ребенка на руки и сказал: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром. Яко видят очи мои спасение Твое, еже уготово пред лицом всех людей, свет во откровение языков и славу людей Твоих Израиля». И все люди

Введение в Новый Завет

это слышали и понимали, что этот Младенец особый; а когда они вернулись в городок, конечно, об этом всюду ходили слухи. И, я думаю, что волхвам сразу указали дорогу к дому, где был рожден необыкновенный Младенец.

4 сентября 1990 года

Оглавление

Книга Исхода	9
Закон и этика Ветхого Завета	41
Исторические книги Ветхого Завета (лекция I)	70
Исторические книги Ветхого Завета (лекция II)	97
Пророки. Пророчество	120
Книги Исаии, Софонии, Наума, Аввакума, Иеремии.	147
Учительные книги.	174
Книга Иова и Книга Экклезиаста	194
Псалтирь	224
Эсхатология Ветхого Завета	265
Введение в Новый Завет	288

Протоиерей
Александр Мень

ОТ РАБСТВА К СВОБОДЕ

Подписано к печати 01.06.2008
Формат 70х100/32. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ. л. 8,62
Тираж 5000

Компьютерная доработка
Сергей Иванов

Издательский дом «ЖИЗНЬ С БОГОМ»
тел. редакции (495)629-52-62

Книги можно приобрести в храме
свв. бесср. Космы и Дамиана по адресу:
103109, Москва, Столешников пер. 2;
или в книготорговой фирме «ИП Фигурнова»
тел. 8(499)158-10-58
моб. 8(926)223-30-50, 8(962)940-68-02,
figurnova@yandex.ru
или заказать и получить наложенным платежом
по адресу: 123104, Москва, а/я 24,
«Новое книжное агентство» (книга — почтой)
тел. 8(495) 638-51-83
biblio@dbiblio.org

ISBN 978-5-903612-22-2

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д.6